

1 октября, среда – 2 октября, вторник. Собственно, два дня провел дома, старательно вычитывая новую порцию дневников – за 2013 год. О мотивах не говорю, и так понятно, стараюсь все закончить сам. После будет некому, все заняты собой.

Ах, знаменитые долго жившие жены – Софья Андреевна, Надежда Яковлевна и ныне, к счастью, здравствующая Наталья Дмитриевна! О последней придется опять говорить, но чуть ниже.

Честно говоря, мне самому иногда кажется, что мой Дневник выдыхается, объем охвата жизни сокращается, и это понятно, но вот читаю страницу за страницей – интересно, полно, даже иногда ново. Впрочем, одно есть, и Леша Козлов, мой издатель, наверное, прав: с политикой чуть пересаливаю, так же как и с моей мстительностью бедного человека к богатым, которые неизвестно каким путем добыли свои средства. Но кто уже через год после судов помнит этих депутатов, губернаторов, заместителей губернаторов и банкиров? Потом, так однообразно воруют и так старательно не хотят отдавать краденое. Кстати, в четверг состоялся какой-то съезд инвесторов, на котором – слышал по радио – мужской голос спрашивал у Путина, а не начнется ли пересмотр незаконно приватизированных заводов, угодий, лесов, особняков и другой

госсобственности. И Путин твердо ответил, что этого не будет. А почему нет? Не преувеличивают ли все эти собственники тот коллапс, который якобы возникнет в промышленности, когда собственников возьмут за их нежные и розовые жабры? По закону ли только должна жить Россия, или еще и сообразуясь с благодатью?

В среду пришла «Литературная газета», стал читать поздно, перед сном, и сразу натолкнулся на статью Елены Мушкиной о Юрии Левитане, жили рядом, были знакомы. Вот уж чего Лена добилась, так это жесткого документального письма, все плотно, правдиво, можно вырезать из газеты и хранить как бесспорный документ. Между прочим, я тоже неплохо знал этого поразительного человека. Именно по его звонку начальнику лесоторговой базы мне выделили щитовой домик, который стал моей дачей. Раньше, несмотря на письмо заместителя министра, мне в этом отказывали. Список персонажей, которые могли бы, чтобы получить результат, позвонить этому начальнику, был серьезным – я тогда работал главным редактором Литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, значит, дружил со всеми знаменитыми актерами – возглавлял список Михаил Ульянов. Но позвонил все-таки Юрий Борисович – надо понимать при этом, что директором базы тоже был не Иван Иванович... Мужик Левитан был хороший, хотел постоянно читать художественную литературу.

Скандал, который возник после выступления Полякова о Солженицыне и письма Надежды Дмитриевны, разгорается. Уже высказался Женя Миронов, обидели вдову, и вот утром позвонил Леня – в «Московском комсомольце» чуть ли не целая полоса Минкина. Все то же.

К вечеру номер газеты мне принесли. Здесь все какая-то советская аргументация: если, дескать, не понимаешь, то как же ты работаешь редактором «Литературной газеты». Так в советское время жаловались в ЦК КПСС. Статья пустоватая, ее пафос сосредотачивался на давнем номере газеты с портретом Сталина на первой обложке, кажется, к очередному юбилею. Тот давний номер, как резервный полк, хранился целый год в каких-то идеологических запасниках – к выстрелу по Полякову, видимо, готовились давно и серьезно.

Сижу дома, вычитываю Дневник-2013, идет трудно, но ощущение все-таки, что интересно. Как все быстро забывается!

3 сентября пятница. Машину, как обычно, оставил в институтском дворе и пошел в Дом литераторов – в два часа исполком, а в три в большом зале – съезд Международного союза книголюбов. Человек тридцать из исполкома собрались в комнате за сценой. Доклад и отчет были отпечатаны в виде небольшой книжки, в ней была и моя статья, по мыслям – вступительное слово на съезде. Вела все Людмила Шустрова, председатель; я немножко тоже поговорил; приняли двух новых членов – общество в Сарове и еще одну организацию в Актюбинске, в Казахстане, здесь общество организовалось при университете. Потом выбрали меня президентом.

Сам съезд – в лучшем случае сидело половина зала, но я понимал, что за каждым еще целая группа людей, интеллектуальное развитие которых не заснуло, – итак, сам съезд состоял из добротного выступления Михаила Семеновича и собственного моего, после которого проходили бесконечные награждения грамотами, медалями, благодарственными письмами. Хорошо, что я позвал, разбавить это официальное действие, Мишу Тяжева, он читал свой рассказ, и Максима Лаврентьева – это две его поэмы: «Колокол» и «Стена». Потом, во время фуршета,

ко мне подходило несколько женщин, уже настоящих любителей и, видимо, по-настоящему понимающих литературу, и хвалили обоих ребят.

К семи часам я из Дома литераторов переключался во МХАТ им. Горького. Здесь премьера по пьесе Юры Полякова «Как боги...». Театр полон, ставила сама Доронина, уж чего сразу ясно – пьеса отчаянно современная. Здесь старый дипломат, бывший посол, его жена и дочь, с сексуальными проблемами ее возраста и нашего времени, старый бизнесмен-ворюга, молодой бизнесмен, китайская классическая поэзия – дипломат бывший посол в Китае, его бывшая, первая, жена, вышедшая замуж за старого шотландского лорда, их балбес-сын. Жена посла дает уроки этикета бандитам и выскочкам. Есть адюльтер, «ягуар», взрыв мотора. Самое главное – Поляков, уже признанный мастер диалога, насытил обширный, явно сатирический сюжет, обилием блестящих реплик, которые могут, как реплики у Грибоедова, и войдут, наверное, в обиход. И как бы снобам это все ни казалось достаточно банальным, зритель это принял на «ура». Все, что, может быть, автор не дотянул, искусно замазала и заделала своей режиссурой Татьяна Васильевна. Отдельно об актерах, ряд ролей сыграно виртуозно. Матасова – это концертный номер.

О Дорониной отдельно – она сменила имидж, вышла на сцену в замечательной черной кофте и юбке чуть выше колен. Прекрасно, очень современно, по-своему, даже царственно.

После спектакля, как обычно, состоялся банкет. Леня на следующий день – дописка! – рассказал, что разошлись в пятом часу. Я бы, конечно, такого не выдержал, но когда я уже ушел, Татьяна Васильевна стала говорить о «Гамлете», который сейчас ставит в театре Валера Белякович. Пропустил!

4 октября, суббота. Утром говорил с Леной, обменивались мнениями, а в обед дозвонился до Л.М. Царевой – 7-го числа, во вторник, нам представят нового ректора, Алексея Варламова. Я ему не завидую, в сложных условиях ему придется отработать за назначение у его сторонников.

<...>

6 октября, понедельник. <...>

Днем прочел материалы Глеба Гладкова к семинару, а так весь день сидел над вычитыванием рукописи Дневника-2013. Довольно безжалостное по отношению к прошедшему институтскому режиму получилось у меня сочинение. Вести Дневник легче, чем потом его вычитывать.

В рассказах Глеба, пропитанных сексом, слишком много жестких сторон жизни. Кое-где становится страшно, все это увидено и прочувствовано до болезненных оснований. Не очень представляю, как завтра это буду обсуждать, в группе много совсем юных девчонок.

Завтра на час дня назначен ученый совет, большое начальство из Минкульта и, видимо, Владимир Толстой, советник президента, будут представлять нам как будущего ректора Алексея Варламова. Наверно, я не сумею промолчать. Оказывается, Алексей заходил на кафедру к Надежде Васильевне еще в четверг. В разговоре признался, что его во вторник представят – в каком качестве, в виде исполняющего обязанности или в качестве ректора, неизвестно – и одновременно сообщил, что хотел бы числиться у нас профессором, а также, что став ректором не откажется от должности главного редактора «Литературной учебы».

Передсном открыл «Российскую газету». Буквально потрясло, что про Юрия Любимова, умершего в воскресенье, огромную статью написала

Алена Карась. Да кто же она такая, чтобы о нем писать? Это при том, что по радио и телевидению высказались первые люди культуры.

7 октября, вторник. В час дня мы все, ученый совет и «актив», в который включен и наш агент-экспедитор Коля, уже сидели в конференц-зале. Вошли гуськом министр культуры Мединский, Владимир Толстой, который, еще проходя к сцене, успел за руку поздороваться со мною, за ними шли Алексей Варламов и заместитель министра Ивлев. Не могу сказать, что процедура прошла блестяще. Очень коротко и с некоторой натугой несколько слов сказал Мединский, потом в раздумчивой интеллигентной манере Владимир Толстой, помощник президента по культуре, рассказал о том, что знает Варламова много лет и что надеется, что с его приходом Институт снова взлетит в своей славе. Существенно – обещал поддержку правительства. Речь Варламова я не очень запомнил, в ней слишком много было знакомого. После министр имел неосторожность спросить, не хочет ли кто-нибудь высказаться. Одновременно сидевший передо мною Евгений Рейн и я подняли руки, но со своим панегириком власти и новому исполняющему обязанности ректора Евгений Борисович уже помчался на трибуну. Я начал с того, что еще никто и никогда Рейна опередить не мог. А потом высказал, может быть коряво, несколько тезисов. Судя по тому, что представили не ректора, а еще исполняющего обязанности, Институт пока не лишили его академических вольностей. Второе, я имел смелость подумать, что смена одного исполняющего обязанности ректора другим исполняющим обязанности не означает, что первый исполняющий работал плохо. Конечно, я имел в виду Л.М. Цареву и сказал, что за последнее время она существенно освободила институт от ряда недостатков. Я все время говорил, как точен выбор министерства, потому что и наш выбор склонялся именно к Варламову. Его и чуть позже Олега Павлова – и это было сказано – мы и брали с дальним прицелом именно сделать из них в дальнейшем ректоров. В том числе я вспомнил эпизод, как в прошлый раз опрашивал всю кафедру: кто хочет стать ректором? Даже приходил, приостановив заседание кафедры, к Алексею в аудиторию, он в это время вел семинар: Алеша, хотите? Все это к тому, что зря министерство так активно во все это вмешалось, наверное, и сами собой выбрали бы. Закончил я грустной институтской статистикой: как правило, в Институте выигрывает выборы вольный соискатель, а не исполняющий обязанности ректора. <...>

Семинар, как мне кажется, прошел довольно тускло. Саша Парфенова и Глеб пишут хорошо, но, как мне кажется, эротика и мат становятся у наших студентов чем-то похожим на фэнтези – все собирается из блоков, легко, и, главное, собственный половой орган как объект наблюдения очень доступен.

<...>

Вечером был на спектакле в «Новой опере». Давали премьеру – оперу Моцарта «Свадьба Фигаро». Думал получить легкое, искристое удовольствие, но промучился почти три часа. Даже музыка звучала как-то глуховато, я уже не говорю о самом сценическом действии. На сцене чуть наклоненная в сторону зрителя огромная кровать – на ней собственно все и происходит. Я бы сказал, с европейской заумью. Если Керубино нужно выпрыгнуть из окна в сад, приносят «окно», сад изображают девушки, над каждой колышется какая-то ветка, эти деревья чуть ли не целый спектакль уныло бороздят просторы необъятной кровати. Трагикомедия в двух действиях. В афише в качестве просветителей

стоят почти сплошь зарубежные имена: музыкальный руководитель и дирижер – Ян Лагам-Кёниг, режиссер – Алексей Вэйро, сценография – Ульрике Йохум; костюмы – Ян Майер; хормейстер – Юлия Сенюкова; художники по свету – Ханнес Зеземанн, Ханс Фрюндт, продюсер – Петер Шварц. Женщины – графиня и Сюзанна, пели превосходно, мужчины – и Фигаро, и Альмавива, недотягивали до свободы. А я, между прочем, помню – слушал, когда было мне лет четырнадцать, – изумительно веселый спектакль, правда, Россини, «Свадьба Фигаро» в музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко. Ставил, кажется, сам Немирович-Данченко. Все простенько, в обычных реалистических декорациях.

8 октября, среда. Утром пришла «Литературная газета» с моей статьей по поводу критики Щегловой. Статью буду еще читать, но сразу же обратил внимание на иное. Вчера вечером в антракте рассказывал Колесникову о статье Алены Карась, которую она написала о Любимове. Саша встал на ее защиту, дескать, надо было, наверное, написать быстро, а Алена может это сделать за один вечер. Я стал рассказывать, что моя покойная Валя в тот же день поехала бы к кому-нибудь из великих и сделала бы статью от его имени – здесь честь и престиж газеты. Так вот, сегодня, открывая «Литературку», сразу заметил – о Любимове написал Виталий Третьяков, очень неслабо и безо всяких льстивых преувеличений. Фрагменты и отрывочки.

«Любимовская Таганка – это был публицистический театр, то есть более политический, чем театральный. Потому он и фактически погиб после того, как политическая ситуация, в которой этот театр родился и внутри которой жил, против которой боролся и внутри которой только и мог расцветать, исчезла. Самый антисоветский советский театр – вот секрет успеха Таганки Любимова. Такой театр мог процветать только при советской власти. С ее исчезновением он должен был рухнуть, что и произошло».

Текст, конечно, очень жесткий, почти, можно сказать, не к минуте, но такой отчаянно справедливый, что может стать образцом при наших театральных разборах. Впрочем, кто разбирает, критик, который заискивает перед театром и литчастью, чтобы они бесплатно пустили его на спектакль? Из знаменитых критиков, которые, чтобы быть свободными, покупали билет в Большой театр, я знаю только одного – балетного критика Евгения Маликова. Но все же к Любимову и Третьякову. Еще один убийственный пассаж.

«До сих пор остаётся открытым вопрос, а была бы при всех выдающихся качествах Любимова так знаменита Таганка, если бы в ней не работал Владимир Высоцкий, всенародная известность и популярность которого превосходила тогда известность всех советских театров вместе взятых. Думаю, что нет...»

И последнее.

«Бесспорно, Юрий Любимов был любимцем своего времени и судьбы вообще. Чтобы войти в историю абсолютной легендой, ему нужно было бы умереть раньше. Ибо после исчезновения СССР дела для него ни в театре, ни в политике уже не было. Но он был слишком самолюбив и слишком успешен, чтобы допустить такое. Потому предпочел жить долго...»

<...>

Вечером был в Театре Российской армии. Впервые ехал на метро – постепенно в Москве, как и в Париже, метро становится «в шаговой

доступности». Столько лет возле пятиугольного театра торчала огромная башня, одна из тех, которыми «Метрострой» помечал свои строящиеся объекты. Достроили – роскошная, прекрасно оформленная и просторная станция.

В театре давали «Царя Федора Иоанновича» Алексея Толстого. Постановка Бориса Морозова и его же сценография. Сразу же обратил внимание, все не без влияния знаменитого спектакля Юрия Григоровича. Сидел близко, наконец-то понял все извивы гениальной трагедии, все понял и все расслушал. Не обошлось, конечно, опять и без помощи Саши Колесникова, я у него вроде ассистента при его ревизии спектаклей. К сожалению, много в тексте лишь проговорено, внутренняя, дышащая разнообразными мотивами ткань трагедии рвется, превращаясь в текст. Сiju и внутренне все перевожу на «трагический»: здесь бы голосов, да погуше, и смыслов поразнообразнее. Хорош был князь Шаховской – Сергей Смирнов, и голос, и статья, и давит адреналин. Я принял и царя Ивана – Николай Лазарев, – но он несколько переозвучен интонациями Иннокентия Смоктуновского. Царица Ирина – дочь Бориса Морозова, хорошо, что это бесспорно русский тип, но жидковато. Боже мой, какой гениальный текст, как все разработано и соединено, как аргументированно и современно! И Путин, и Немцов, и Болотная, и перебежчики, и купцы, которые представляются народом, посадским людом. Но каков театр, как все вычищено и вылизано, какие фойе и вестибюли, сразу видно, что армию снова финансируют. Зал был, к сожалению, заполнен наполовину, но я даже порадовался, что привели на спектакль солдат, уж не меньше роты

9 октября, четверг. Весь день просидел дома. Во-первых, конечно, обдумывал и что-то почитывал к публичной лекции, которую должен о публицистике прочесть в субботу, а во-вторых, с увлечением продолжал читать верстку. Иногда звонила Оксана, предупреждала о лекции и о «празднике поэзии», который должен состояться во вторник. Это все остатки детских мероприятий, которые вела Галина Яковлева. Кажется, хлебать этот праздник придется мне, вручать «юным дарованиям» грамоты и что-то говорить. Пока в телефонных разговорах решили выделить от каждого поэтического семинара по поэтической четверке и пригласить несколько настоящих поэтов. Еще два дня назад думал, что свои стихи почитает Максим Лаврентьев, но от него сегодня пришло письмо. Фрагмент выписываю:

«К Дому Герцена у меня сложные чувства. С одной стороны – почти-тельная привязанность: я здесь провел какое-то время (время учебы на заочке не в счет, тогда я практически не бывал в Лите и ничему из того, что могло бы пригодиться мне как литератору, не учился и не научился), в основном я проникся чувствами к институту в пору моей довольно бессмысленной и ни к чему дельному не приведшей работы. Правда, один вполне ощутимый результат был: я познакомился в институте со своей второй женой, именно там, на кафедре критики, протекал наш с ней очень бурный роман.

Как Вы знаете, я покинул институт в 2007 году, т. е. семь лет назад, так как там ни для чего не мог сгодиться, кроме работы телефонным коммутатором и подателем чая, что мне представлялось, мягко говоря, нерациональным использованием моего потенциала. Ничего унизительного, после многолетней работы грузчиком, я в этом, разумеется, не видел, но имел дерзость думать, что мог бы принести Литературному институту пользу в более творческом качестве. Да, я до сих пор убе-

жден, что в пору моей последующей работы в “Литературной газете”, “Литературной учебе” и даже, возможно, в “Литературной России”, моя относительная молодость, мой приобретенный к тому времени технический опыт и мои возможности в поименованных изданиях позволили бы мне, чем черт ни шутит, вести поэтический семинар. Я мог не только грамотно разбирать со студентами их “пробы пера”, но и оказывать бесценную поддержку в первых публикациях, чего сам, числясь на семинарах Фирсова и Николаевой, был совершенно лишен. Но человек предполагает, а располагает Бог. Этого по разным причинам не произошло, хотя и Вы, и М.Ю. Стояновский, и Е.Ю. Сидоров (последние, как я догадываюсь, скорее декларативно) что-то собирались изменить в этом направлении. Убежден, что мысль была правильной, даже если бы она не имела ко мне никакого отношения: состав руководителей семинаров нужно резко менять, омолаживать, – руководить студентами должны люди, сами бывшие недавно студентами – 30-летние, готовые тратить и тратить силы не только на себя, но и на других... Увы (для меня – во всяком случае), этого не произошло.

В моем же случае, кроме того, и не произойдет никогда. В следующем году мне исполняется 40 лет; разные жизненные неурядицы сделали меня во многом другим человеком. И дело тут не только в моей нервной болезни – следствии нереализованных желаний и крушения планов. Штука в том, что с некоторых пор я полностью утратил иллюзии и вкус к “литературной жизни”. И Литинститут превратился для меня в эдакий мрачный символ этих утраченных иллюзий, в надгробие над моей молодостью.

Я с трудом пережил развод с женой, и возвращаться в то место, где когда-то мы оба с ней были так счастливы, для меня морально очень тяжело. Когда полтора года назад я был там в последний раз, после большого перерыва, то дал себе слово никогда больше не возвращаться в это грустное для меня место.

К тому же, в Литинституте у меня друзей, кроме Вас, нет. Нет больше Льва Ивановича. Пожалуй, еще только Оксана Лисковая, Сергей Арутюнов да Марина Драницына душевно ко мне относятся. В остальных я вижу только госпожу Молчанову, поливавшую меня грязью за то, что я, всегда отстаивавший честь Литературного института, посмел открыто высказаться против его бездарного руководства Тарасовым.

Читать стихи Молчановым? Увольте».

Еще вчера пришла «Литературная газета» с моей статьей о критике Е. Шегловой, нет Левы, и похвалить или поругать меня некому. Леня Колпаков сказал, что все нормально, на редакционной летучке к статье отнеслись хорошо. На этот раз не позвонила даже Галя Кострова, поглядим, что скажут коллеги во вторник. Я уже не помню, вставлял ли я текст этой статьи в Дневник, ну да бог с ней, со статьей. Зато позвонила Ольга Твардовская, благодарила за присылку Дневника и сказала, что теперь, как в свою очередь она сама, на мои дневники подседа, и ее сестра Вера Александровна. Собственно, Ольга по просьбе Веры интересуется моим адресом. Вера, доктор исторических наук, хочет написать мне письмо, но уже устно сказала, что если я дотяну свой Дневник «до конца», то именно по нему будут ученые изучать эпоху. Пока медленно, но с интересом читаю Дневник за 2013 год, иногда удивляюсь: неужели это я?

10 октября, пятница. Утром тридцать минут ходил по стадиону, постепенно переключаюсь на лекцию в субботу, семинар во вторник

и встречу со студентами в МГИМО. Здесь надо накопить сил и для вступительного слова и для «экспромтов» во время занятий. Уже есть один пассаж из Достоевского, он может пригодиться для обоих семинаров. Это мое как для ленивого человека спасение – я сплю рядом с книжным стеллажом, утром снимаю том Достоевского, вечером статьи и эссе Набокова.

Вечером сегодня премьера «Леоноры» Бетховена в театре Покровского. Оперу слушал чуть ли не в детстве, ничего не понял. Какое-то монологическое пение в каких-то пещерах и подземельях. Как же много значит, кто ставит, кто дирижирует и кто оформляет. Мой добрый знакомый, Виктор Вольский, «сбил» это действительно монологическое, с большими музыкальными кусками действие на тесной площадке сцены, режиссер Михаил Кисляров все это с огромной находчивостью развел, а Геннадий Рождественский, гениальный дирижер, вдруг небольшой оркестр поднял на невероятную трагическую высоту. Будто раньше я слушал другую оперу. <...>

В антракте встретился и поговорил с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Как всегда доброжелательна, спокойна, проста в разговоре. Чудные, неизвестные мне духи. Поговорили о школьных сочинениях, которые, собственно, именно после ее разговора с Путиным снова появятся в наших школах. Она сейчас входит в комиссию, которая разрабатывает условия. Не жалуясь, констатирует: входит в комиссию 10 человек, а практически работают только трое. Очень радовалась за Олега Павлова, когда я сказал, что он у нас в Институте. Говорили о всеобщем воровстве начальников всех уровней, о смене начальства у нас в Институте, об отношении к ушедшему Тарасову. Познакомил с Н.Д. Сергея Петровича Толкачева, он очень хорошо встроился в разговор.

11 октября, суббота. В одиннадцать часов уехал в Лит – там у меня в час лекция для старшекласников о том, что такое публицистика. Как будто я знаю, как будто кто-нибудь знает, о чем здесь читать! У талантливого человека все идет в строку, а бездарному чурбану прочти хоть десять лекций, все рано не получится. Как обычно перед лекцией или перед семинаром, спал плохо и проснулся рано. Все эти лекции по субботам – московский и немалый грант, который Институт берет, чтобы, с одной стороны, просвещать молодежь, а с другой, чтобы накопить какие-то деньги. Я полагаю, что основные суммы расходятся на доплаты любимому начальству. По крайней мере, как мне показалось, этим достаточно свободно пользовался предыдущий ректор. Откуда тогда, плюс деньги за платное обучение, довольно значительные, существенные доплаты бухгалтерии и начальникам административного корпуса – чтобы сравнять их, несчастных, с профессурой, которой почему-то президентский грант полагается, а им нет. Уже и бюджет никого не удовлетворяет.

<...>

Хорошо, что в Институт поехал на машине – вернулся домой, в надежде поработать, но только успел с час полежать, и пришлось ехать в РАМТ, там сегодня премьера. Я всегда боюсь что-то существенное пропустить, потом не догонишь, да и Дневник прожорлив, как дикое чудовище. В искусстве и в жизни в искусстве всегда надо делать усилия. Но и на этот раз я не промахнулся, потому что сильный спектакль и настоящий театр, когда реальность и дыхание фантазии сливаются, и ты оказываешься на острие, как ножа, времени, не понимая, где вчера, где сегодня и как там, по другую сторону художественной реальности.

На этот раз Алексей Бородин предложил спектакль по сценарию, который лет пятьдесят назад был превращен в знаменитый фильм «Нюрнбергский процесс». Фильм-то я, пожалуй, не помню, кроме главного судьи – Спенсера Трейси и незабываемой Марлен Дитрих. Вот уж как была хороша, как тропическая бабочка, залетевшая в окно. Но здесь, кажется, все чуть по-другому, здесь американцы своим военным судят четверых судей фашистского режима. Тоже, между прочим, выполняли свой долг, присягу, были патриотами и спасали родину. А разве нельзя ради родины врать и судить? Спектакль идет два часа в одной декорации – это и пивная, и кабаре, и зал заседания суда. Магическим образом оживлено время 50-х, которое и я и, видимо, Бородин хорошо помним. Описываю все довольно скромно и скучно, хорошее вообще описывается плохо. Здесь на нашем театральном небосклоне блеснуло что-то подлинное.

Знаменательно, что эта постановка возникла в дни жутких историй на Украине. В программке спектакля, очень точной и содержательной, есть несколько биографий прототипов нацистских судей и американского прокурора Телфорда Тейлора, обвинителя от США на Нюрнбергском процессе, одного из основных героев спектакля. «Со слов Тейлора были сформулированы принципы международного уголовного права: планирование агрессивной войны преступно; подчиненный отвечает за выполнение преступного приказа, если имеет сознательный выбор; любое преследование по политическим, религиозным и расовым мотивам есть преступление против человечности».

Зал выслушал все с невероятным вниманием, будто все и забыли, что это спектакль, и боялись аплодисментами тронуть действительность.

<...>

12 октября, воскресенье. Весь день, наконец-то, дома. Медленно двигаюсь по рукописи Дневника за 2013 год, собираюсь к послезавтрашнему семинару. День с утра – тяжелый. Вернувшись после зарядки со стадиона домой, опять рухнул на свой диван и смог подняться только в два, к обеду. Потом напечатал массу того, что мне прислали ребята, и принялся читать рассказы сначала Матвея Шуршикова, потом Ильи Вершинина. Оба ребята очень перспективные, но обоим не хватает общего обзора происходящего. Илья пишет, будто все знает – и место, и объект, и людей, о которых пишет, а Матвей, который написал несколько прекрасных сцен детских драк и об отношениях среди пацанов в школе, вдруг все решает сентиментальной «мстью». Гадкий утенок, которого все бьют, превращается в лебедя, в мировую поп-звезду.

<...>

13 октября, понедельник. Когда был в Институте, то на столешел приглашение на пресс-конференцию, Николай Иванович Рыжков написал новую книгу. Но рядом с этим листом бумаги лежал и большой пакет. Не распечатывая, твердо уверенный в том, что это, конечно, книжка Н.И., которую он мне перед конференцией прислал, я положил пакет в рюкзак. Кстати, подчиняясь судьбе парных случаев, дня за два до этого снял с полки последнюю книгу Рыжкова и уже долго не мог оторваться – глава о времени развала СССР, Николай Иванович тогда премьер-министр, это Яковлев, Горбачев, вся история с «секретными протоколами», которых в архивах не было, двойственность наших либералов – невероятно интересно. И вот, новая книга и пресс-конференция, опять парный случай. Но время идет, проходит с субботы еще один

день, начинаю складывать рюкзак на вторник, в частности пытаюсь запахнуть свое Собрание, которое надписал для Аннинского, вынимаю и распечатываю пакет – драгоценный подарок, три тома «Дневников» А.Т. Твардовского. Это прислали дочери – Ольга и Валентина. Сразу, отложив все, сунулся – невероятные истории новомирского времени. Мое время и моя жизнь. «Дорогому Сергею Николаевичу Есину – с добрыми чувствами и добрыми пожеланиями. Москва, 2014» Имена двух сестер, дочерей А.Т.

Беда моего положения в том, что все, что я вижу, многое из того, что я читаю, я уже не могу охватить и как следует переварить. Но все равно, какая жадность все узнать и всюду сунуть свой нос.

Сидел, как обычно, в понедельник дома, читал материалы к семинару, подбирал цитаты, смотрел в окно, читал верстку, много разговаривал по телефону. Вечером Ашот, который так любит чужую жизнь, принес мне интервью Алексея Варламова, напечатанное в «Известиях». Хороший, продуманный текст, правда, предельно осторожный. Единственная упомянутая в тексте фамилия – моя. Поэтому и выписываю цитату.

«– Вы назначены и. о. Что дальше? Выборы?»

– Да. Но четких сроков нет. Все будет зависеть от ситуации в институте. Конечно, мне бы хотелось остаться на этой должности не на несколько месяцев. Но выборы есть выборы.

– Не опасаетесь, что должность помешает творчеству?»

– Жить в том относительно размеренном ритме, в котором я жил предыдущие годы, теперь вряд ли удастся. Но я это понимал, когда взвешивал “за” и “против”. Только что я закончил роман “Мысленный волк”, который писал несколько лет, и книгу о Шукшине для серии ЖЗЛ. Так получилось, что когда была поставлена точка, поступило это предложение.

Все, что происходит с каждым из нас, не просто так, оно продумывается судьбой, которая дает нам те или иные возможности. И не любит людей нерешительных. И потом эта работа тоже может стать материалом для какого-нибудь романа. Хотя о Литинституте уже много написано, жанр опробован Сергеем Николаевичем Есиным: он вел дневник ректора и написал роман».

<...>

16 октября, четверг – 17 октября пятница. Каждое утро выхожу на один час на стадион, быстрая ходьба и маленькая зарядка. Потом сажусь и вычитываю Дневник. Дневник очень неровный, есть пассажи интересные, но как во всем этом, несмотря на все ахи рецензентов, разберется будущий читатель, не представляю. Не пора ли заканчивать, или искать какой-то иной ракурс. К сожалению, пропустил презентацию книги Николая Ивановича Рыжкова, стыдно перед ним и сожалею, потому что наверняка было бы интересно. Без секретаря при интенсивности моей работы трудно. А главное, почти ничего нового не читаю. Между надоедающими страницами Дневника что-нибудь беру новое или уже прочитанное, нет прежнего восторга.

Вечером приходил Юрий Иванович, на один день он приезжал из Ленинграда. Новости довольно безрадостные, рассказывал, как снимали с работы Ольгу Борисовну Кох. Против нее восстала стая театроведов. Министру, обкусанному вокруг, как олень во время травли, и правыми и левыми, уже стало все равно – и направление, и конечный результат работы знаменитого Института истории искусств. Модой стали, как в советское время, коллективные письма и – это новое – соревнователь-

ные концепции. Между прочим, в комиссии по рассмотрению концепций, оказался и Гриша Заславский, объективности которого я всегда доверял. <...>

Сегодня, т. е. в пятницу взялся пересматривать книгу Готфрида Бена, нашел в ней мои пометки и закладки, все при чтении очень увлекает, но ведь я ничего из ранее прочитанного у этого автора, не помню. Вот соображение о бедственном положении подлинного всегда, во все времена.

«Нельзя забывать, что в самый великий век европейского существования, в основополагающее столетие бытия Запада, на которое мы вплоть до сегодняшнего дня ежечасно оглядываемся, Эсхил, поэтический гений которого не утратил своего величия до наших дней, участник сражения при Марафоне, несколько раз – в общей сложности трижды – принимавший участие в воспевании Олимпиад, не понятый и одинокий, покинул свой народ и умер вдали от него; что издатель Гете еще в 1800 году вынужден был прикидывать, сможет ли он продать 300–400 экземпляров книги автора Гете, тогда как роман о разбойниках “Ринальдо Ринальдини”, написанный его шурином Вульпиусом, разошелся большими тиражами. Так не должно быть, какая-то повторяющаяся особенность здесь есть».

Днем был некий молодой человек, журналист, Валерий Скворцов – оказывается, чуть ли не каждый год создается – этим занимается некая западная фирма – словарь успешных людей. Это не самые выдающиеся люди, а профессора, ученые, люди бизнеса и средние люди политики. Том очень толстый, с золотым форзацем и в картонной коробке – чуть ли не 10-12 тысяч статей. Статья создается по особой схеме. Сидели, наверное, час, укладывали в схему моих родственников, отца, деда, маму, судьбу трудно уложить в две строки. Собрал для корреспондента несколько ксероксов из прежде вышедших словарей и справочников. «Проект» этого материала мне вышлют, и потом мне придется все довершать. Я поинтересовался сбытом, в основном это расходуется по редакциям и большим библиотекам, для рядового читателя стоимость тома – 300–400 евро. Вот так иностранцы в России и работают – сборник, конечно, оплачивается внутренними, русскими деньгами, но какое подспорье для своей и чужой разведки.

<...>

19 октября, воскресенье. Еще несколько дней назад твердо знал, в ближайшие дни надо ехать на дачу. Основное – спустить воду из бойлера в бане и бойлера на кухне. Думал еще о том, что остался не выкопанный сельдерей, но это у меня крестьянское. В моем счастливом возрасте, когда все отсчеты уже позади, все-таки думаешь: а вдруг! А вдруг все продолжится, судьба отпустит еще одну серию! И тогда это уже не заботы наследников, а тебе саму возится с текущим бойлером и чинить водопроводную трубу. <...>

Приехали уже где-то около восьми, весь поселок темный, но ворота, включающиеся от сигнала телефонного звонка, работают. Электричество есть! Поели горячее и даже посмотрели телевизор. Включили, естественно, все электрические обогреватели и отопление, которое у меня на антифризе. Все меньше телевизор воспринимается как события, касающиеся тебя, и все чаще как некий иногда даже трагический развлекательный сериал. <...>

Утром прочел три новых рассказа Миши Тяжева, это все очень хорошо сделано, но все чаще чувствуется общее лекало. Я раздумываю,

как об этом Мише поделикатнее сказать. Почти одна и та же интонация, близкие ситуации, почти везде действует грустный одинокий мужчина.
<...>

В Москве принялся читать начало повести Володи Артамонова – превосходно, но из-за мелочей на него наша семинарская демократия все-таки набросится; попутно обдумываю, что буду говорить ребятам в МГИМО.

20 октября, понедельник. К середине дня все-таки расходился, слабость чуть отступила, возможно, это от резких скачков атмосферного давления. Стрелка на большом барометре, который на семидесятилетие подарил мне Поляков, прыгает из стороны в сторону. Утром весь двор оказался белым от снега, за ночь выпало чуть ли не десять см., но к обеду потеплело. Уже не делаю зарядку, не хожу утром гулять, снова принялся жевать свою старость. Правда, в поисках иллюстраций к моим занятиям в МГИМО, стал рыскать по своей библиотеке. С горечью обнаружил, как много осталось из-за сутолоки непрочитанным. Я все это собирал в надежде на спокойную старость, на террасе, с пледом и книгой на коленях. Еще раз убедился, что никакое компьютерное собрание не дает такого поля для интеллектуального подбора и для работы собственных мозгов, ассоциативных связей. Пока читал мемуары Гюнтера Грасса, мемуары Эренбурга и полистал дневники Толстого. Я хочу послезавтра рассказать ребятам, чем отличаются мемуары и дневники. Но ни мемуаров Сен-Симона, ни мемуаров Казановы не нашел – хотя они точно где-то стоят на полках. Заставлю себя раз в неделю просто рыться, переставлять и вытирать от пыли книги, многое здесь вспомнится.

Из событий сегодняшнего дня это большая статья в «Известиях», которую мне в почтовый ящик подложил Ашот. Речь идет, возможно, о самой дорогой и престижной собственности в Москве – о здании Союза писателей России. Вроде бы его хотят отремонтировать, а потом к трепетной лани присоединить и коня. В одном здании с Союзом писателей поселить и ПЕН-центр. Это уже вызвало брожение, но, оказывается, к этому еще присоединяется и коррупционная составляющая. Всего не перечисляю, здесь и ресторан, и бывшие компаньоны по бизнесу у нашего министра – это, конечно, меня удивило, и жена министра, у которой, кажется, есть свое дело. Статья деликатно называется «Минкульт заподозрили в лоббизме». Естественно, в центре всего скандала: а не собираются ли в памятном доме открыть новый ресторан – один, в подвале, там уже есть. Но вот «вкусный» абзац.

«... в здании Союза писателей может открыть ресторан организация, руководство которой сами члены СП подозревают в связях с бывшими бизнес-партнерами и членами семьи главы Минкультуры Владимира Мединского.

<...> кроме того, по информации “Известий”, в сентябре 2013 года между подотчетным Минкультуры ФГБУК “Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры” и Автономной некоммерческой организацией содействия развитию кулинарного искусства и культуры общественного питания был заключен договор аренды подвала здания на Комсомольском проспекте, где располагается Союз писателей.

Учредителями АНО выступают Владимир Новых и Александр Чуреков. Господин Чуреков одновременно с этим является генеральным директором в других компаниях. Среди них, к примеру, ООО “Анкор девелопмент” – его единственным учредителем является давний

бизнес-партнер Мединского Егор Москвин. В свое время вместе они создавали коммуникационную группу “Корпорация Я”. Кроме того, Чуреков гендиректор ООО “Арсенал”, где совладельцами являются Егор Москвин и супруга министра Марина Мединская, а также ООО “НС Иммобиларе”, где участниками общества являются Марина Мединская, Татьяна Мединская (сестра министра), Ростислав Мединский (отец министра) и все тот же Егор Москвин».

21 октября, вторник. Поехал в Институт довольно рано, потому что помнил, что должен был состояться разговор с Варламовым. Но у Алексея Николаевича оказались другие планы, он меня предупредил, и время у меня не пролетело даром. О семинаре кратко – обсуждался опять Володя Артамонов, налет, как я и предполагал, состоялся. Начал наступление в очень острой форме Илья Вершинин, кстати, еще недавно сосед Володи по комнате. Фрагмент, который Володя представил, мне нравится – по внутреннему состоянию это русская, несколько склонная к очерку, но – проза. Во время семинара я понял, что нелюбовь к тому, что делает Артамонов, связана в первую очередь с его заносчивостью, с его индивидуализмом более старшего и опытного. Илью он разозлил, вставив в свою повесть пассаж про своего бывшего соседа. С одной стороны, без таких деталей быта можно было бы и обойтись, с другой – если бы Илья, которому я симпатизирую, не обозначился, то никто бы и не узнал, что некоторые пассажи работы именно о нем.

Вечером, когда после семинара я на кафедре распивал чай с Надеждой Васильевной, пришел Миша Стояновский. И почти сразу вдруг появился Варламов. Он, оказывается, как я неправильно понял утром, поехал не в Тулу, в Ясную Поляну, а в Москве где-то собралось дружное и ладно работающее жюри этой премии, спонсируемой одно время «Самсунгом», и присудило очередные награды. А.Н. – теперь в Дневниках буду его называть для краткости так – даже сообщил имена новых лауреатов. Одного я точно запомнил – Роман Сенчин, другие потихонечку всплывут. Практически тут же начался наш «откровенный разговор» об Институте, о котором я писал уже раньше. И мне он был нужен – чего таить в себе разные сомнения, а вместе с ними и моральную ответственность, – и новому ректору А.Н. нужны уже готовые рецепты. И все-таки, и все-таки я, чтобы быть предельно объективным, попросил присутствовать при разговоре и Надежду Васильевну, и Мишу. Анализ работы кафедры, каждого ее члена. Проблемы, как мне они кажутся, прошлого рабочего режима, проблемы, которые неизбежно встают перед каждым ректором. А.Н. не очень представляет, что работа ректора в маленьком вузе – еще и очень серьезная работа хозяйственника. Я сказал, что за время своей работы я подписывал все до единого денежные документы и тщательно все контролировал. Сказал, что знаю схему институтовской канализации и побывал на всех институтовских чердаках и крышах. Рассказал, что не только за собственные средства Института построил флигель, в котором сейчас пропускной пункт, но и переложил – добившись этого от Минкульта – ограду со стороны Тверского бульвара. И здесь Надежда Васильевна спросила, почему в Институте перед каждой зарплатой идут разговоры, что нет денег.

Из вопросов так сказать морального климата я рассказал и о двух-трех наших выборных собраниях, и об атмосфере тайны и особой секретности, которая семь последних лет царила в Институте. Все потом разошлись, я поехал домой с ужасом от того, что уже два дня не пишу дневников.

22 октября, среда. Похолодало, но все равно от станции метро «Проспект Вернадского» пошел пешком, автобуса ждать не стал. Уже на подходе к МГИМО вдруг впереди увидел грузную, тяжело шагающую мужскую фигуру. Так издалека похоже на покойного Льва Ивановича, но сразу сердце оборвалось – его уже нет. Завтра в институте будет конференция, посвященная его восьмидесятилетию.

Видимо из-за снега, опять на занятиях было полгруппы. Предварительно ребята прислали тексты; художественные силы неравны, но люди все, безусловно, способные. Замечательно – уже третий материал – пишет Александр Белов.

Волнения по поводу занятий с этими студентами у меня пропали. Я уже выработал стратегию: надо со всех сторон, с жизненной и со стороны культуры, повышать уровень – пункт «а»; и пункт «б» – за семестр, который мне на предмет отпущен, хотя бы пунктирно рассказать о жанрах, приемах, манерах, опытах того, что можно отнести к понятию «литературное творчество». Ворошу свою библиотеку, выбираю цитаты. Кое-что из только что освоенного, в смысле чтения, переношу из одного семинара в другой, хотя страсть как не люблю повторять и повторяться. На этот раз как иллюстрации к тому, о чем мы говорили прежде, принес отрывки из «Годы, люди, жизнь» Эренбурга – это мемуары; из Гюнтера Грасса «Луковица памяти» – здесь беспощадность к себе мемуариста. Прочел и кусок из Борхеса – «эссе» и одновременно рецензия на книгу. Здесь «Процесс» Кафки, роман все прочли. На следующий раз решил провести занятие на Бронной, на Чистых прудах – реальность и действительность – это тема занятий, тряхну своими воспоминаниями о «турникете».

После занятий успел отдышаться и передохнуть – к половине седьмого надо быть у первой от метро колонны Большого театра. Сегодня генеральная репетиция «Легенды о любви», балета Юрия Григоровича, возобновляемого после многолетнего перерыва.

До похода в театр успел просмотреть пришедшую пачку газет. Естественно, подробнее «Литературку». На первой странице Ю. Поляков комментирует первое заседание Оргкомитета по проведению Года литературы. Выписываю, потому что и смешно и едко. «Не обошлось и без курьезов. Так, исполняющий обязанности ректора Литинститута А. Варламов попросил в рамках Года литературы озаботиться ремонтом помещения этого уважаемого заведения. Н что тут сказать! Здание “Литературной газеты”, которой в Год литературы исполнится 185 лет, тоже нуждается в ремонте...» Умеют ребята!

Конечно, я опять о театре, это опять Саша Колесников все устроил. И посадил роскошно – шестой ряд. Кстати, утром опять просматривал его прекрасную монографию о Легаре. С какой редкой обстоятельностью и точность все написано! О, если бы все успевать подробно и размеренно читать!

Драгоценные камни и цветы сравнивать трудно, но, кажется, это все-таки лучший балет знаменитого мастера. Об исполнителях здесь не говорю, все были, а особенно кордебалет, на высоте гениальных фантазий балетмейстера. На символический сюжет Хикмета Григорович наложил еще и мистику судьбы, времени, обстоятельств. Загадочно, прекрасно и невероятно современно. Не прекращаясь, без единого сбоя, прекрасные «тексты» льются со сцены, возвышая собственное твое сердце. Обидно, что, как мне кажется, помельчала, обеднела и постарела публика подобных генеральных репетиций.

<...>

23 октября, четверг. <...> К одиннадцати поехал в Институт, сегодня очередные «Горшковские чтения». На этот раз они будут посвящены не 91-летнему Александру Ивановичу, а Лева. <...>

В открытых воротах Института, на въезде вдруг увидел со спины женскую на костылях фигуру. Я сразу понял, что это Татьяна Николаевна Архипова – она долго, долго работала севой, сейчас на пенсии. Больше некому, и не ошибся.

Конференция открылась добротным выступлением Варламова, который вспомнил и нашу совместную работу севой и с ним в жюри Горьковской премии. Материал подобрал и по работе Левы в «Литературной учебе». Я, честно говоря, после ухода из журнала Максима, журнала не читаю. Максим приносил на кафедру каждый номер.

Потом выступил я, в основном базируясь на своем написанном летом тексте. Вчера ночью, конечно, просыпался, прикидывал, как я все это скажу. Кажется, получилось, хотя, конечно, лучшим было выступление Ярослава Скворцова, он вспоминал отца, его жизнь, свою семью – замечательно тепло, но так и должен говорить сын. Я дождался двух объявленных в программе докладов: А. Ужанков «Секулярное Предвозрождение и Духовное Возрождение (О некоторых тенденциях в древнерусской культуре и литературе XV–XVI веков)». Мне показались рассуждения Ужанкова слишком головными, почти отрицающими естественное взаимопроникновение тенденций и культур. В это время Россия вернулась к истинному, византийскому, до монгольского нашествия православию. Доклад Б. Тарасова «Мировоззрение исследователя как методологическое препятствие в литературных изысканиях» мне показался любопытным по постановке вопроса, но очень спорным по существу. Это какое же литературное искание возможно без идеологии, без точки зрения исследователя, часто принадлежащего к другому времени. Примеры Тарасов приводил из Тютчева и Достоевского, подтягивая классиков к своему, довольно суженному пониманию. Примеры из Юрия Корякина меня не убедили – человек другого видения и массмедиа времени.

<...>

Вечером заглянул в почту – письмо от Марка Авербуха и маленькое сообщение от Ярослава Соколова. Ну, Ярослав всегда пересылает мне что-нибудь забавное.

Итак, Московское отделение Союза писателей России собирается – это инициатива Владимира Бояринова – заочно вручить членский билет Союза знаменитому американскому боксеру Майку Тайсону. Это, конечно, громкая пиар-акция перед приездом в ноябре боксера и презентацией через несколько дней книги «Тайсон. Беспощадная истина». Вот она, энергичная и самоотверженная работа его промоутера! В электронной заметке, распространяемой ТАССом, кроме боевых достижений будущего члена СП России есть и фрагменты жизнеописания. «Тайсон отбыл три года тюремного заключения в 1992–1995 годах за изнасилование. В 1997 откусил во время боя кусочек уха у Эвандера Холифилда. В 2005 году Майк Тайсон завершил профессиональную карьеру».

В связи с этим мероприятием вспомнил и другое, в свое время высмеянное телевидением, когда – за деньги разумеется – нахваливая и восхищаясь, членский билет писателя вручали подставному лицу, актеру, якобы банкиру, представившему книгу стихов. Имя банкира легко

и весело расшифровывалось Б. Сивко – Бред сивой кобылы. Стихи, как признались шутники с телевидения, слеплены компьютером.

И последняя литературная параллель: невероятно забавная карикатура и фотография чуть ли не во всю последнюю страницу «Литературной газеты» по поводу битвы Ивана Переверзина за руководство деньгами писательских организаций. Очень смешно и очень страшно – люди в президиуме и в массовке очень немолодые!

Марк – это особая статья, чуть позже, пора спать.

24 октября, пятница. Начну все-таки с письма. Марк прислал письмо, как всегда, полное «художественных» описаний его собственной жизни. Как, наверное, и все мы, старые люди, он мечтал о свободной и интеллектуально полной старости, а жизнь распорядилась по-другому. Но это уже свойство характера. Впрочем, один абзац из письма друга я все-таки процитирую – слишком уж все похоже.

«Характер у меня слегка зашкаливает в негативную сторону, стал менее способен к компромиссам. С одним отношения разладились из-за его требований разлюбить Евтушенко, с другой – не поддерживать Обаму, третьему не нравится, что не с теми дружу, четвертому – что мало ему помогаю. Прихожу к выводу, что жить в одиночестве – большое искусство, требует стойкого мужества и вообще ценная черта характера. Учусь. Одно-двух я таких знаю».

Опускаю замечательный и вкусный эпизод – Марка тянет на «художественность» – прогулки американского пенсионера по торговому центру два раза в неделю, замечательные и трогательные наблюдения, и иду к эпизоду, который на меня произвел уже совершенно другое впечатление. Но это связано с тем, что трудолюбивый интеллектуал Марк решил попробовать себя в качестве переводчика. Здесь требуется некое предупреждение. Я, чтобы не пересказывать «чужое», опять прибегну к цитированию. В цитате появится некий Эд, фамилия его Вайс, он уже давно умер. Эд – сосед моего Марка, живший напротив, еврей, видимо, не без когда-то русских, читай – российских, корней. Но в цитате же некоторые точные приметы американского быта. Чем-то мы все-таки отличаемся от американцев.

«Приблизительно в 2005 г. – точную дату не знаю – жена Эда скончалась. В “доме напротив”, в течение двух дней была организована распродажа всей домашней утвари: мебель, посуда, одежда, электроника и т. д.

Памятуя о любви Эда к книгам, я решил посмотреть его библиотеку...» Здесь я опять произведу некоторые сокращения, потому что подробности об одиночестве меня всегда страшат. И вот дальше:

«Я нашел несколько замечательных книг: двухтомник полного собрания рассказов Сомерсета Моэма и красочный альбом “Мир Эжена Делакруа”. Затем подошел расплатиться к человеку, принимавшему деньги, и обратил внимание на находившийся рядом с ним таз. В нем были беспорядочно разбросаны десятки семейных фотографий и несколько однотипно выглядящих книг явно кустарного изготовления. Довольно емкий манускрипт с машинописными страницами, переплетенный воедино пластиковой лентой. Такой переплет обычно делают в канцелярских магазинах Office Max. На передней странице дружеский шарж на молодого симпатичного паренька: огромная голова, добрая улыбка, короткое туловище, очки, удлиненные туфли.

– Это мемуары моего отца, – последовал ответ на мой молчаливый вопрос.

– Я встречал вашего отца. И сколько стоит книга?

– Один доллар.

Психоанализом я не владею, не знаю, что меня больше поразило: цена за книгу мемуаров, или интонация, с которой она была произнесена. Но ключевое слово в предыдущей фразе – поразило – точно отражает состояние встрепенувшегося сознания».

Страшная, конечно, для нас русских сцена, но Марк слишком долго жил в Харькове и многие годы говорил только по-русски. Конец этой американской истории, конечно, ясен. Через много лет после первого чтения рукописи своего соседа Марк прочел ее еще раз и решил перевести и издать. Вот аргументы Марка: «Это не только хроника жизни одной из миллионов семей, но и исповедь талантливого, просвещенного, думающего человека, обращенная к членам его семьи, но я уверен – не только!

Вот так созрело решение попытаться перевести мемуары Эдварда Вейса на русский язык. Задача для меня, непрофессионала, очень сложная. Да уж как получилось, впрочем, не по недостатку усердия. В переводе встречается ряд многоточий. Опущены те места, которые представляют лишь узкосемейный интерес.

И в заключение, надеюсь, что те, кто возьмется прочитать “Фрагменты памяти” Эдварда Вейса, отметят, что он –

* был “в толпе собою” (“И если можешь быть в толпе собою” – Киплинг)

* “интересен был среди людей / самою незаметностью своей” (Евтушенко)».

Для себя как писатель я отметил основную деталь: таз и доллар. О том, что все, что останется после меня, ждет почти наверняка такая же участь, я не думаю.

Теперь подлинное и счастливое начало дня – приехал Максим Лаврентьев и привез авторские экземпляры книги. Мне кажется, издано роскошно. Я даже смею предположить, что эта книга найдет своего настоящего читателя. Книга и подлинна, и сентиментальна. Что напишет критика? Все хлопоты по этой книге Максим взял на себя. Максим редкий по чувству благодарности человек. Вместе читали по Интернету очередную инвективу против Максима Вячеслава Огрызко. Ощущение, что здесь нечистая и виноватая совесть.

Под вечер поехал в гости к Нелли Васильевне Мотрошиловой.

<...>

25 октября, суббота. Накануне все-таки перед сном прочел первую главу книги А.Н. Круглова о Канте. Вот первая добыча: Кант, отзвуки его дыхания, в творчестве Пушкина:

«– Идеи “незаинтересованности суждения вкуса” и “целесообразности без цели”, выраженные в виде поэзии как цели поэзии и протеста против эстетического утилитаризма;

– Трактовка возвышенного;

– Учение о “гении” и учение об идеале как цели искусства, соотношение гения и таланта;

– Идея о свободе гения от правил и ограничений;

– Преломление учения об антиномиях в “Борисе Годунове” при посредничестве “Истории государства Российского” Карамзина;

– Проблема связи прекрасного и доброго;

– Понимание человека как цели, а не средства или орудия;

– Скептическое отношение к обучению “шутя”;

– Общий гуманистический пафос».

<...>

Вечером некое телевизионное соображение. На кухне, пока ел гречневую кашу, включил на последних кадрах передачу, где наши так называемые звезды эстрады демонстрируют парное катание с подлинными звездами спорта. Все у этих звезд эстрады достаточно коряво, жюри, в котором сидели все-таки люди известные, рассыпалось в неискренних комплиментах и поздравлениях. В жюри главная сваха России Лариса Гузеева! По занесенной к нам свободной манере наши звезды обнимались и, не выдерживая наплыва чувств, истошно кричали. На какой же низкий жеребчий вкус все это рассчитано!

Переключил на «Культуру» и оторваться уже не смог – «Большая опера» – конкурс молодых певцов, поют современную музыку. В центре всего этого действия великолепная всегда и везде, настоящая дива и звезда – Елена Образцова.

<...>

28 октября, вторник. Все до предела скучно – перед семинаром по обыкновению плохо спал. Уже точно известно, что текста для обсуждения не будет, придется выворачиваться. Попытался пригласить к себе на семинар Александра Проханова. С одной стороны, это просьба самих ребят, которые побывали на его презентации, с другой – я никогда не зову писателей не первого ряда, чтобы просто закрыть амбразуру. Позвонил Саше, но он как раз оказался на Валдайском форуме, где выступал Путин. Во вторник – не может, уезжает на Донбасс. <...>

Как ни странно, заняв два часа разборами по очереди всех этюдов студентов, получил и я удовлетворение, и ребята. Почти в каждом этюде была или интересная мысль, или находился предлог для спора. Если бы у меня были отношения с «Литературной Россией» я бы, пожалуй, сделал бы для них любопытный материал. Но и отсутствие стенографистки в Институте тоже не облегчает работу. Если в целом семинар прошел хорошо, ребята много интересного услышали друг от друга, то я получил удовлетворение от хорошего интеллектуального штурма. Два часа на арене, целый моноспектакль.

<...>

Дома на компьютере небольшая «пересылка» от Миши Тяжева, внимательно следящего за Интернетом. Хвастаюсь.

«Литературные итоги 2013 года (десять лучших книг по версии Андрея Аствацатурова):

1 Андрей Иванов «Харбинские мотыльки».

2 Илья Бояшев «Эдем».

3 Михаил Елизаров «Мы вышли покурить на 17 лет».

4 Вадим Левенталь «Маша Регина».

5 Алиса Ганиева «Праздничная гора».

6 Валерий Айрапетян «Враи».

7 Ильдар Абузяров «Мутабор».

8 Александр Снегирев «Чувство вины».

9 Сергей Есин «Дневник-2011».

10 Анна Старобинец «Икарова железа. Книга Метаморфоз».

Приятно. Андрей опытный читатель, но одновременно это еще одна программа для чтения. Надо достать и посмотреть. Почему, скажем, не пригласить на семинар Елизарова?

29 октября, среда. В одиннадцать часов на Пушкинской площади, возле неработающего «Макдональдса» встретился со своими студента-

ми из МГИМО. Это занятие по плану курса «литературного мастерства». Реальность и фантазия писателя. Практически это по маршруту и местам действия «Мастера и Маргариты». Показал институт как Мас-солит, потом прошли на Патриаршие пруды. Я-то ведь помню еще и «турникет», на котором катался в детстве. Закончили все музеем Булгакова на Садовой. Накануне я попросил Мариэтту Омаровну походатайствовать за меня перед музеем. Встретила нас изумительная женщина, Зоя Александровна, хорошо одета, с замечательной речью, все показала, рассказала. Обязательно пошлю ей книги.

<...> Уже дома из почтового ящика вынул поразительное письмо. Это Вера Твардовская, дочь Александра Трифоновича. Все довольно большое письмо перепечатывать у себя в Дневнике неловко, здесь приблизительно то, о чем мы с ее сестрой Ольгой говорили по телефону. Но вот отдельные фрагменты.

«Я уже было знакома с Вашим Дневником ректора (2000 или 2001 г.), который брала в своей районной библиотеке. Сейчас хотела оживить его в памяти, но его уже там, в библиотеке, не оказалось, как и вообще книг С. Есина. Зато целая отдельная полка у Дины Рубиной, как и у Л. Улицкой и у Аксенова. Томики новенькие, видно, не часто бывают “на руках” у читателей. Советские писатели, как правило, стоят в своих старых, доперестроечных изданиях. Ваш Дневник, когда я его брала, уже был достаточно потрепанным. Можно надеяться, что он сейчас просто “на руках”, а не пропал. Я и тогда читала его с интересом, но текст 2011 г. стал значительно богаче по самой фактуре».

Очень важен для меня и следующий отрывок. Сколько уже раз я встречался с подражателями! Жанр дневника, предложенный мною, кажется очень легким, органичным, пою, дескать, что вижу. Только многие недопонимают, что это «вижу» я часто не только конструирую, но и, порой, его сам и создаю, потому что иду навстречу событию. Как точно Вера Александровна это обнаружила, порода.

«Вы упоминаете о каких-то последователях этому жанру с вашей “легкой руки”. Мне таковые не попадались. Это лишь на первый взгляд может показаться, что вам легко “последовать”. Для этого нужно не только огромное трудолюбие и терпение, но и определенный литературный дар. И то, и другое, и третье встречается редко даже по отдельности. Сейчас вести такой дневник вряд ли смог кто-нибудь кроме вас. Поэтому и мне захотелось присоединить свой голос к тем, кто стремится утвердить вас в намерении продолжать это нелегкое и столь важное дело. Ваши Дневники – добротное литературное произведение, во многом помогающее современному читателю разобраться в происходящем вокруг. Но для меня, историка, несомненно, что они будут оценены и как серьезный источник для изучения нашего времени».

И опять Вера Александровна очень точно вскрывает причину, по которой я не осмеливаюсь прекратить писать. Здесь дополнительная надежда. Такое ощущение, что Твардовская списывает мои самые тайные мысли. А я ведь не только писатель, но еще и исследователь. Опять попал, не ошибся. Значит, Есин, будь терпелив.

«Здесь в самых разных проявлениях зафиксированы черты действительности 2000-х гг., в их сложном переплетении. Здесь и политика (внутренняя и внешняя) с ее лидерами, и общественное мнение в его разных направлениях, и культура во всей ее нынешней пестроте, и быт в своей обыденности. И то, что все это в вашем изложении не расчлениено, а предстает в нераздельной слитности и цельности – как в “живой

жизни” – и делает Дневники ценнейшим источником для постижения нашей эпохи. Ни один из ее исследователей не обойдет Дневников С. Есина – своеобразного ее хроникера. Используя специфическую исследовательскую терминологию, можно сказать, что они уже входят в “научный оборот”. Надо продолжать начатое, тем более что сделано уже так много. М. б., не стоит отвлекаться на ответы тем, кто по своей ограниченности не понимает смысла предпринятого вами. Надо беречь силы и концентрироваться на главном».

Но справедливый и бескомпромиссный дух семьи и главным образом отца, витает над этим письмом. Было бы нечестным, если бы я скрыл менее комплиментарные моменты.

«P. S. Это моё самое основное впечатление от Вашей книги не означает, конечно, что я со всем в ней соглашусь. В частности, расхожусь с характеристиками ряда личностей, представленных здесь. О некоторых персонажах вы, человек по природе своей доброжелательный, судите на мой субъективный взгляд, несколько поверхностно. В частности, о Солженицыне и его биографе Сараскиной. Метко определил биографию этого писателя, ею написанную, как “карамельно-мифологическую” Ю. Поляков. Мы с сестрой вполне одобрили его реплику об уже развернувшейся подготовке к юбилею Солженицына в 2018 г. Ю. Поляков напомнил о симпатиях А.И к бандеровцам и власовцам, которые на фоне юбилея Победы в 1945 г. выглядят вызывающе. Но стоило бы сказать ему и о “Пире победителей”, где наши солдаты представлены грабителями и насильниками. Не случайно А.И так и не решился это свое произведение дать прочитать Твардовскому».

30 октября, четверг. Весь день практически, кроме английского в метро, ничего не читал, не писал. Правда, утром в постели из того, что рядом на полке – из «случайного чтения», – взял давно уже подаренную книгу Бердникова «Евреи государства Российского». Узнал, что Софья Палеолог, Софья Фоминишна, была, как и следовало племяннице византийского императора, редкой интриганкой и отравила старшего сына и наследника своего мужа, а если бы этого не случилось, то не сидел бы на троне ее внук по прозвищу Грозный. Так делается история. Второе – слово «патриот» в русский обиход внес, оказывается, любимый еврей Петра Великого, дипломат барон Шафиров.

Постепенно начинаю пропитываться духом нового романа, но это короткие, как всхлип, мысли уже через весь день. Начну с утра.

Встал, как всегда, в семь и пока пил чай, принимал таблетки, варил кашу, размышлял над тем, что говорило радио. О чем оно говорило? Сначала об очередных санкциях, которыми пытаются выстегать Россию. У журналистов репертуар невелик, цена на рыбу в магазинах, пустоватые прилавки, пустоту которых я не заметил, потому что не отовариваюсь в дорогих гастрономах «Империи вкуса», а в пролетарском «Ашане» и без сыра бри переживу. Но вот о чем я еще подумал. Санкциями, нас, конечно, не испугаешь, но они, пожалуй, сыграют совершенно иную роль. Они вызывают чувство лживости Запада – этого хранителя чести, чувство его ненадежности, двуличия и отчетливое понимание, что и у нас не все в полном порядке. Возникает ощущение, что, пожалуй, Сталин, когда старался не рассчитывать на Запад, а стремился опираться на собственные возможности, не так уж был неправ.

<...>

31 октября, пятница. По случаю вручения сегодня почетной грамоты президента, надел не как обычно куртку, а почти новое пальто.

Обратно из министерства шел как значительное лицо: дорогое пальто, шарф, букет в одной руке, а в другой – роскошная коробка с гербом, в которой грамота. После вручения очень неплохо – пирожки, канане с рыбой и ветчиной, чай, пряники, фрукты, среди которых и глава роскоши ананас – накормили. Я теперь знаю, что Министерство образования и науки – это министерство, где хорошо кормят. Все было очень интересно.

Приехал, конечно, в Институт на машине, министерство рядом, на Тверской, сразу за Моссоветом. Такой величавой имперской роскоши я, конечно, не ожидал. Это еще сталинский послевоенный дом, как раз напротив того дома номер шесть, в котором мы с мамой сразу после войны несколько месяцев жили, когда нас выселили из квартиры в Померанцевом переулке. В шестом доме жила и Сусанна, на балконе квартиры которой я однажды оказался в одних трусах и с целым ворохом одежды в руках. Неожиданно явилась тетка. Это был конец рабочего дня, лето, в доме напротив, в каждом окне было по курящей мужской фигуре. Какое было для всех роскошное удовольствие! Тогда в этом доме тоже было что-то связанное с наукой.

Уже вестибюль поражает своим имперским величием, охраной, множеством турникетов, роскошными лифтами. На седьмом этаже в аванзале полукругом был накрыт стол с чаем и бутербродами. Порядок, вежливость, особая порода вежливых и величественных дам, регистрация прибывающих, – все почти как в Кремле. После вручения опять были бутерброды, пирожки и, как в Кремле во время вручений, в узкие бокалы с гербами наливали шампанское. Но вот одна прелестная деталь, которая правительственному Кремлю и не снилась.

В большом и высоком зале, в котором всех приглашенных, а их было человек тридцать – тридцать пять, рассадили, уже находился замечательный оркестр кадетов-музыкантов. Это все мальчишки с трубами и барабанами. Все одеты в красную с черным нарядную форму. Вот пока мы ждали – молодых людей среди награждаемых не было, а все люди степенные, как правило, далеко за 60 – этот выводок молодых музыкантов под управлением молодого какого-то, наверное, лейтенанта-дирижера услаждал присутствующих маршами и старинными, но лихими юнкерскими песнями. Все молодые музыканты, естественно, не только в форме, в фуражках, но и руки в белых перчатках, и дирижер в перчатках. Красота! Как мы, оказывается, завидуем и тоскуем по имперско-царским временам!

Вручал награды не сам министр, а его зам, молодая женщина Екатерина Андреевна Пузикова. Как потом мне сказал Ашот, главный враг нашего Института. Мне она почему-то врагом не показалась, мила, хорошо причесана, с хорошей речью. Я немножко пожалел, потому что предполагал, что вручать будет министр Ливанов, и не без значения приготовил и подписал ему две книги – «Дневник Не-ректора» и последнюю, напечатанный том «Дневник-2011». В надписи ключевыми словами были «понимание сложностей» и «Сизифов труд». Так вот, когда меня подняли, чтобы вручить грамоту в огромной коробке и значок, то я произнес маленькую речь. Я сказал, что как действующий писатель не могу обойтись без ответного подарка – новой книги, и подписал две книги министру. Тем более, что этот мой подарок будет прощальный, «по чьему-то недомыслию мы перешли в Министерство культуры, хотя в Министерстве образования нам было, хотя и хлопотно, но надежно».

Букет, принесенный из министерства, передал Светлане Викторовне.

1 ноября, суббота. Все-таки выманил Володю Рыжкова из его нетрезвого далека в Отрадном – приехал к одиннадцати, на нем машина, уехали дышать и приводить в порядок участок на дачу. <...> Как всегда в дороге, слушал радио, на этот раз приемник настроен был на Бизнес-ФМ. С непримиримостью «Эхо Москвы» и его крутой нелюбовью к режиму встречу уже вечером, когда лягу спать, у меня наверху приемник. <...>

Пока ехал, по радио все время гнали лишь несколько свежих новостей. Первая – это, конечно, падение, как с горы, рубля по отношению к доллару и падение цен на нефть. По этому поводу радиостанция, которая очень любит под рубрикой «первые поздравляют первых» говорить и поздравлять от имени очень богатых людей с днями рожденьями и успехами сверхбогатых, так вот, радиостанция очень сокрушается о тех несчастных, которые живут за рубежом, а доходы получают в России. Ну, мы-то знаем, как богатство можно приобрести (это почти синоним – «украсть») в России. Одновременно радио с пониманием относится к тем, где бы они ни жили, кто зарплату в России получает в долларах. Для этих наступили радостные минуты, для этих чем хуже, тем лучше.

Вторая радионовость, которой переполнены волны эфира, это арест директора нашего филиала фирмы, которая торгует в Америке обогащенным ураном. Его обвиняют, что за деликатный «откат» в что-то полтора миллиона долларов он без конкурса продал вверенный ему уран. Фамилия? Фамилия ему пусть будет новый русский. Голубчику, так удачно присосавшемуся к госсобственности, грозит до 20 лет комфортабельной американской тюрьмы. В связи с этим одно воспоминание: бывший министр атомной промышленности, тоже попавшийся в США на чем-то атомном и похожем, тоже чего-то укравший. Вспомнил и «коренную» фамилию – Адамов. Как мы его вырывали из рук безжалостной к взятке американской Фемиды! Там больше дают! И еще одно размышление: как талантливо американцы, понимая натуру человеческую в эпоху капитализма, подняли наказание за «взятку», которую я могу назвать «русской болезнью». А мы, молодые либералы и демократы, все снижаем и снижаем наказание за воровство.

Дача промерзла, воды в колодце почти нет, только на дне, мутная. В обед и вечером, когда на электричке приехал С.П., баловал себя любимой с детства краковской колбасой, – какое это счастье, слезть с диеты! ТВ, которое сегодня будет, конечно, говорить об ужасах Донбасса, не смотрели, у С.П. на его компьютере два полуфинала КВН. Получил легкое, как от шампанского, удовлетворение от молодых изобретательных людей и дозу специфических размышлений от традиционного жюри: русско-еврейской-армянской сборной и примкнувшего к ней Пельша. <...> Насколько эта «эстрада» под водительством негибачего в возрасте Александра Маслякова веселее коз и козлов, называемых «эстрадными звездами».

Перед сном взялся за первый том «Дневников» Твардовского, который привез с собою. Какая горная тишина интеллектуального парения! На первой странице книги дарственная надпись: «Сергею Николаевичу Есину – летописцу к. 20 – н. 21 веков от публикаторов летописца 60 гг. 20 в. Валентины и Ольги Твардовских. – окт. 2014». Сколько нового для меня, всегда жившего все-таки не в центре литературной жизни. «Проездка в Москву для гимнической встречи (Исаковский, Грибачев,

Смирнов, Бровка), как и следовало, знать, кроме неприятного чувства, ничего не принесла» Писатели вместе пытаются создать Гимн, это 61-й год. Сколько писательской суеты вокруг. Первое открытие – невероятно точные, хоть записывай, как стандарт, хоть показывай студентам, правила или условия для текста любого гимна, какой аналитик!

2 ноября, воскресенье. <...>

Утром писал Дневник, немножко читал, в основном сгребал листья из-под яблонь. Днем сели обедать, а по телевизору фильм советской поры «Приходите завтра» с Екатериной Савиной, это поломало мои намерения заняться романом. Но весь день о романе думал. Я бы старые советские фильмы по отечественному телевидению смотреть запретил: слишком уж сильна пропаганда советского образа жизни. Как жили, как относились друг к другу, как умели надеяться! С нынешними собачьими временами те, дальние, не корреспондируются. Уже вечером перекачал к себе на компьютер «Войну и мир» Сергея Прокофьева, какая прекрасная и возвышенная музыка, слушал минут сорок. В музыке есть какой-то магический русский компонент. Вечером показали выборы в Донбассе. И в советское время я таких очередей в избирательных участках не видел. Явка, наверное, будет процентов 80%. Главное – люди хотят говорить по-русски и не считаться на своей родине людьми второго сорта.

4 ноября, вторник. Вернулся к прежним нормам, 30 минут ходил по стадиону, поотжимался и повскидывал у шведской стенки ноги, потом пошел домой – к четырем приедет с Юлей Максим, пригласил еще Владислава Пронина – первые мероприятия по поводу выхода новой книги. Основательной подготовкой занялся Гафурбек. В меню сегодня: осетинский пирог – ходил в специальный ларек, где пирог пекут, манты, плов и самодельный торт. Одновременно с пирогом купил еще кое-какие овощи и виноград.

Посидели замечательно, выпили, правда, только на всех полбутылки шампанского, но уж наговорились. Юля по работе много читает, и мне это было особенно интересно. Рассказала о книгах некоторых популярных авторов. Какая редкая прыть: здесь уже и наводнение на Амуре, куда летал Путин, и другие скорые приметы времени. Уже у кого-то в литературе есть Крым и надо ждать Украину. Думается, такая актуальность относится скорее к торговле книгами, нежели к литературе, особенно литературе слабой. Постепенно, по отельным деталям разных рассказов и по собственным наблюдениям, возникло ощущение, что самым нашим плодovitым авторам помогают их с филологическим образованием жены. Но это особенно плодотворно, когда подобная авторская или биографическая – это чаще – литература, не дотягивает до планки собственно литературы. Владислав Александрович принес свою новую монографию о Гете и его последователях, пока полистал, интересно, редкие иллюстрации, буду читать.

Во время застолья зашел разговор новой работе Максима, которую он публикует в журнале «Дети Ра» – это какие-то кусочки воспоминаний и «случаи». Я теперь, как Твардовский, уже не стесняюсь выписывать о себе – это ведь все тоже литература. Ну, может быть, ее пестрый фон. Прелесть и стилистическая острота этих маленьких высказываний заключается в том, что Максим расчетливо перемешал персонажей из авторемонтной мастерской и Литературного института – он работал и там и там. Но я выписываю только свое.

<...>

«Сергей Николаевич Есин в бытность его ректором Литинститута имел обыкновение называть того или иного преподавателя кафедры литературы XX века “душка-либерал”. На заочном отделении было как минимум две таких “душки” – Владимир Павлович Смирнов и Сергей Романович Федякин».

«Владимир Павлович Смирнов как-то сказал на лекции, что стихотворение должно быть прозрачным и глубоким. Как вода в Байкале, – из лодки можно пересчитать все камни на дне, а попробуй достать рукой хоть один – не получится, глубоко. Я это крепко запомнил».

«Сергея Николаевича Есина, как бы кто к нему ни относился, я считаю отличным писателем и вообще очень интересным человеком. Однажды я угостил его конфетой, но та выпала на пол, едва он развернул обертку. Не успел я моргнуть, как писатель нырнул под стол за конфетой. И съел ее».

«Я не любитель присутствовать на похоронах. А вот Сергей Николаевич Есин совсем даже наоборот. Стоило ему туда отправиться, как в Литинституте все могли быть уверены: вернется в отличном настроении. Однажды, приехав с похорон своей знакомой, актрисы Клары Лучко, он с сияющей улыбкой объявил, что покойная в гробу “выглядела прекрасно”».

«В последний год обучения в Литинституте несколько студентов, озабоченных своим будущим, и я в их числе, подошли к руководителю нашего семинара поэтессе Олеся Николаевой. Мы просили познакомиться нас с редакторами журналов, а если это слишком хлопотно, то дать хотя бы телефоны нужных людей. Олеся Александровна только развела руками – никаких таких телефонов у нее нет. “Но ведь ваши стихи регулярно печатаются. Как же так?” – “Ну да, просто мне звонят и спрашивают: “Олеся, нет ли у тебя каких-нибудь свежих стихов?” Ах, Олеся Александровна, птичка божия!»

«Сергей Николаевич Есин, как известно, очень любит присутствовать на похоронах. Поэтому я не удивился, когда он засобирался на похороны Аллы Александровны Андреевой, жены автора “Розы мира”. Я и сам намеревался быть там, на Новодевичьем. Узнав об этом, Сергей Николаевич предложил отправиться вместе с ним на ректорской “Волге”. И вот мы молча едем, и я высматриваю, где бы купить цветы – алую и белую розы, как еще накануне задумал. Машина останавливается на Комсомольском проспекте. Есин просит никуда не выходить и вообще не тратить деньги, которых у меня действительно в обрез, выходит сам и через минуту возвращается и протягивает мне две розы. Догадаетесь, какого цвета?»

«Однажды я обратился к Сергею Николаевичу Есину с какой-то совершенно пустяковой просьбой, но вдруг нарвался на резкий отказ. Ситуация была настолько абсурдна, что и сам Есин удивился своей реакции. “Ну, могут, в конце концов, и у меня быть злые причуды”, – примирительно подытожил он».

«Продолжим. В первый год моего студенчества на семинар Игоря Леонидовича Волгина пришел писатель Дмитрий Быков. После семинара некоторые, как и я, сошли в дворницкую выпить водки, но та быстра кончилась. Быков требовал еще, но ни у кого из нас не было денег. То есть деньги-то, может, были у всех, но никто не хотел идти и тратиться. Возникла пауза. Наконец я “вспомнил”, что у меня есть немного. Сходил и принес пару бутылок. Настроения пить, однако, у меня уже не было – это ведь были мои последние деньги. С того времени

я плохо отношусь к Быкову – не из-за его писательства, ведь я его по большому счету не читал и вряд ли прочту, и не из-за его политических убеждений, на которые мне плевать, и не потому, как некоторые уже подумали, что мне все еще жалко тех денег. А просто бывают и у меня злые причуды».

<...>

5 ноября, среда. <...> По средам, перед семинаром в МГИМО, я не делаю зарядку, не хожу стадиону, берегу силы. Мне все дается нелегко. Это ведь не привычная лекция, которую преподаватель читает уже в десятый, а иногда в двадцатый раз. Я стараюсь создавать свои семинары по сонатному принципу. Полтора часа подготовленного каждый раз в течении нескольких дней экспромта. Я приношу несколько цитат, но никогда не знаю, как они лягут.

Зря стонал. Семинар прошел хорошо, вначале, как обычно, немножко заикался и искал слова, потом все поплыло. Я отчетливо понимаю, что «литературного мастерства» как промежуточной дисциплины, уместяющейся в тридцать занятий, не существует. Моя задача нагрузить студента тем, что знаю я, помочь выработать свой вкус и к жизни и к фразе. Договорился, что на одно из следующих занятий приглашу Максима. Молод, красив, хорошие современные с традиционной русской основой стихи. Кроме чтения я еще задам ему несколько общих вопросов. Сегодня говорили о психологизме прозы – этому посвящена глава в моей книге. Как хорошо иметь добротную, но сделанную самим шпаргалку. К следующему занятию ребята должны сделать этюд «Литературная экскурсия».

6 ноября, четверг. <...> читал на этот раз удивительно ладный и энергичный номер «Литературной газеты». Все здесь информативно и, главное, вызывает размышления. Здесь сегодня бенефис у Лени Колпакова. Во-первых, прекрасная юбилейная статья о А.Н. Пахмутовой. Такую статью с налета не напишешь, здесь нужна любовь, отшлифованная многолетним знанием. В статье есть кое-что любопытное, выводящее на более глубокие размышления вообще о нашей эстраде. Перечисляя знаменитых отечественных исполнителей великолепной пахмутовской музыки, Леня вдруг останавливается: «Извините – список не весь. Не раз задумывался, почему нынешняя примадонна с младенцами никогда не пела Пахмутову? А зря, Алла Борисовна... И музыка замечательная мимо прошла, и стихи изумительные». Кто больше раздражал, «не подходил», сама Пахмутова или Добронравов? Или, поставим вопрос по-другому: это любовь к Резнику или преданность к Паулсу? Во-вторых – я все об условном бенефисе своего друга – огромное интервью с Еленой Ямпольской, главным редактором газеты «Культура». Газете 85 лет. Здесь тоже есть мой улов. Например, кое-что о Сергее Капкове, так отчаянно прославляемом по радио Доренко. Но сначала о некоем споре – я об этом уже писал – во взгляде на личность и общественную составляющую творчества А.И. Солженицына между Ю.М. Поляковым и Н.Д. Солженицыной. Нападок на Полякова было много. Вот Елена Ямпольская, еще одно суждение:

«Меня крайне огорчило, когда к спору был привлечён Евгений Миронов. Да, у актеров эмоции всегда опережают сознание, но ведь суть разговора между Поляковым и Солженицыной – не взаимная перепалка.

Юрий Михайлович сказал ровно то, что сказал. И кто захотел его услышать, услышали правильно: давайте ценить крупных отечественных

писателей, никого не забывая, не пропуская, и отмечать их юбилеи в соответствии с хронологией».

– Елена Александровна, а что за история с Шемякиным, напрямую связанная с «Культурой»? – не унимается мой друг Леня, который, как я неоднократно писал, в отличие от меня знает все или почти все. Но как элегантен ответ Е. Ямпольской, как обобщенно справедлив!

«Михаил Шемякин, еще недавно позиционировавший себя как русский патриот за рубежами Отчизны, дал очень странное интервью радио “Свобода”. Точнее, ничего особенно странного тут нет: мы видим, как на глазах перековываются “патриоты”, чья жизнь напрямую завязана с Западом. Газету нашу господин художник почему-то обозвал “черносотенной” и заявил, что Ямпольская на первой полосе якобы указывает ему, Шемякину, как себя вести по отношению к власти. Интервью называется “Попахивает фашизмом”. Но если вокруг Шемякина чем-то попахивает, может, ему надо принять душ».

Я бы здесь сказал, что редактор газеты «Культура» умыла не только одного Шемякина. Много их, ласковых телят, так умело, плодотворно и счастливо сосущих все сосцы у матушки Родины. Теперь к обещанному ранее Сергею Капкову, так удачно закрывшему театр им. Гоголя. Не хрупкая девушка эта самая Е. Ямпольская.

«Если бы в московском правительстве была должность министра паркового хозяйства, то более идеального кандидата на эту вакансию, чем Сергей Александрович Капков, не нашлось бы. Я люблю заниматься спортом, кататься на велосипеде, ходить, наматывая километры, – и не могу не заметить, в какое великолепное состояние приведены столичные парки. Правда, они все похожи друг на друга».

Решусь вмешаться в плавный ход чужой мысли, чтобы пояснить, что последняя фраза лучше всех свидетельствует и о вкусе управляющего московской культурой и о его любви к традиции, которая, как известно, возникает не от бодрого приказа по департаменту культуры. Вспоминаю здесь и некую характеристику Салтыкова-Щедрина, данную ретивым специалистам – «ясноглазый столоначальник». Но от моего скучного текста вернемся к Ямпольской.

«А вот то, что делается в Москве в области театрального искусства, считаю безобразием. Близкий по времени пример – “Борис Годунов” в подведомственном Департаменту культуры театре “Ленком”, поставленный режиссером Богомоловым. Когда я уходила в антракте с этого зрелища и со мной вместе покидало зал немалое количество зрителей, слышала краем уха возмущенные реплики: надо вводить уголовную ответственность за осквернение классики! Вот, ребята, к чему приводит псевдодемократическая политика в области культуры. Значительная часть общества говорит уже не о цензуре, не о Главлите. Она говорит о репрессиях против тех, кто позволяет себе так обращаться с национальным достоянием. Все срывается с точностью до наоборот: вы ладонь полностью разжали, ничего не контролируете, не сдерживаете, а у народа кулаки сжимаются. Когда я вижу Пимена в образе тюремного наркомана, вырезающего летопись на спине у сокамерника, такого же обдолбанного и обкуренного, и понимаю, что на это потрачены городские деньги, деньги из наших карманов, перестаю понимать: культурой в Москве вообще кто-нибудь руководит? А если да, то это сознательное поощрение бесовщины или просто полнейшая некомпетентность».

К трем был в Институте – ученый совет. Его впервые очень удачно провел Варламов. Написав об этом, сразу надо было бы сказать, что я

только что прочел в его «солженицынском» сборнике два его случайно попавшихся под руки рассказа – повесть «Рождение», самое известное произведение Варламова, я прочел лет за десять до этого – «Еврейка» и «Вальдес», но об этом как-нибудь позже. Совет прошел, как никогда, в некоторых спорах и дискуссиях. Сначала об аспирантуре и соискателях, потом очень занятно решали вопрос с вознаграждением по «гранту» двум нашим проректорам, Ужанкову и Стояновскому. Суть этих решений, в связи с переходом в Минкульт и его установлениями, заключалась в следующем: любые деньги из институтского гранта выделяются из общей суммы. Минобр, наверное, полагал, что проректор в настоящем обычном вузе – это огромное количество дел и огромная занятость. Все же вузы искусства – вузы Минкульта – они маленькие, даже крошечные, наш вуз по количеству студентов недотягивает и до настоящего факультета в нормальном вузе. У Минобра проректоры приравнены к преподавателям и завкафедрами. Итак, если выделять из общей суммы специальные проректорские, то все преподаватели института будут от 500 до 1500 получать меньше, а зато два проректора получают по 45 тысяч, ибо их счет идет как процент от ректорских. Два этих варианта представила Людмила Михайловна. Ректор сам решить такое не смог и не стал. Наши два проректора скромно при обсуждении потупились. Ученый совет после некоторых разговоров не решился на глазах у проректоров, от которых многие члены совета зависят, проголосовать против отъема причитающегося каждому. Против отъема денег у преподавателей в пользу начальства был только я.

Вторая сложная ситуация – Казначеев. Здесь жалобы студентов, нетрезв, неинформативные лекции. Выступал председатель студкома. Далеко пойдет мальчик! Отчетливо понимаю, что положение у ректората безвыходное. Естественно, Гусева, который, наверное, понимал, о чем пойдет речь, на совете не было.

<...>

7 ноября, пятница. Весь день получал удовольствие и читал прозу Варламова. Начал как подхалим, закончил, пожалуй, как поклонник. Очень мы с ним похожи в одном – у обоих важной компонентой является такой актуальный в России еврейский вопрос. Разве я мало об этом писал? Прекрасные собеседники, люди, как правило, интересующиеся литературой и общественной жизнью. Меня уже довольно давно заинтересовало, почему так отчаянно несколько лет назад М.Е. Швыдкой похвалил А.Н. Варламова. Собственно, ответ нашелся – дело даже не в упоминаниях, а в акцентах. В варламовской «Еврейке» – русский-то мальчик рядом с ней оказывается говнюком, в «Вальдес», где действует девушка-полукубинка, русские мальчики, а их трое, тоже оказываются слабаками. К этим моим поверхностным соображениям можно присовокупить и содержание очень большой документальной повести «Ойоха». Это о семимесячном, кажется, пребывании Алексея в Америке, в некоем интернациональном доме творчества. Америка страна богатая, ухоженная, ее службы финансируют многое. Много там и наших соотечественников, многие, естественно, с еврейскими корнями. Ну, а здесь уже прет наша минувшая действительность с ее лагерями, сроками, войной, но и с чудесной еврейской сплоткой. Здесь Варламов, как Горький. Наверное, объективно, я ведь тоже очень многим обязан и Борису Иоффе, и Семену Беркину, который брал меня на радио, и я их как моих спутников люблю и высоко чту, и память о них храню. Продолжать не стану, буду читать дальше, и получать удовольствие –

проза умная, добрая, расчетливая, интеллектуальная, и по письму традиционно-русская.

<...>

8 ноября, суббота. Утром по радио во время чтения газет с интересом выслушал мнение доцента – со слуха, могут быть неточности – МГИМО Андрея Миронова о сегодняшнем падении рубля и о завышенных, в принципе, в России зарплатах. Россия экспортирует природные ресурсы и импортирует товары легкой промышленности и еду. Теперь зарплаты и цены в магазинах корректирует падение цен на нефть и доллар. У нашего «офисного планктона» – это опять со слуха и не мои наблюдения – зарплаты были самыми крупными в мире, и даже больше чем в Америке, хотя известно, что наши работники бизнеса и его контор по квалификации ниже. Ну, это мне понятно по Институту, когда рядовому бухгалтеру, подсчитывающему зарплаты «мастеров», многие из которых являются и звездами отечественной и европейской культуры, чтобы у бухгалтера не текли слюнки и не возникало дамское бурчание, зарплату подняли до уровня и даже выше этих небесных тел. Русская демократия в действии.

Воспользовавшись любимым словом родных средств массовых информационных «скандал», должен сказать, идет скандал с увольнением очень известного журналиста «Эха Москвы» Александра Плющева. История, конечно, не очень красивая. Связана с она с внезапной смертью в Индии, в море, сына руководителя администрации президента Сергея Иванова, Александра. Погиб Александр, конечно, благородно, спасая собственного ребенка. Но, повозившись со своей памятью, я вспомнил и о том, что, конечно, как и многие высокопоставленные дети, получил он некоторую фору в карьере, вспомнил я – полистав мои дневники, можно найти и это, – что уже достаточно много лет назад сын Иванова в дорожной аварии – сбил пешехода. Почему помню эти эпизоды? А потому, что помню... Теперь о Плющеве, который – это цитата – «был уволен за “нарушение журналистом всех допустимых морально-этических норм”, сообщает газета “Ведомости” со ссылкой на пресс-службу “Газпром-медиа”». В Интернете я нашел все же то, что написал, видимо, много помнящий, как и положено журналисту, Плющев. Текст записан мною со слуха: «Считаете ли вы гибель сына Иванова, некогда сбившего старушку и засудившего ее зятя, доказательством существования Бога или высшей справедливости?» Я бы этого никогда не написал, но так подумать мог.

Утром сидел с Дневником, читал, а дальше так: к трем часам поехал в Институт – там Мариэтта Омаровна Чудакова читала публичную лекцию о Булгакове в годы Первой мировой войны. Как обычно, уровень был очень высокий, М.О. владеет невероятным количеством культурологического материала, который обволакивает слушателя. Некоторые положения лекции я, конечно, записал. У нас это время было мало исследовано – Ленин сказал, что война империалистическая, так чего ее изучать. Никто не ожидал, что такое может быть возможным – драка Франции, Англии и Германии. Все предыдущие войны, по сути, были локальными, местными, с перерывами. Огромная литература написана поколением, прошедшим войну. Аксиома, которую М.О. предлагает всем запомнить: «Революция увела Россию с исторического пути». Аргумент: Россия в то время (1913) на 5-м месте в мире по развитию. Раненый Франц-Фердинанд раненой жене: «Ради Бога не умирай, ради наших детей». Надо ли было нам выступать на стороне Антанты? Боль-

шая цитата из Шульгина о некоем «патриотическом угаре», на фоне которого спокойно прошел даже сухой закон. За 2-3 года все поменялось.

Огромное впечатление произвело на меня «Торжественное обещание», которое молодые врачи подписывали, заканчивая университет. Боюсь, что это целая программа, моральные аспекты которой недоступны нашей современной медицине. Из некоторых деталей: в какое-то время войны возникло решение заменить молодых, призванных в армию врачей, на земских, более опытных. До реформы 1861 года никаких врачей в сельской местности не было. И последнее: самиздат придумал Николай Gladков, печатавший небольшие книжечки своих стихов («сам себя издат»).

До лекции разговаривал с М.О., мы, как всегда, сходимся по большинству вопросов. Разошлись только по Крыму. Ее мнение: получив Крым, мы отдали всю Украину. Зачем нам лишнее пространство?

После лекции М.О. затеяла со старшеклассниками викторину, принесла целую сумку книг, которые только что, видимо, купила в книжном магазине. Как я завидую студентам, которые у нее учились! Потом поймут.

<...>

9 ноября, воскресенье. Еще несколько дней назад вдруг после новостной программы сразу объявили, что покажут новый фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар». Фильм меня, конечно, интересовал, но я знал, что рассказ Бунина о внезапной любви и его же очерки «Окаянные дни» совместить невозможно. А может быть, у крупного мастера получилось? Но когда по ящику возникло это объявление, я сразу понял, что фильм в прокате провалился, теперь оправдываем полученные деньги на телевидении. Я, конечно, забыл об этом случае, но буквально через день или два о фильме заговорили с Евгением Сидоровым. У него отношение двойственное, но послал своих семинаристов смотреть и потом писать рецензию. Это все предварительные сведения перед двумя услышанными мнениями по радио. Сначала невероятный разгром, не без сатирических издевок, учинил в своем утреннем часе Леонид Володарский. Прошелся и по белым офицерским кителям, и по белым, скользящим по водной глади, пароходам, символизирующим ход России. Много здесь было сказано, так что я пойду проверять в кинотеатр. Потом довольно деликатно Юрий Арабов, которому как кинематографисту совершенно ни к чему ссориться с мэтром Михалковым, на «Эхо Москвы» начал делить фильм Михалкова на две части. Подтексты оставил слушателям. Вот я эти подтексты и слушал, пока ходил по стадиону и делал утреннюю зарядку.

Весь день присидел дома между английским, Дневником и чтением прекрасной книги о Канте. Еще раз поскулил, что плохо в университете учился, ловко сдавать экзамены – это не значит знать. Лакуны в знаниях огромные, а все это такое мое, такое интересное, над чем я, оказываюсь, в силу своих скудных возможностей размышляю всю жизнь. Нашел массу интересных подробностей, не только связанных с философией. Автор – Александр Круглов – удивительно светлая голова и, в принципе, относительно молод – 40 с небольшим. Читаю, конечно, вразброс, но опять преследующие меня парные случаи. В книге целая глава, связанная с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова. Не знаю уж, к чему отнести совпадения: к экскурсии со студентами МГИМО или к лекции М.О.

– «Бал у сатаны» в литературе уже был у Сенкевича.

– Рассуждение о «старике Эммануиле» и пяти доказательствах это всего-навсего из статьи «Бог» в энциклопедии Брокгауза. Урок и мне и моим студентам: далеко можно и не ходить, но необходимо только обрабатывать и думать.

– Напечатав «Критику чистого разума», издатель думал, что разорится, долго и медленно покупали. И мы еще жалуемся на тиражи и что нас не читают. Если хорошо – рано или поздно прочтут!

– Пассажи о революции и верховенстве права.

– Об уважении к любой вере и даже секте.

И, наконец, пока последнее, но опять о Булгакове. Здесь ошибка Вольганда, когда он говорил, что завтракал как-то с Кантом. Этого быть не могло, несмотря на все чародейство: Кант вставал в пять утра, выкурил-вал трубку и пил две чашки жидкого чая.

<...>

10 ноября, понедельник. <...>

Весь день читал сначала Олю Орленкову, которую завтра будем обсуждать, потом работы девочек из МГИМО; читал еще утром книгу о Канте, отвечал на письма. В Интернете вдруг нашелся большой материал, написанный одним из спутников по автобусу, когда в позапрошлом году ездил в Испанию и Португалию. Видимо, это человек, который пробует писать, словесные картинки, выложенные им в сеть, довольно интересно и правильно написаны. Вечером почти случайно вперился в передачу Малахова «Пусть говорят». Передача о том, как иногда женщин уродуют пластические хирурги. Меня буквально потрясло, с какой готовностью женщины – телеведущие, журналистки, артистки – демонстрируют свои даже «удачные» операции. Совершенно бесстыдно, никого не стесняясь, говорят об имплантах в грудях, на скулах, в носу. Была даже сваха из передачи «Давай поженимся», тоже говорила о подтяжках и других элементах скальпельной косметики. Это удивительный манок телевидения – «я снова на экране».

Днем, разбирая книжную полку, взял в руки «Петербургский лексикон» Юрия Пирютко, почитал минут двадцать и решил позвонить в Гатчину. Парные случаи оборачиваются иногда и трагической стороной – сегодня 40 дней, как Юрий Пирютко умер. Это потеря историка и замечательного писателя.

Завтра тяжелый день: кафедра, семинар, презентация моей книги и, кажется, придется еще идти на презентацию книги Юры Полякова. Он вчера мне звонил, поговорил о нашей литературной конъюнктуре, о друзьях и недругах.

11 ноября, вторник. Начал день с посещения кабинета ректора. Спокойно, за чашкой чая, поговорили. Пригласил ректора на заседание кафедры и еще раз высказал свою точку зрения на решение ученого совета по поводу деления общего гранта выделением определенной суммы для наших проректоров. Добавлю: не уверен, что законно распространять принцип проректорских зарплат (здесь 80 или 90 процентов от очень немалой зарплаты ректора) на президентский грант. И дело здесь для меня, конечно, не в деньгах.

Посещение ректором заседания кафедры оказалось очень кстати. Я вынес вопрос о так называемом индивидуальном плане, вернее тех графах, которые совершенно справедливы для всех кафедр, кроме кафедры творчества. О какой специальной научной работе можно говорить применительно к писателю? Творчество крупного писателя – это всегда объект для научных работ. Сколько же всего было написано в

науке, скажем, о Рейне, о Рекемчуке, да и обо мне. Так почему же мы стыдливо в графу «научная работа» вставляем свои дневники, мемуары, лишь косвенно являющиеся художественной литературой, но не говорим о главном – о наших романах, пьесах, поэмах, критических статьях? А уж теперь, когда мы, видимо, с немалыми потерями финансов, перебрались в Минкульт, надо поставить вопрос об изменении формы отчетности.

Как обещал публично, еще на ученом совете, наш проректор А.Н. Ужанков на кафедру, чтобы объяснить всем, как зарегистрироваться в системе РИНЦ, не пришел. Сегодня собрался Православный собор и, видимо, А.Н. на нем. Пишу об этом не без гнева, потому что себе такой вольности позволить бы не смог.

<...>

Замечательно прошла моя презентация. Почти все приглашенные собрались, Альберт не жмотничал, да это ему и не свойственно, хорошо всех накормил, напоил, стол был богатый, а взял, кажется, по себестоимости. Нигде в другом месте лучше подобное мероприятие мне бы не провести. Очень меня порадовала компания из «Независимой газеты» – Женя Лесин с Алисой. Пришел Леша Тиматков, которого я люблю, как никого, человек просто замечательный. Леша признался, что скорее всего уедет жить за границу, здесь ему тяжело. В его искренности не сомневаюсь. Ну, конечно, были, пришли, не подвели Леня Колпаков и С.П., который раздавал книги, а потом нес мне до машины сумку с пирожками и прочими остатками. Героями дня, конечно, были Юля Качалкина и Максим Лаврентьев. Именно Юля, оказывается, написала такую прекрасную, очень заинтересовавшую меня большую аннотацию или даже предисловие к последней книге Максима. Особенно мне понравилось сравнение поэзии Максима, как бы отражающейся в зеркале. У зеркала старинная рама. Максим традиционалист. Максиму и Юле я обязан и этой книгой.

12 ноября, среда. Вчера окончательно договорился с Максимом, что он придет ко мне на лекцию в МГИМО, но уже вчера вечером я засомневался – а как будет себя чувствовать, а придет ли; засел за книжки, стал лихорадочно читать тексты, подбирать цитаты, в общем, к утру подготовил лекцию. Но, естественно, Максим утром позвонил, что едет, точно в обусловленный срок встретились с ним, поехали, медленно шли от метро, разговаривали. В этих, казалось бы, ни о чем литературных разговорах Максим вдруг стал оттаивать, расслабляться и очень скоро превратился в прежнего мягкого в слове Максима. Когда после лекции пришли ко мне домой и обедали, то какая-то вчерашняя болезненность Максима окончательно сгинула. Этому талантливому человеку просто не хватает внимания, общения, восхищения им, а он этого стоит, не хватает чувства занятости и ответственности, которые дает работа и преподавание. Если бы ему найти подходящую и интересную работу!

Я начал лекцию в своей обычной манере, сопрягая все, что меня волнует в литературе или беспокоит. Потом рассказал о Максиме и его поступлении в институт, о том, как я два раза его не узнавал. Потом Максим читал две или три «маленькие поэмы». Я, естественно, волновался: поэмы отчасти не без прежнего советского времени духа и слишком по-русски просты для юной, привыкшей к невнятной интернетовской поэзии, аудитории. Потом мы уже разговаривали все вместе, Максим говорил о состоянии современной поэзии, о Хлебникове, о рифме, о верлибре. В заключение сначала Максим получил свою порцию

аплодисментов, а потом и я свою, но уже поскромнее. Занятно, что постепенно моя аудитория становится все полнее и полнее, сначала шесть человек, потом восемь, а сегодня уже было двенадцать. Девочки как чувствовали, что я приведу очень красивого парня.

Зазвал Максима обедать, хорошо поговорили, ели грибной суп. Ничего не читал, в этом смысле день пропал.

13 ноября, четверг. <...>

К двум часам поехал в Институт языкознания, сегодня здесь уже настоящему защищается Марцис Гасунс, мой ученик. Марцис поступил ко мне лет пятнадцать назад, время было смутное, поступил как иностранец из Прибалтики, платный, говорил по-русски плохо. Оплачивал его обучение какой-то родственник. Я сразу понял, что с плохо говорящим иностранцем никто возиться не станет, а может быть, никто из наших и не справится, и взял его к себе в семинар. Уже на третьем курсе парень занялся санскритом, да и вообще смотрел куда-то в сторону более формализованную, нежели русская словесность. Поковырялись мы с его дипломом, сдал. Уехал, наверное, за какой-то дамой в Сибирь, несколько раз мне писал.

Защита проходила и требовательно, и как-то по-молодому весело. Сложная и, как у меня на защите, огромная, чуть ли не в 500 страниц диссертация. Художественный компонент в натуре давал о себе знать. Оппоненты отметили, что есть сбой и в стиле, и в манере изложения («эти рукописи кроме библиотечных мышей никто не видел»), слишком художественно. Мы с моим студентом оказались похожи и в другом: у меня, когда я защищал университетский диплом, были разные емкие приложения, и моя кандидатская, ставшая докторской, диссертация была чуть ли не в 500 страниц. Я так же, как и мой бывший студент, не люблю выводов, когда все сказано.

В конце «свободной дискуссии», что редко бывает на ученых советах, я коротко выступил и получил аплодисменты. Я сказал, что стиль и «художественность» – это моя вина, что я говорил ребятам, что если роман начинает надоедать, то следует его заканчивать, что в художественной литературе выводы не приняты, а достаточно ткани произведения. А потом я вспомнил, как мальчик, плохо говоривший по-русски, поступал в институт, и вслух поразмышлял, каков же потенциал русской культуры и нашей системы образования, что мы за небольшое количество лет смогли превратить несмышленища в блестящего молодого ученого.

Марцису подарил я оба тома «Власти слова» – в память об этой защите, а Валерию Демьянкову – несколько томов Дневника и последнюю книгу, в которой есть фрагмент о нашем с ним путешествии в Прибалтику.

К сему я уже пришел на Пречистенку. Сегодня в музее Пушкина празднуют юбилей Полякова. Пожалуй, это, если не считать юбилей Е. Сидорова, самый роскошный юбилей. Никакого фуршета, сначала в аванзале всем дали по бокалу шампанского, а уж потом, за столами в огромном атриуме (видимо, Наташа, жена Юры, все взяла под свой контроль) кормили не только сытно, без экономии, но, пожалуй, даже и роскошно. Народа или 200 или 150 человек, не меньше. Официанты в белых перчатках, и все стройны и хороши, как пушкинские молодцы. Публика была, в общем, своя, постаревшие писатели с очень неплохими именами. Были, конечно, и официальные, кроме нужных, фигуры. Приветственное письмо прислал Путин, а вслед за ним кто-то из адми-

нистрации президента. Были заместитель министра культуры Архаров, Новиков, владеец всего нашего книжного издательского мира, из телевизионщиков – Алексей Пушкин, я, кстати, сидел с ним за одним столом. Выступали соратники – Лариса Васильева и Олег Попцов, даже Сережа Шаргунов. Вел все это сам Поляков, очень неплохо, артистично, иногда сам читал свои стихи, в другой раз читал стихи Валентин Клементьев. Кого-то из ораторов Поляков вызывал из зала, кто-то выходил сам. Честно говоря, Юра, посадив меня очень близко к сцене, рассчитывал на меня, как на резерв главного командования. Но резерв не понадобился, а сам я не вызвался. Моя внутренне подготовленная речь пропала. Я бы, конечно, начал с качества еды, потом прошелся бы по «Полету валькирий» Вагнера – под эту музыку герой дня появился на сцене, но главная моя мысль – о его стойкости по отношению к минувшему времени, никого не предал, не переметнулся, всегда был тверд. Мысль эта осталась не востребованной. Основной мотив всем высказываниям задал Говорухин, живой классик и любимец публики.

Дома, когда около десяти пришел, в свежем номере «Литературки» прочел почти полосный материал о новом фильме Н. Михалкова. Даже два материала. Большая статья Тимура Зульфикарова – он в восторге, но у него есть замечания, даже не статья, а небрежное эссе якобы гения, и фундаментальная Александра Кондрашова. У этого нет смысла подластиваться к Михалкову и раздражаться, как Зульфикаров, от собственных неудач в кинематографии. Увидев фамилию Кондрашова, я сразу понял – этот слабины не даст. Теперь кроме мнения Доренко у меня есть еще и существенные замечания Кондрашова. Он, кстати, начинает статью с того, что въехавшие в Одессу на трамвае красные сразу подстрелили случайно оказавшегося на их пути павлина. И даже здесь есть картинка. Бедный павлин! Я вспомнил знаменитый кадр Феллини из «Амаркорда» – павлин под снегом.

<...>

15 ноября, суббота. Утром ездил в банк, снимал со счета деньги – 35 тысяч Альберту за вечеринку по поводу выхода «Описи» и, как обычно, 160 тысяч за новую книгу «Дневников», которую Леша Козлов все еще не отправил в типографию. <...> Ездил в банк на трамвае, а вернувшись, завел машину и поехал с Гафурбеком – парень у меня занимается хозяйством, ходит в магазин и кое-что мне перепечатывает на компьютере – в «Ашан». Какую же тьму продуктов мы все, включая тонюсеньких, сидящих на постоянной диете девушек, поглощаем! За целую тележку продуктов заплатил 3,5 тысячи. С Гафурбеком мне, ненавидящему покупки, очень удобно. Он все знает, цены, расположение полок и чего мне необходимо купить, потом он все погрузит в машину, выгрузит, отнесет к лифту, поднимет полдюжины тяжелейших сумок на пятый этаж и все разложит по холодильникам. Как эксперт он говорит, что у него нет ощущения, что сильно все подорожало, включая рыбу.

Вечером уже на метро ездил на «Маяковскую» в Камерный зал, этот зал в одном здании с Большим залом, – на тематический концерт из цикла «История любви». Здесь письма сухие, почти формальные Чайковского и несколько экзальтированные фон Мекк и, конечно, музыка, пели романсы и даже почти целую сцену из «Евгения Онегина». Все хорошо известно: никогда не встречались, женщина была околдована действительно гениальной музыкой Петра Ильича, но если бы не она, то и гениальной музыки, возможно бы, не было. Если бы не Николай Первый, который Гоголю платил большую пенсию, то могли бы

и не состояться «Мертвые души», в этом же плане можно вспомнить и Тургенева, и Тютчева – все они были при власти и подпитывались властью. Параллелей с текущей действительностью не провожу. Власть талантливо подпитывает не лучшие силы. Но это попутно, вернусь к концерту. Позвал на концерт мой бывший ученик Паша Быков, и писатель, и вот теперь оперный певец. Вместе с ним пела и читала Наталья Павлова, хорошее сопрано и дочь поэта Веры Павловой. Наталья была хороша и в открытом платье в первом отделении? и в закрытом во втором. Удивительно, что оба держали образ, не выпадали, артисты! Я, конечно, плавая в музыке Чайковского, думал о себе, но и держал в памяти условность и отчасти сценическую надуманность всей ситуации. Паша читал письмо своего героя о строгом распорядке его жизни в Париже, а я держал в уме его письмо брату Модесту.

Вернулся довольно рано и долго пытался заснуть.

16 ноября, воскресенье. Сначала вчерашнее, но это, видимо, продолжение прежнего. Об Александре Плющеве, уволенном ли, не уволенном из редакции «Эхо Москвы», я уже писал, и с этим увольнением, если оно состоялось, не согласен. Хоть выпорите, но хлеба и работы не лишайте. Продолжение темы – это заочное голосование совета директоров по поводу возможной отставки Венедиктова. Голосование назначено на 21 ноября, а 6 ноября Венедиктов может уйти. Инициировал это на правах главы холдинга «Газпром-медиа» бывший министр печати Михаил Лесин. Ему как начальнику принадлежал первый щелчок фишками домино. Потом все покатилося и закончилось сегодняшним состоянием литературы. Как мне кажется, свой капитал составил на телерекламе.

Уход Венедиктова – это другая радиостанция. Почти всегда несогласный с позицией станции, я категорически протестую против смещения Венедиктова и реформирования станции. Наша воровская элита хоть кого-то побаивалась. <...>

Сегодняшнее утро началось с передачи Леонида Володарского. Я уже несколько месяцев его слушаю по субботам и воскресеньям. Сегодня он говорил об интеллигенции, о ложности в нашей стране этого самоназвания. Хорошо к едим комментариям самого Володарского добавляли радиослушатели. Например, о том, как интеллигенция, еще недавно писавшая в анкетах, что она из рабочей или крестьянской среды, теперь уже стала из среды купеческой и дворянской. Знаменитый Никита Сергеевич Михалков вообще о своем происхождении говорит так – аристократия. В связи с этим мне придется признаться, что я о себе написал в последней книге, после того, как внимательно рассмотрел метрики своего покойного отца.

«Иногда лучше оставаться в неведении. Мифы учат, что лучше не развязывать узлов и не отмыкать шкатулок. Не успел я открыть картонную с завязками и проклеенной матерчатой боковиной бумажную папку, как был лишен первой своей иллюзии. В семье всегда ходят мифы о своих более удачливых, знаменитых или даже великих предках. Будь то Соловей-разбойник или Ухарь-купец. Рухнула легенда о моем другом прадеде, будто бы владевшем хлебным заводом на Северном Кавказе. Растворилась и привлекательная легенда, будто бы моя прабабушка, в бархатном платье во время масленичного разговения серебряным половником выудила из серебряного же жбана со сметаной свою комнатную туфельку. Будто бы крутой мой прадед этой же просметаненной туфлей прабабку перед опешившими гостями так хрястнул по морде,

так хрястнул... Сцена очень выразительная для кинематографа, а возможно, уже побывавшая где-нибудь в литературе. Домашние мифы обычно не ходят особенно далеко. Первая же бумага, извлеченная из папки, сообщала, что отцом моего отца, родившегося 1 мая 1916-го и крещенного 3 мая, был Чембарского уезда, села Кондоль крестьянин Михаил Антоновъ Есинъ. С прабабкой вышел казус – ее имя оказалось на сгибе бумаги и полностью исчезло, правда, чуть ниже значилось: оба православного вероисповедания. Здесь же, в свидетельстве № 858, выданном из Пензенской духовной Консистории Михаилу Есину, значились и “восприемники” после крещения его сына – это саранский мещанин Иван Алексеевич Корнилов и жена крестьянина села Головщина Марфа Павловна Котикова.

От мифа моего собственного “благородного рождения” не осталось и дыма. Я много раз задумывался, как в советское время молодой человек, даже без высшего образования, мог сделать карьеру? И здесь – какое счастье, что сохранились эти корочки и обрывки бумаги, по которым кое-что можно было проследить. Папка, которой хватило бы на добрую книжку из знаменитой молодогвардейской серии ЖЗЛ, – жизни замечательных людей. Практически любая жизнь не только неповторима, но и замечательна».

Ну да ладно, поехали дальше.

Весь день лежал на диване, дочитывал сначала монографию Пронина, а потом смотрел телевизор. Особенность украинского политического мышления – какая-то мелкость и хитрожопость, все стремятся обмануть, разжалобить и соврать. Порошенко приказал не перечислять в Новороссию пенсии, вывести суды, органы прокуратуры, перевести в «метрополию» заключенных... Путин сразу сказал, что украинский президент отрезает две области от страны.

17 ноября, понедельник. Похоже, что заболел, началось все с горла, пью «Стрепсилс» и сижу дома, варю суп из кабачков и моркови, пью чай. Между делом написал несколько фраз в новый роман. «Не пишется...» и замер. Что дальше, есть только предощущение. Вечером позвонил Анатолию Королеву. Вспоминая фрагменты «Валентины», Анатолий вдруг сказал: «Я тебе давно говорил, напиши о своей собаке». Тут я понял, что роман напишу.

Днем взялся наконец-то за киноповесть Татьяны Вилькиной, которую она мне подкинула «для оценки». Это дочь Саши Вилькина, я с ним дружу многие годы, отказать не могу, хотя обычно отказываю. Чтения много, оно, как правило, рабочее, топчется на место то, что хочется быстро прочесть. Например, вгрызться в дневники Твардовского или в новую книгу Третьякова. Чинит ли без оплаты, а только из одного удовольствия постучать молотком, ботинки сапожник?

Читается повесть легко, непритязательный стиль с небольшим лексиконом, упрощенный, «как в жизни» синтаксис, много простенького диалога. Жизнь кинорежиссера, работа, большая мать, взрослая дочь, преданная жена. Во всем отблески уже прочитанного, близко по тематике к Трифонову. В принципе, много лучше, чем у тысяч печатающихся писательниц. После чтения позвонил Татьяне и сказал, что эту киноповесть никто снимать не станет. Таня сразу призналась: показывала уже троим, никто не берет. Я сказал, что ни один журнал тоже не возьмет, надо искать издательство. Девочка молодец, удар держит!

Вечером еще до ТВ прочел в «Литературной России» большую интересную статью Виталия Амутных. Он довольно ловко соединил свои

размышления о поэзии Игоря Северянина и сообщения новостного украинского телевидения. Основное – приобрел стиль, мне кажется, отчасти здесь моя манера как бы накрывать отдельные проблемы неким ковром соображений и фактов – из всего этого и возникает мысль. Вот и еще один мой ученичок, который пишет, что окончил Литературный институт. У кого они все учились, мои ребятки деликатно всегда умалчивают. Недюжинный талант возник сам по себе и сам по себе развился.

18 ноября, вторник. Из носа течет, спал, ощущая, что дышу открытым ртом, губы ссыхались. На работу все равно пойду, семинар пропустить нельзя, скоро должны нахлынуть дипломники. Утром второй раз прочел текст Саши Желаниной. Хотя название очень заковыристое – «Трансцендентальная апперцепция», но текст сильный. Это провинциальный, весь погрязший в нищете город, мафия, семья, история девочки, все-таки выбившейся в люди. По своему невежеству начал звонить Оле Зайцевой, нашему философу, что же, спросить, это такое? А потом нашел в словарях: «Апперцепция (от лат. ad – “к” и perceptio – “восприятие”) – понятие философии психологии нового времени, ясное и осознанное восприятие какого-либо впечатления, ощущения и т. п.; введено Г. Лейбницем в отличие от бессознательной перцепции. И. Кант наряду с этой эмпирической апперцепцией вводит понятие “трансцендентальной” апперцепции – изначального неизменного “единства сознания” как условия всякого опыта и познания, позволяющего синтезировать многообразные восприятия. В основанной В. Вундтом психологии апперцепции – восприятие, требующее напряжения воли. В современной психологии синоним восприятия». Интересно, расшифруют ли это название мои ленивые ребяткишки.

Утром же взял с полки «нечитанного», она у меня у носа, последнюю книжку А. Туркова «На последних верстах», читал часа два, оторваться трудно, для меня все это знакомые имена. Книга статей о писателях-современниках, а большинство их, если не все, люди или воевавшие, или военного поколения. Как записка всей книги знаменитое стихотворение Наровчатова «Не будет ничего тошнее...». В статьях ни одного пустого, мимолетного слова, плотность поля невероятная, но практически о всех знаменитых книгах и авторах нашего времени. Полностью прочел статью об Асе Берзер, знаменитом редакторе «Нового мира», я с ней был мимолетно знаком, она читала вслед за К. Чуковским мою первую повесть и просила для «НМ» кое-что переделать, я этого не сделал и напечатал повесть без правки в журнале «Волга». Читал также о В. Быкове, о В. Гроссмане. От всей книги я в полном восторге, не вытерпел и позвонил А.М. Он в больнице, бодрый, насмешливый.

19 ноября, среда. Простуда, начавшаяся с горла, как обычно, спустилась вниз, начался полноценный бронхит. Не вполне здоровый, все-таки пошел в МГИМО. Сил хватило только на час, что-то весьма общее говорил о рассказе. Единственное утешение, что ребята все-таки что-то пишут и выкристаллизовалась группа явно талантливых людей.

Днем читал «Литературку» с открытым письмом к министру юстиции, я его подписал скорее из дружбы с Поляковым, хотя общий тон письма совершенно справедлив: когда-то огромной собственностью писателей завладело несколько человек. В списке подписавших Г. Битов, В. Личутин, Ф. Искандер, Юра Козлов, В. Еременко, В. Поголяев. Мне как-то, правда, по подходу ближе какое-то письмо, которое я видел в «Литературной России». Здесь опять сводятся сложные счета

и отношения. Упоминаются имена Владимира Толстого, нашего Алексея Варламова, обычно не участвующего по тихости характера в литературных разборках, Светланы Василенко. О всей ситуации сказано: «Страсти вокруг Международного сообщества писательских союзов, Международного литфонда и литфонда России, в котором проблемным фигурантом является Иван Переверзин, никак не могут утихнуть. Конечно, у этих структур есть свои сторонники и оппоненты. Однако у многих складывается впечатление, что, прикрываясь заботами о всех писателях, в реальности все эти три структуры действуют в интересах 10–15 человек. По сути, все эти организации выступают кормушкой для узкого круга избранных людей, которым предоставляют всё: и дачи в Переделкино, и сумасшедшие деньги в виде материальной помощи, и карт-бланш на бесплатные издания толстенных книг и т. д.»

Через силу вечером поехал в театр им. Пушкина. В постановке Евгения Писарева давали «Женитьбу Фигаро», весело, полный текст, с невероятным изяществом. Я смотрел и спектакль Плучека – не хуже, видел и «Комеди Франсез» – плоско и скучно. Еще недавно с трудом заполнявшийся зал был полон. Сюзанну играет Александра Урсуляк с хорошо найденной интонацией, самого Фигаро – ловко и даже грациозно Сергей Лазарев, певец, который оказался прекрасным актером, больше всего мне в крошечной роли понравилась Флажетта – молоденькая актриса, но фамилии ее на сайте не нашел.

В машине заклинило переднюю, водительскую дверь, залезаю и вылезая со стороны пассажира. Надо бы купить новую, но боюсь наступившей старости и отечественной медицины.

20 ноября, четверг. Несколько дней назад я передал институтскому агенту по снабжению Николаю мою новую книгу, чтобы он переслал ее Марку Авербуху в Америку. Видимо, Николай пошел за деньгами к главбуху и удивительно ленивый наш главбух Ирина Николаевна сказал – Ашот с удовлетворением мне это предал: «У Института нет денег, чтобы пересылать книги Есина в Америку». Если бы это была простая пересылка. Но это пересылка одной книги человеку, который уж один раз точно, а может быть, и несколько присылал по 1000 долларов для премирования наших выпускников. В свое время он дал какую-то значительную сумму, как литературные премии, нескольким членам нашего писательского сообщества и в том числе одному нашему институтскому преподавателю – естественно, не мне. Что касается восклицания главбуха, что у Института нет денег, то если ректор сделает некоторые финансовые документы гласными, то я не только эти деньги найду, но и найду незаконное их распределение. Найду и одних и тех же поставщиков и предпринимателей, которые с неизменным постоянством выигрывают все наши конкурсы на ремонты, строительство и услуги. Это, конечно, при том, что обычный, не главный у нас бухгалтер, делающий постоянные ошибки в зарплате преподавателей, получает значительно больше заведующего кафедрой. Наверное, я выступлю на ближайшем ученом совете.

Утром слушал ликующую реляцию Венедиктова после встречи с Михаилом Лесиным. Ему, кажется, удалось отстоять Александра Плющева. Я этому очень рад, Плющев очень талантливый человек. Следующий ход за властью.

Весь день лежу и читаю замечательные комментарии Веры Мильчиной к книге Кюстина. Вот декабристы: «Император становится казначеем и кредитором всех русских дворян. Дворянский заемный банк,

дававший ссуды под залог, был учрежден сначала Елизаветой Петровной, потом переутвержден Павлом. III отделение всерьез полагало, что толчком, побудившим декабристов на террор против царской фамилии, было желание освободиться от своего кредитора. “Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, – читаем мы в официальном докладе шефа жандармов, – за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших людей “14-го”, были ложные утверждения, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а царствующей фамилии”. Дьявольское рассуждение, что отделившись от кредиторов, отделяются и от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

Потом и читать уже не смог, принялся переключать каналы на телевизоре. Набрел на фигуру совершенно забытую – Анатолий Лукьянов, последний председатель Верховного Совета СССР. Еще лет десять назад он сказал: «Ничего не читаю, кроме Дневников Есина». Тогда мои Дневники печатались в «Нашем современнике». Оторваться от передачи уже не мог. Лукьянов рассказывал всю эпопею развала Советского Союза и участия в этом процессе Горбачева. Последний генсек недавно опять прошелестел по нашим каналам. Теперь, кажется, хочет презентовать свою новую книгу. Ну так к Лукьянову. Тот, с прекрасной памятью государственного деятеля и юриста, рассказал, что еще в марте – Советский Союз окончательно был демонтирован в сентябре – под предводительством Горбачева, когда все ощущали сложность ситуации, был организован комитет по введению, если станет необходимым, чрезвычайного положения в отдельных районах страны. В члены этого комитета вошли, кроме, кажется, Стародубцева и еще кого-то, все те же лица, что и были в так называемом ГКЧП, и Янаев, и все остальные. А когда все затрещало, вот этот совсем не самозванный коллектив и летал в Форос, звать своего предводителя обратно в Москву с берегов Крыма. А человек, который этот комитет созвал, сказал своим товарищам: я, дескать, в отпуске. Летите, дорогие товарищи, обратно и выкручивайтесь.

21 ноября, пятница. Возможно, после лекарств мне стало чуть лучше, но до выздоровления далеко: в груди хрипит орган. Хорошо, что утром позвонил Мих. Мих. и поставил мое лечение на научную основу, добавил мне еще и антибиотики. Весь день с утра читаю, вернее перечитываю роман Ксени Букши. Завтра надо в ЦДЛ и при полном зале об это романе говорить, читаю и делаю пометки. Уже к обеду стал просматривать, чтобы выбросить ненужные, газеты, которые подкопились. Но еще до этого получил небольшое послание от Сережи Арутюнова – он прочел новую мою книжку.

«...у меня скоплено шесть-семь мыслей о вашей теперешней форме.

Внутренняя интенция вашего искусства крайне важна для меня теперь, это стирание грани между бытием и небытием. Вы давно пытаетесь смотреть с той стороны зеркала, и это куда больше модернизма, хотя вы модернист (в смысле современник) прежде всего.

Слава богу, я дорос до понимания тонкостей, понимаю намёки. Сразу смог выделить эпиграф, некоторые логические построения. Андерсен со сказкой “Старый дом” вырастает к середине, а меж тем, это один из обертонов книги: старый джентльмен показывает некоему мальчику квартиру, при этом он же экскурсовод по квартире после себя именно за счет интонации отстранения от самого себя, это речь языком некого другого, и только порой она возвращается к собственной.

Захватывающий приём, что и говорить.

Надо писать об этом, прочту и перечту с карандашом недели через две».

Теперь вразброд газетные новости. Основная для меня, что в БДТ в Ленинграде главреж поставил «Что делать?» – гениальный роман Чернышевского. Любимая моя Алена Карась раздраженно пишет: «Возможно, именно как старую, пропахшую нафталином шубу и вытащил новый худрук БДТ роман Чернышевского – мол, присмотритесь, как смотрите вы в ней сегодня». Спектакль Алене Карась, естественно, не нравится, она не понимает величия этого произведения, актуального для нашей страны всегда. Известно и что делать, и кто виноват. Я думаю, что театр, всегда тонко улавливающий желания публики, пытается разобраться в исконных русских вопросах.

В газете же, но помеченной неделей раньше, прочел об одном из финалистов Большой книги. Здесь витийствует Кларисса Пульсон. «Поэт, переводчик, эссеист Алексей Макушинский работает на кафедре славистики города Майнц (Германия). Его предыдущая книга “Город в долине” получила премию “Глобус” журнала “Знамя” и библиотеки иностранной литературы им. Рудомино». Характеристика для меня почти исчерпывающая. На этот раз роман «Пароход в Аргентину». Автора, например, интересует, чтобы его выдуманный герой «оказался на Любекском мосту через Двину в день освобождения Риги от большевиков 22 мая 1919-го...» Но я иду дальше по интервью:

«– В двух ваших последних романах действие происходит во время Гражданской войны. Это же не случайно?»

– Все-таки основное событие, или основная катастрофа XX века для России – это революция и Гражданская война. В юности я, наверное, немного идеализировал Белое движение. Этого делать не следует. Вообще не следует идеализировать что бы то ни было. В “Городе в долине” война на юге России, там нет буквальной исторической точности, там скорее некое “видение”. А в “Пароходе...” – особенная гражданская война, в Прибалтике в ней участвовали и русские, и латыши, и немцы, как балтийские, так и “имперские немцы”... Надеюсь еще когда-нибудь написать об этом. Я же половину своей юности провел в Латвии, собственно – в Курляндии».

Какие уж тут комментарии! Но я почему-то, отвлекшись на книжного финалиста, не закончил свои разборы с Аленой Карась. Защищаю честь русской литературы!

Спектакль маститому обозревателю не понравился, чуть ли не каждый день, посещая театры, автору статьи уже кажется, что и ему пора ставить, режиссура и литературоведение дело нехитрое, и зря русская публика зачитывалась романом Чернышевского.

Я уже неоднократно читал, что жизнь постоянно рифмуется одни и те же события или имена. Газету надо уметь листать, а я вычерпываю из нее еще и для меня интересное или существенное. Вот уж никогда не думал, что буквально через несколько минут опять встречу с Чернышевским.

Но сначала о возобновлении школьных сочинений, о чем мы совсем недавно говорили в театре с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Газета пишет о действительном возвращении. Школьники в последнем классе теперь будут писать некое зачетное сочинение-допуск к ЕГЭ. Наталья Дмитриевна резонно говорит, что сочинение должно быть основано на явлениях русской литературы. Министерство предложило

очень неплохой куст направлений на этот год. Как летописец фиксирую: «“Недаром помнит вся Россия...” (200-летний юбилей М.Ю. Лермонтова), “Вопросы, заданные человечеству войной”, “Человек и природа в отечественной и мировой литературе”, “Спор поколений: вместе и врозь”, “Чем люди живы?”».

А вот теперь о рифме. Ну кто бы мог подумать, что придется снова встречаться с Чернышевским!

«На днях Ассоциация учителей литературы и русского языка представила в Общественной палате проект Концепции школьного филологического образования. В ней нет “русской словесности”, как записано в стандартах для старшей школы, которые вступят в силу с 1 сентября 2015 года, и есть список литературы, которую предлагается изучать с 5 по 11 класс. К примеру, авторы предлагают изучать в школе роман Чернышевского “Что делать?”, Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву”. Но в проекте нет, к примеру, Набокова и “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына».

22 ноября, суббота. Всю пятницу и первую половину дня сегодняшнего перечитывал роман Ксении Букши. Сегодня процедура представления трех лауреатов публике в Доме литераторов и, собственно, последнее, решающее голосование. Собравшиеся читатели, которым раздадут листочки-бюллетени, они и станут решать, кто из представленной жюри троицы победитель. Кроме Ксении Букши, о которой мне предстоит что-то сказать, это еще Сережа Шаргунов и Андрей Битов.

<...>

Описывать всю процедуру церемонии не буду, она уже в моих дневниках прежде несколько раз промерцала. За кулисами встретился со всеми жрецами сегодняшнего действия. Женя Сидоров, он сегодня вместо покойного Бэлзы будет вести церемонию, Миша Семерняков, он ответственный секретарь премии, А.М. Туркова выписали из больницы, он, человек долга и «надо», без него все происходящее невыносимо. И.Н. Барметова вызвалась говорить о Битове.

На сцене Ксения Букша расположилась на гостевой лавке, держа на коленях недавно родившуюся дочку. Девочка чудная, ручки и ножки, как перетянутые резинкой. Видимо, не с кем оставить, так и приехала из Петербурга. Это, конечно, мило три часа на глазах у зала тетешкать прелестного младенца. С одной стороны, это некий «ход», но с другой стороны, публика тоже не дура и понимает, что к чему. Не умилить ли нас решила молодая писательница?

Женя Сидоров ведет церемонию не совсем так, как это делал покойный Бэлза, он литературовед, критик и все читал. Представляя очередного лауреата, по крайней мере, Букшу, – она была первой – несколько многовато говорит о самом романе, выбивая у меня из-под ног почву. Потом небольшое сообщение предстоит сделать мне. Я выхожу, говорю о времени, о новаторских принципах сочинения, за моей спиной, ревниво следя за моей речью, Букша неудачно вставляет реплику. Я говорю о своей любви к людям труда той поры и к простому укладу жизни. Ксения Сергеевна за моей спиной говорит, что моей любви к прошлому времени не разделяет. Я думаю, что эта реплика ей дорого обошлась. Зал в основном не молодой.

Ирина Барметова говорит о романе Битова, его проблематика собравшейся публике – молодежи мало, больше людей пожилых, для которых утренник в ЦДЛ очередное развлечение, – не очень привычна. Как я понял по некоторым репликам из зала, почти никто ни Букшу, ни Бито-

ва не читал; бесстрашного Шаргунова видели по телевизору. Потом говорит Битов, в его монологе одно истинно: писатель, не чувствующий собственной вечной в душе свободы, – не писатель. Потом замечательно говорит о Шаргунове Андрей Михайлович. Видимо, статья о романе Сережи «1993» у него готова. Здесь не только описание времени, но и нравственный выбор, почти выветрившийся из отечественной литературы. Надо не забывать, что это роман с «положительным» героем, что в современной литературе почти невероятно. Потом умело с публикой говорит сам красавец Сережа. С огромным, чуть ли не вдвое перевесом перед Битовым и Букшей, он выигрывает. Всем троим вручают по 50 тысяч рублей, раньше давали в рублях по тысячи долларов, но рубль подешевел. Победитель получит еще один конверт. Все ликуют, цветы, играет квартет. С музыкой после ухода бедного Бэлзы стало похуже. Традиционно хорошо с итальянцами, которые неизменно ватагой каждый год прибывают в Москву, на церемонию награждения. У них, видимо, с финансированием культуры много лучше, чем в России. Незнанный мною знаменитый актер по бумажке читает стихи знаменитых итальянских поэтов, по бумажке же Женя Солонович читает свои замечательные переводы. Одно из стихотворений переводил Заболоцкий, но подстрочник для него делал в те давние времена тоже Солонович. Я как крохобор собираю все, что связано с литературой.

Внизу, в ресторане, для избранной публики, лауреатов, жюри и местных энтузиастов развернулся небольшой банкет. Не скажу, что всего очень много, но достаточно, вкусно, достается мне кроме закуски и фруктов даже замечательная «пожарская» котлета. Со мною за столом сидят Вера и Женя Сидоровы, Евгений Солонович, за соседним столиком Майя Пешкова, мой «индекс» на породу присутствующих.

Еще до банкета, понимая, что в этом году опять не заплатят гонорар за работу, которая у меня заняла половину лета, я не по-джентльменски спрашиваю об этом у Миши Семернякова. Заплатят или не заплатят? Миша деликатно, зная, конечно, всё, отсылает меня к Галине Ильиничне, директору ЦДЛ. Мы с Андреем Михайловичем об этом «неинтеллигентном» моменте уже потолковали раньше. Он тоже на эти деньги рассчитывает. Писатель живет с гонорара, в искусстве – что отломают от жизни. Галина Ильинична говорит, что деньги теперь Министерство культуры пересылает через Литературный музей, которым заведует Дмитрий Бак. В общем, денег нет, не пришли. Я вспоминаю, что Женя только что со сцены этого Диму Бака хвалил. Бак действительно парень очень обаятельный, знающий.

Дома смотрю один из последних туров замечательного проекта канала «Культура» «Большая опера» – конкурс молодых оперных певцов. И певицы, и певцы, и жюри – все бесподобно.

23 ноября, воскресенье. Живу по принципу «надо». Вчера надо было ехать на премию «Пенне», сегодня утром надо готовиться и читать публичную лекцию о Доме Герцена, об Институте и о том, что за зверь писатель. Это московский грант Института, что-то около миллиона рублей, где основным действующим лицом достанутся лишь крохи. Столько лет, по многу часов витийствуя в аудитории, написав книгу о собственных подходах преподаванию, я с определенной неуверенностью подхожу к своему искусству чтения лекций. Не устный я человек, не умею рассказывать то, что хорошо известно, плести придаточные предложения и повторять, что все хорошо знают. Мне всегда нужна мысль и, по возможности, своя, собственная, а не раскавыченная цитата. Мне было бы неловко

за малозначительный и пустой треп. Каждый раз я создаю план, готовлю цитаты, думаю об общей интонации. Но я, правда, еще ни разу не повтोरился, еще ни разу не читал, не отрывая глаз от конспекта, свою лекцию. Каждый раз это все-таки была импровизация, и я не всегда представлял, куда меня занесет. В этом плане публичные лекции, которые я стал читать, мне дали определенный опыт. Сегодня я вдруг счастливо решил, что коли мне надо рассказывать еще и о Доме Герцена, то почему бы не воспользоваться и собственным романом «Твербуль», в котором наш высокоталантливый птичник неплохо описан? Подобрал цитаты. О том, что студентка, героиня романа, еще и проститутка, тактично умолчу.

Поехал к четырем часам. Сегодня у нас последний день серии подобных лекций. Утром блестяще, говорят, прочла лекцию наша умница и красавица Завгородняя, днем передо мной читает о Блоке В.П. Смирнов – ну уж здесь, конечно, все будет на высшем уровне. Мне читать в 23-й аудитории.

<...>

Теперь о самой лекции. Здесь главное уверенность. Держал перед собой только оглавление своей книги о литературном мастерстве. Без, казалось бы, особой натуги, получая удовольствие, все и прочел. Довольный собой, поехал домой, но ведь день-то пропал. Впрочем, снял с компьютера три рассказа Данилы Трофимова. Почему так – кто писать могут, те пишут и ходят без пропуска на семинары, а кому бы каждый раз писать этюды, выполнять задания, те стараются ничего не делать? Сколько, интересно, птичек моего семинара дочерируют до диплома?

<...>

24 ноября, понедельник. Сижу дома, потихонечку листаю учебник английского для начинающих, колдую, как завтра проведу семинар. Прочел рассказы Трофимова, мне сначала показалось, что Данила стал работать под Тяжева, но потом увидел, что интонация у него своя. Но все – не в угоду ли слабонервному читателю? – упростилось. В своей основе рассказы чистые и даже возвышенные. Везде мальчик и девочка, везде уже взрослая жизнь, но все как-то шелковым боком.

<...>

25 ноября, вторник. <...> проснулся в десятом часу. Лег, стараясь накопить к семинару силы, рано, часов в десять вечера, взял с полки давно мною читаемую «Герменевтику субъекта» Мишеля Фуко и уже совсем собрался было выключить телевизор, как объявили сериал о юности Екатерины Великой. Смотрел, восхищаясь бытом русских императриц в зарубежных замках, а в мучительных и пошлых рекламных паузах, в которых разворачивалась жизнь нашего современника, читал главу о старости. Надо чаще читать философию, она успокаивает.

«Не отягощенный физическими влечениями, свободный от разного рода политических притязаний, от которых он отказался, обогащенный всевозможным опытом, старик предстает человеком, полностью собой владеющим, тем, кто может быть полностью удовлетворен собой». Как все это верно и точно. Согласимся и с Фуко, и древними философами, которых он раскавычивает. «Эта история и эта форма практики себя так старика и определяют: старик – это тот, кто наконец может найти удовольствие в себе, удовлетвориться собой, вместить в себя все радости и удовольствия, не ища никаких удовольствий, не ожидая никаких радостей ни от кого другого – ни физических, которые уже не по нему, ни тех, что связаны с амбициозными планами, которых у него нет». Но так, между тем, хочется выступить на ученом совете и кое-что вслух

сказать! «Итак, старик – это тот, кто довольствуется собой, и точка, которой достигает старость, если она была подготовлена долгой практикой себя, – это та точка, где, по слову Сенеки, мне наконец удалось догнать самого себя, воссоединиться с собой и где мое завершённое и совершенное отношение к себе становится вместе отношением господства и удовлетворенности».

Где-то в конце серии о немецкой принцессе, ставшей русской императрицей, сон меня сморил, проснулся только в начале третьего. И черт меня попутал поменять духоподъемное чтение французского философа на стремительную, как лыжный след, литературоведческую беллетристику Вячеслава Огрызко! Десятка три книг, еще не прочитанных или уже прочитанных, стоят у меня рядом на полке. Скорее собственная рука потянулась за толстым томом «Против течения» Огрызко, нежели приказал взыскующий ум. Оторвался же я от этих текстов в шестом часу. Поел бесполезной в моей старости «еврейской колбаски» (без свиного жира и только говядина), попил чаю с медом и принял снотворное. Читал даже не тексты, а 120-страничный словник с комментариями. Здесь, наверное, тысячи две в основном писательских имен, многих я знал или еще знаю. Картина отечественной литературы в лицах встала передо мной. Но и отдельные фрагменты были невероятно интересны. Я всегда думал о таком поразительном и быстром взлете писательской карьеры Эдика Хруцкого. Расторопный Слава говорит: «Объясняю». И объясняет: «Зять бывшего председателя КГБ Серова, написал кучу детективов, но славу Конан Дойля так и не приобрел». Теперь о себе любимом и моих славных товарищах.

«Есин Сергей Николаевич (1936), имитатор русской литературы, ставший в 1992 году на тринадцать лет с подачи бывшего помощника М.С. Горбачева – В.К. Егорова ректором Литературного института.

Рекемчук Александр Евсеевич (1927), эволюция этого писателя очень странна: он начинал как романтик (в своих первых романах писатель воспевал покорителей Ухты), потом долго прославлял пламенных революционеров, разжегших в Европе мировой пожар (не потому ли власти после изгнания Твардовского из “Нового мира” ввели писателя в редколлегию престижного журнала?), а затем последовал разворот на все 180 градусов (в перестройку Рекемчук примкнул к яростным либералам, вступил в сомнительную писательскую группировку “Апрель”, публично обозвал фашистом своего же ученика, посмеявшегося выступить против перевертышей, и с радостью издал лживую исповедь Ельцина).

Варламов Алексей Николаевич (1963), мне до сих пор не понятен выбор Солженицына, удостоившего писателя в 2006 году премией своего имени (“за тонкое исследование в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, ее судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий”), ведь он пишет очень скучно.

Василевский Андрей Витальевич (1955), начинал как скромный поэт, внимавший каждому слову Евгения Винокурова, в 1977 году пришел курьером в журнал “Новый мир”, через 21 год став там главным редактором (мне лично из всех нововведений Василевского в “НМ” особенно нравится придуманный им раздел библиографических листков)».

<...>

Семинар прошел достаточно полно: каким образом я веду занятия по три часа, откуда нахожу слова и мысли, я и сам не знаю. В качестве примеров подробно рассказал ребятам о структуре всех трех

отмеченных конкурсом «Пенне» романов – это первый час. Дальше три рассказа Данилы. Он умудрился написать рассказы практически без литературных приемов, якобы это течение самой жизни. Вначале мне показалось, что, оставив свою вязкую и густую манеру, Данила отчасти начал подражать фрагментам действительности, как Миша, но нет – в этом смысле Данила похож на меня – он опять замутил что-то совершенно по взгляду и смыслу новое.

Вечером ел торт по случаю дня рождения Гафурбека и смотрел продолжение сериала о Екатерине. Здесь Екатерину играет роскошная молодая актриса. Но сколько копания вокруг царского секса молодых Петра и Екатерины! Похоже, всю историю с фимозом и «неисполнением обязанностей» сценаристы взяли из истории другой венценосной семьи – Людовик XVI и Мария-Антуанетта. По крайней мере, всей русской аудитории доказали, что Павел Первый сын не Петра III, а Сергея Салтыкова. Но отчего же на портретах Павел так похож на Петра, а не на красавчика Салтыкова?

26 ноября, среда. Вечером водил своих студентов из МГИМО во МХАТ им. Горького на «Мастера и Маргариту». Выбор случаен, так стеклось, что спектакль был именно в среду, в день занятий. Сам я видел спектакль давно и поразился и отсутствием собственной памяти, потому что ничего кроме листов жести в самом начале – гениальная сценическая придумка В. Беляковича – не помню. Спектакль огромный, четыре часа, зал полный молодежью. Играли все те же знакомые мне актеры – В. Клементьев, М. Кабанов, И. Фаина, А. Титоренко. Но как их игра изошрена, высокоподъемна. По сути, это все огромный радиомонтаж, но почему зрители, не переводя дыхания, смотрят? Полет над жизнью. Почему я, знающий роман почти наизусть, не могу оторваться? Это общие проблемы каждого человека? Это наш общий грех? Это счастье освобождения от собственных проказ и проделок? Я невольно могу сравнить этот спектакль Беляковича с театральным высказыванием покойного Юрия Любимова. У Любимова было только театральное высказывание, только Маргарита, с обнаженной спиной раскачивающаяся на часовом маятнике. Правда, сатанинский бал у Беляковича не без влияния «Золотого века» Юрия Любимова.

Днем читал свою последнюю книгу, она умна, тонка, но вряд ли будет иметь успех, на который втайне я рассчитывал: исчез мой читатель; тупо читаю учебник английского языка. Талант иссох? Ничего не пишу.

27 ноября, четверг. Ругаю себя, что в Дневник, сочинение вполне интимное, все время вставляю что-то общественное, касающееся государства, современной жизни и даже воровства. Мне-то зачем эта Геккуба? Думаю, что в этом есть какой-то мой детский протест против порядка, против власти, против общего несправедливого устройства. Это еще связано с тем, что в восьмидесятых я видел, куда все идет, что на несовершенное и не всегда справедливое надвигается еще худшее, даже отвратительное, алчное. Не квартирный вопрос, как по Булгакову, испортил человека, а эта самая алчность. Но разве несчастными дефинициями говорит литература? Она говорит с народом конкретикой или, как говаривали в школе, образами. Итак...

Через Интерпол – это сегодняшняя новость – разыскивается «православный банкир» и бывший сенатор Сергей Пугачев. Сенаторы вообще по статистике разыскиваются чаще, чем простые труженики! Немыслимо много, чуть ли не миллиарды, оказались в «несознанке». В наше время русское слово «воровство» не любят, пишут «хищение»,

«присвоение» – в нашем времени царствует эвфемизм. Православный банкир, кажется, живет в Лондоне. С лозунгом «присвоение» ловят и другого героя наших дней, директора, похоже, искусственно обанкротившейся, турфирмы «Нева» – здесь тоже деньги немалые. А о владивостокском деятеле, укравшем на строительстве моста через залив Золотой рог чуть ли не два миллиарда рублей, я, кажется, уже писал.

Днем, до того, как надо было ехать на ученый совет, посмотрел газеты. «Литературка» в связи с юбилеем Полякова, похоже, исчерпала весь свой пафос и показалась мне скучной. В «Российской газете», пролистав «общественные полосы», которые почти синхронизированы по своему характеру с оперативным телевидением, я все-таки нашел добычу: это несколько высказываний Андрея Кончаловского с мастер-класса во ВГИКе. Это может пригодиться и моей ребятне. Я выпишу лишь два фрагмента, но ребятам прочту всю статью.

О талантах и заимствованиях. «Талант не только в том, чтобы было красиво. И тут возникает краеугольный вопрос – зачем все это нужно? Я по молодости думал: умею снимать кино, только мне почему-то все время тройки ставят. Актерскому мастерству научить можно, а режиссерскому нельзя. Постигать режиссуру можно только через заимствования. Как сказал композитор Стравинский: “Талантливые люди заимствуют, а гении – воруют”. Сначала мы с Андреем Тарковским имитировали Альбера Ламориса (французский режиссер и сценарист, известный своими детскими короткометражными фильмами. – *Ред.*), потом возникли Куросава и Бергман. Да, заимствовали, переворачивали идеи знаменитых режиссеров по-своему. Только так можно нащупать путь в профессии».

Про «селфи». «Я вам не очень завидую. В годы моего студенчества информации было мало. Мы смотрели взрослое кино. То поколение еще читало. А сегодня Голливуд делает кино для подростков. У нас были стойкие идеалы, даже если они менялись – сегодня Матисс, завтра Бэкон, – они были великими, заслужившими свое величие.

Сегодня же ориентиры меняются с бешеной скоростью: успешно одно, а завтра совершенно другое. На вас наваливаются помои образов, картинок. Все всё снимают. И потом – “селфи”. Полный отпад. Оно как часть нашего с вами атавизма. Вот как первобытный охотник, не поймавший быка, рисовал его на стене. Это и есть наше “селфи”. Но картинка на стене хоть на века осталась. А про “селфи” никто не вспомнит и через полгода».

На ученом совете обсуждались вопросы с нашей библиотекой. Проблемы не изменились: теснота, пожарная безопасность, отсутствие денег, значит, и сокращенная подписка, и скудность в приобретении книг. Ах, этот постоянный крик нашего главного бухгалтера: «Нет денег!» Я врзался в наш благодатно текущий ученый совет уже во время разговоров о книгах, библиографии и регистрации Института в индексе РИНЦ. На вопрос А.Н. Ужанкова, кто в этом виноват, пришлось по-солдатски ответить: «Вы!» Говорил – об этом, собственно уже писал – о деньгах на почтовые отправления, о грубости главбуха, о грязи в Институте, о том, что до сих пор администрация не может сделать наш журнал соответствующим требованиям ВАКа.

Машину после совета оставил в Институте и поехал в библиотеку Достоевского, где сегодня Н.В. Моторошилова читала лекцию о «черных тетрадах» Хайдеггера. Библиотеку нашел довольно быстро и просто ахнул, когда увидел один зал, с установленными в нем

компьютерами, полностью забытый молодежью, это студенты, готовились к экзаменам, а другой зал полный любителями – и молодежь, и люди старшего поколения – философии. Прекрасное состояние библиотеки, много книг, невероятно количество новинок.

Лекция Нелли Васильевны прошла, конечно, очень успешно. Весь сыр-бор с Мартином Хайдеггером возник, конечно, из-за нескольких высказываний о евреях. Но говорил он в своих тетрадах и о русских, американцах и англичанах. Естественно, цитировать еврейские пассажи Н.В. не решилась, а рассуждения о русских и американцах были. Я обязательно позже эти цитаты у Н.В. возьму.

Братя не пришлось, нашлись в ее статье в специальном журнале.

«Евреи, – пишет Хайдеггер, – издавна живут, обладая подчеркнуто расчетливой (или расчетной. – *Н.М.*) одаренностью (*bei rechnerischen Begabung*), и уже соответственно расовому принципу, почему они также резким образом обороняются от неограниченного использования этой способности. Устройство (*Einrichtung*) расистского взращивания возникает не из самой жизни, а из того, что жизнь подчинена власти *Marchenschaft*».

Из этой же статьи Н.В. фрагмент интервью, которое взял влиятельный немецкий журнал у знаменитого исследователя и философа.

«*Die Zeit*: Господин Федье, Хайдеггер – антисемит? Вы всегда горячо оспаривали это, но теперь вам доступны отрывки из “Черных тетрадей” немецкого философа; и даже для немецкого издателя Петера Травны, как представляется, исчезли сомнения в антисемитских исходных позициях Хайдеггера.

Федье: Конечно, ставшие теперь известными высказывания Хайдеггера о еврействе (*das Judentum*) и “евреях” предстают как шокирующие (уже это – ценное признание. – *Н.М.*). Но он сам в его время не мог воспринимать их как чудовищные (*курсив мой. – Н.М.*). И если я сегодня что-то скажу о “евреях”, например, об их юморе или их духовности – не столкнусь ли я тотчас и гротескным образом с той опасностью, что меня будут считать антисемитом?»

Господи, да обязательно будут! Вот только попадите в лапы какой-нибудь Ксении Лариной или Майи Пешковой, которая так разборчива в литературе.

Еще одна цитата из Хайдеггера. «Присвоить себе “культуру” как средство власти и тем самым утвердить себя, ложным образом обеспечив [свое] превосходство – это, в основе своей, и есть еврейский образ действий (*Gebaren*). Что из этого вытекает для культурной политики?»

Какие «действия» для «культурной политики» нацизма «вытекали» из сходных, с позволения сказать, мнений и убеждений, мы уже хорошо знаем: «вытекал» геноцид еврейской нации. Вряд ли сам Хайдеггер нацеливал свою нацию именно на это. Но объективно, в реальной истории все ведь произошло по нацистскому сценарию.

Теперь – англичане и тут же кое-что об американцах. «Англичане уже три столетия назад простились со всяким сущностным началом. И тем, чем они больше не располагают, немцы не будут располагать еще и в следующие столетия. (Видите, достается и немцам! – *Н.М.*) Из этой промежуточной пустоты возникает война, которая не есть существенная борьба, потому что она ведется из-за Ничто, [соразмерного] Ничтожному. Эта война проистекает из забвения бытия со стороны пришедшего к своему концу нововременного человека. Всякая цель, которая ему дана, не достигает самого существенного. А американцы берут состояние ничтожности

(Nichtigkeit) как обещание для своего будущего, т. к. они все приводят к ничто (zernichten) в видимости “счастья” Всех. В американизме нигилизм достигает своего апогея». Несколькими строчками ниже Хайдеггер изрекает такое «пророчество»: «Самое раннее около 2300 года может снова возвратиться История. Тогда американизм исчерпает себя в силу избытка своей пустоты. Но до того человек будет делать свои еще непредвиденные шаги-вперед (Fort-schritte) в ничто, не будучи в состоянии признать, и стало быть, преодолеть это пространство своего быстрого продвижения. Воспоминания о прошлом (Gewesene) и скрытом существовании (Wesende) будут все более смутными и запутанными... Некоторое кажущееся богатство войдет в историю затяжного окончания Нового времени из-за того, что в этом конечном состоянии цивилизованного варварства (!) одни будут бороться за цивилизацию, другие – за варварство, но [обе стороны] будут делать это с той же манией расчетливости. Так возникнет соразмерная пустоте пустыня, которая полностью распространит вокруг себя видимость никогда не существовавшей полноты».

Лучше всего, мне кажется, философ относился к русским. «Необозримая простота русского начала (des Russehtums) включает в себя нечто непретенциозное и необузданное – и обе черты в их взаимопринадлежности. Большевик, полностью нерусский, есть одна из опасных форм, способствующих вырождению сущности русского [начала] и потому развязыванию исторического процесса негативного движения; как таковая форма он приуготовляет возможность деспотии des Riesigen, но содержит и другую возможность – что это das Riesige выродится в безосновность своей собственной пустоты и лишит фундамента существование народа».

28 ноября, пятница. Уже когда вчера уезжал из Института, Л.М. сказала мне, что, наверное, завтра комиссия, которая нас проверяет, пойдет по кафедрам. <...> Приехал вовремя, запасшись собственным компьютером. Думал, что посижу, поработаю, но весь день провел в разговорах. Сначала в деканате Светлана Киселева рассказала мне о тех удивительных действиях, которые некий X предпринимал, чтобы остаться на своем посту. Здесь я впервые подумал, не стоит ли вернуться мне к прежнему творческому мотиву: сатирическому показу жизни. И смешно и страшно. К концу дня из разных слухов выяснилось, что у комиссии есть значительные недовольства нашей деятельностью. Похоже, это касается финансов. Я это всегда предполагал и недаром совсем недавно на ученом совете единственный проголосовал против очень значительной и отчасти за счет других членов коллектива прибавки к президентскому гранту для наших проректоров. Сегодня эта тенденция вылилась в приказ, который, видимо, под давлением комиссии, вынужден был подписать А. Варламов, наш мысленный волк. Этот приказ за номером 514 от 27 ноября устанавливает с 7-го октября, т. е. задним числом новые оклады. Всем поровну – по 81 тысяче рублей. Но еще недавно наш главбух получала 180 тысяч.

29 ноября, суббота. <...>

Вечером смотрел и слушал трансляцию завершения проекта «Большая опера» из Большого зала консерватории. Замечательно. И – как прекрасно владеть искусством, где не надо истязать свои мозги! Читал Фуко, начал «Дурочку» Василенко – прекрасный образец, когда талантливый человек пишет высокоталантливую конъюнктуру. Такому можно позавидовать – так бестрепетно я не умею. Читал английский, слонялся по дому.

30 ноября, воскресенье. Болезнь или усталость, но вял, интеллектуально пассивен, ничего не пишу. <...> Разбирал на столе и откопал дар Валентины и Ольги Твардовских – книгу новомирских писем их отца. Поразились мощи, убежденности и прямоте великого поэта. Литература встает здесь в соответствующих ракурсах. Такое себе мог позволить далеко не каждый писатель, даже накрывшись одеялом. Сделал несколько выписок. Особенно хорошо письмо кумиру интеллигенции Паустовскому. Но выписывал все, что может пригодится на семинарах.

Вот – К. Ваншенкину, с прекрасной раскавыченной цитатой из все предвидевшего Пушкина.

«Вы теряете не то что темп, а строй, серьезный лад, мельчите, равновато прибегаете к воспоминаниям об уходящей юности, на которых, как еще Пушкин говорил, далеко не уедешь».

В письме неизвестному мне И. Вернику поразительное соображение о том, что вообще является основой творчества. Возможно, кому-то в нашем времени это покажется привычным, но ведь освящено и Пушкиным, и Твардовским.

«Одно стихотворение оставлю в запасе “Нового мира”, – возможно, оно будет напечатано. Не спешите писать, спешите читать и думать. Желаю всего доброго. А. Твардовский».

Теперь письмо К.Г. Паустовскому, в котором так много всего, что я не решаюсь и комментировать. Крестьянин, помнящий и первородство, и путь, пишет капризному барину. Не могу здесь не вспомнить, что Марлен Дитрих, когда приезжала в Москву, будто бы вставала перед Паустовским на колени. Но как постарела его прекрасная проза! Я из большого письма выбрал отрывок. Твардовский прочел рукопись, а теперь вторично ее читает, но уже с оговоренными с автором поправками, которых кокетливо не оказалось.

«И нам, право, жаль, что, покамест – так уж оно получилось – результаты “перепашки” оказались, мягко выражаясь, малопродуктивными. Да, Вы внесли некоторое изменения в текст повести, кое-что опустили, кое-что даже вписали, например, странички, призванные разъяснить особое положение Одессы в 20–24 гг. Так Вы, объясняя “тишину” и, так сказать, свое право пользоваться благами этой “тишины”, сообщаете, что наступила она вследствие ухода рабочей части населения города – на северные фронты и в деревню от голода. Словом, ушли, нету их, нет необходимости их описывать. Согласитесь, что этот прием сходен с тем, что применяют авторы некоторых пьес, удаляя со сцены детей (к бабушке, к тетушке, в деревню и т. п.), мешающих взрослым резвиться на просторах любовной и иной проблематики.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что внесенные Вами исправления нимало не меняют общего духа, настроения и смысла вещи. По-прежнему в ней нет мотивов труда, борьбы и политики, по-прежнему в ней есть поэтическое одиночество, море и всяческие красоты природы, самоценность искусства, понимаемого очень, на наш взгляд, ограниченно, последние могикане старой и разные шелкоперы новой прессы, Одесса, взятая с анекдотически-экзотической стороны.

Не может не вызвать, по-прежнему, возражений угол зрения на представителей “литературных кругов”: Бабель, апологетически распространенный на добрую четверть повести; юродствующий графоман Шенгели в пробковом шлеме, которого Вы стремитесь представить как некоего рыцаря поэзии; Багрицкий – трогательно-придурковатый, – Вы не заметили, как это получилось, – придурковатый стихолоб и т. п.

И, главное, во всем – так сказать, пафос безответственного, в сущности, глубоко эгоистического “существовательства”, обывательской, простите, гордыни, коей плевать на “мировую историю” с высоты своего созерцательского, “надзвездного” единения с вечностью. Сами того, может быть, не желая, Вы стремитесь литературно закрепить столь бедную биографию, биографию, на которой нет отпечатка большого времени, больших народных судеб, словом, всего того, что имеет непреходящую ценность...»

1 декабря, понедельник. <...>

Все потихонечку дорожает, приводятся в прессе примеры жуткого поведения наших предпринимателей и торговцев: если вы пользуетесь моей говядиной, то я хочу, чтобы вы платили за нее, как за новозеландскую! Наш предприниматель, о котором так печется наше правительство, опаснее, чем лихорадка Эбола, он в конце концов сожрет наше государство.

В связи с падением доллара сходил вчера в аптеку и купил два флакона «Симбикорта» – лекарства, которое закупается в Швеции, мне это лекарство жизненно необходимо. Заплатил около пяти тысяч, но на всю жизнь, которая, наверное, не длинная, не запасешься.

Утром к десяти поехал в Лит. Сегодня продолжается проверка, но вот сижу, жду, уже давно минул полдень, а проверяющей все нет и нет. По отзывам коллег, вся проверка, в соответствии со временем, идет по бумажному пути – все должно соответствовать стандарту, боюсь, что суть никому не интересна, а главное, никто не интересуется каким образом знаменитый вуз, еще девять лет назад гремевший по стране, превратился в заболоченное пространство. К трем стало известно, что нашей грозной проверяющей сегодня не будет.

Дома ждала счастливая неожиданность, пришло письмо от Валентины Александровны. Это особенность интернетовского общения. Еще вчера я послал записочку о книге писем Твардовского, которая меня не только умилила, но и привела в восторг. Наше хромое общество никогда не простит великому Твардовскому искренность его убеждений и народность. Особенность нашей интеллигенции: она хочет, чтобы ее считали дворянством. Итак, письмо дочери. Я бы не стал его сюда вписывать, если бы не пассаж о Дневнике.

«Спасибо, дорогой Сергей Николаевич, за Ваш отклик. Мы так и думали, что письма А.Т. будут Вам интересны. Рады, что книга пригидилась. Ваш последний подарок еще не освоен до конца. Но уже сейчас можно сказать, что Вы снова и снова находите необычные темы для разговора о явлениях столь же обыденных, сколь и неповторимых. “Опись имущества...” по-своему подтверждает, что Сергей Есин – писатель значительный и интересный. И все же, не удержусь напомнить, что Главная Ваша книга – Дневники. С уважением и признательностью В. Твардовская. Самый теплый поклон Вам от Ольги».

<...>

2 декабря, вторник. Из-за комиссии, которая, не уставая, роет, пришлось ехать на работу к десяти. Четыре часа болтался в разговорах, устал, а потом обсуждали первый готовый диплом – это был опять Тяжев. В известной мере это лишняя нагрузка, но обсуждать было нечего. Витийствовали Степа Кузнецов и Женя Былина. Это будет порода новых ученых, для которых литература лишь некая волнующая игра. Оба так и не смогли писать прозу и оба ушли в критику. <...>

Отчетливо понимаю, что до моих студентов дойдет в лучшем случае пять процентов того, что я хотел бы до них донести.

<...> интересным был разговор между одной нашей Литературной Дамой и нашим Литературным Деятелем, разговор проходил в общей комнате, и я невольно в него вмешался. Речь шла о собрании московского ПЕН-центра, которое должно будет состояться 16 декабря в ЦДЛ. Говоря о тех изменениях, которые в центре произошли – а здесь и влияние Улицкой, и большое количество вновь принятых новых членов вроде Льва Пономарева, были употреблены слово «бунт» и слово «ужас». Знающие люди поймут, что имелось в виду. Потом Дама стала говорить, что последнее время у нее выходит книжка за книжкой, а нет никакого отклика. Литературный Деятель, которого я всегда держал за аналитика, сказал, что в Москве, видимо, готовится свой майдан, и ПЕН-центру определена роль одного из идеологических очагов. Тут я злорадно и вмешался, напомнив Даме мою старую реплику, когда она выступила по телевидению в дни победы Путина на выборах, когда так много интеллигенции старалось перекричать друг друга. Я тогда ей сказал, что больше ей либеральной поддержки, к которой она привыкла, разъезжая по странам и ярмаркам, никогда не видать. На двух стульях сидеть невозможно. Но тут же я Литературную Даму успокоил. Дескать, я не самый плохой в России писатель, а в таком положении живу уже двадцать с лишним лет. И, как видите, жив. Привыкайте, голубушка!

Комиссия, кажется, находит большие финансовые злоупотребления у прежнего руководства. Теперь вопрос, замажут ли все это или сделают гласным. Мария Иванова рассказывала сегодня мне о той войне, которая ведется у нее на кафедре.

3 декабря, среда. <...>

Приехал из МГИМО не только усталый, но и голодный. Встретил во дворе А. Варламова и увел его обедать. Алик и студентов, и свою клиентуру в маленьком зале – кажется, к нему ходят обедать из каких-то близлежащих контор – стал кормить много лучше. На этот раз был замечательный грибной суп-пюре и куриная печенка с гречкой. Во время обеда немножко поговорили, я сказал, что был против перехода в Минкульт, и объяснил почему. Рассказал также и о мотивах, естественно, как я их интерпретирую, которыми Б. Тарасов руководствовался, когда добивался этого перехода. У меня сложилось впечатление, что у Варламова относительно этих мотивов другое представление. Но, дескать, ведь именно Минобр объявил вуз неэффективным! На эту реплику ответил уже своей: нужен был особый талант, чтобы вполне благополучный вуз довести до такого состояния.

Сегодня же поругался с А.Н. Ужанковым. Желая блистать своей деятельностью, он прислал нам традиционную минобразовскую форму для отчета по научной и научно-методической работе. Ну, с горем пополам я впишу что-то во все графы, еще впишет С.П., у которого этого много, но что будет вписывать Михайлов и Агаев? Спор был обострен тем, что на прошлом заседании кафедры в присутствии ректора мы в целом договорились о другой, как и положено в Минкульте для творческого вуза, форме отчетности. Но тогда Ужанков на кафедре не пришел и этого не слышал.

Ругань произошла в коридоре, встретились на противоположных курсах. Ужанков: вы должны отчитываться и подтверждать свои докторские звания. Я: мы преподаем в этом Институте не потому что мы доктора, а потому что мы выдающиеся для страны писатели. После ругани я позвонил в Щепкинское училище: а как отчитываются их профессора, народные артисты? Они отчитываются своими ролями в

театрах и кино. Кстати – и это немаловажно – никаких проректоров по науке в училище нет.

Дома застал большое письмо от Анатолия Ливри и статью Рене Герра, которая или уже напечатана, или будет напечатана. Все читаю, клановая склока, за которой и тонкости идеологии. В письме Анатолий в том числе пишет: «Жаль, что ты отмалчиваешься по этому поводу в СМИ. Все эти бурундуки (прости, Толя, фамилии я все-таки убираю. – С. Н.) ненавидят меня так же, как и тебя. Меня больше, так как жизнь ластится ко мне, она стирает этих “первых секретарей горисполкома и комсоргов постсоветской эпохи”. Раз вступив в контакт со мной, они выпотрошились самопроизвольно».

Вот и мой короткий ответ: «Дорогой Анатолий, рад твоему, как всегда, письму. Естественно, радуюсь и той поддержке, которую тебе в твоей нелегкой борьбе оказывает господин Герра. Он молодец и человек бесстрашный. Но у него каждый раз есть информационный повод, и он в теме этой борьбы. Я, честно говоря, по своей необразованности, вне этой темы. Я понимаю и люблю твою литературу, всегда готов поддерживать все, что ты как художник делаешь, я понимаю и ту волну раздражений, которую ты поднял своим фактом литературного существования. Все видят в тебе очень сильного конкурента. Я ведь практически встречаюсь с тем же самым отношением к себе. Меня замалчивают, не любят, я раздражаю. Я не люблю ваших славистов, переехавших часто из московских кухонь. Они по-прежнему делят литературу на свою, аэропортовскую, и остальную, им всегда чужую, она поднимают на щит и переводят опять-таки своих, возможно они им ближе. Как правило, авторов без языка и с упрощенным синтаксисом и лексикой. Но как я могу вступить в твою борьбу без собственного знания, без чтения на языке, только с твоих подсказок? Я делаю то, что я могу. Кое-что из того, что до меня доходит, я фиксирую в своем Дневнике – а это документ, по которому, возможно, будут судить всех нас. (Это не мое мнение, это мнение много раз уже публично высказанное.) Имена, подобные тем, которые ты называешь, водятся и у нас. Возможно, наши помельче, пожиже, но они такие же. Я почти безошибочно могу проверять национальность приглашенных литераторов по двум дамам, которые ведут с ними интервью на одной из популярнейших радиостанций. Рано или поздно сгинут они все в пылу собственной борьбы, а мы, я надеюсь, выплывем. С.Н.»

Расцвел цветок на кустике орхидеи, который мне лет пять назад подарила моя ученица. Теперь, правда, таких кустиков в прозрачных пластмассовых или стеклянных горшках у меня на подоконнике шесть или семь. Обычно орхидея расцветает на мой день рождения. Дай бог, этот цветок тоже продержится.

4 декабря, четверг. <...> Комиссия, которую мы все на кафедре уже неделю ожидаем, опять не пришла. Завтра у нее последний день работы, может быть, минует. Дамы, которые работают, по слухам, копают довольно энтергично, но, как и положено, хамоваты. Сидите и ждите.

День прошел продуктивно, потому что сидел над книжкой об этнодах. Вычитывал тексты, давал подзаголовки и названия. Пазл начинает складываться. Еще раз обратил внимание, какой талантливый народ работает у нас на кафедре! Большинство статей, которые входят в сборник, написаны ярко и убедительно. Сразу, правда, стало заметно, лучше пишут наши «практики», нежели «теоретики». Здесь и уровень наблюдений и стиль. <...>

Из Института шел пешком по Большой Никитской, мимо Консерватории. Улица уже совсем не та, что была во времена моей юности, и народ совсем не тот. Все ярко горит рождественским дорогим и буржуазным блеском. Люди с московских окраин здесь не появляются, я прохожу, боясь своим возрастом и видом что-то нарушить в этой чинной благодати. Главный недостаток – это старость, молодость всегда богата и вписывается в любое время. По пути в Кремль увидел в Александровском саду и новый, недавно открытый памятник патриарху Гермогену. Он стоит рядом с толстозадymi лошадьми Церетели, не украсившими окрестности. Памятник, кажется, неплох. Но любители сувениров уже отломали первую, сделанную из металла букву имени на постаменте. Кремль, вернее, вход в него тоже изменился. По бокам Кутафьей башни возник некий в стекле и в никеле пропускной пункт: все как в аэропорту – и рамка, и машина, просвечивающая портфели и дамские сумочки.

<...>

5 декабря, пятница. Вчера в своей речи Путин пообещал, что власти займутся спекулянтами на валютном рынке – сегодня рубль по сравнению с долларом укрепился на два рубля. Надолго ли?

Еще несколько дней назад Инна Андреевна Гвоздева договорилась, что мои дневники берут в библиотеку на исторический факультет МГУ. Это текущий фонд кафедры современной истории. Отвез с десятков томов, приклеив к каждому экслибрис. Одновременно была договоренность, что со мною встретится декан исторического факультета Сергей Павлович Карпов. Его книгу о венецианских мореходах я читал, и она просто взорвала мое сознание. Это о венецианской знати и о средневековом государстве, где отчетность и ответственность стояли несравнимо выше, чем в наше время.

Прежде я С.П. Карпова видел, теперь, у него в кабинете, рассмотрел. Академик элегантен, в сером костюме, который оттеняет удивительные прозрачно-голубые глаза. Я понимал, что с визитом затягивать нельзя, разговор сразу пошел. Начали с Академии наук, которую преступно реформировали. Я вспомнил о других, не принесших успеха реформах. Собственно, с Академии, которую основал Петр I, положив на нее вдвое больше, чем тороватый Людовик XIV, многое в России и началось. Видимо, в университете не все ладно вокруг очень немолодого ректора Садовниченко. Видимо, предлог – возраст, но и место кому-нибудь нужно. Сразу перешли на дурацкое правило западных университетов провожать на пенсию профессуру после шестидесяти пяти лет. Правда, там другие пенсии, но работа, это еще, как говорят медики, залог долголетия. Кажется, Карпову столько же. Я вспомнил совершенно с моей точки зрения нелепую отставку знаменитого слависта Вольфганга Казака, автора Словаря, с должности заведующего кафедрой славистики в Кельне. Ставка нашего псеводинамичного времени на молодежь не всегда оправдана. С.П. Карпов привел пример: нельзя было и мечтать стать дожем в Венеции моложе шестидесяти лет. С уходом Садовниченко «на заслуженный отдых» в университете, как я понял, многое может измениться. Ах, эти молодые доктора наук, которых я наслушался на наших защитах!

В разговоре мне пришлось вспомнить свои «исторические» романы – по меньшей мере, их у меня два – Ленин, нагло написанный от первого лица, и мой Кюстин. К моему удивлению, Сергей Павлович – записываю так подробно, потому что это один из немногих по-настоящему самого высокого полета людей, с которыми мне привелось встретиться, –

заинтересовался моей интерпретацией записок Кюстина. Обязательно отошлю ему «Маркиза».

Пока ждал внизу, в вестибюле Ирину Андреевну, то разглядывал все объявления и – ведь живу в зоне парных случаев – наткнулся на недавно случившуюся презентацию книги все того же С.П. Карпова «Наградные системы мира». Пострадал, что, наверное, большая и роскошная книга, что мог бы попасть на эту презентацию. Но оказалось, что книга для меня припасена, – состоялся обмен: я отдал свои изданные дневники за двадцать с лишним лет, а мне досталась книга Карпова. Дома, когда я в нее заглянул, она оказалась роскошнее и увлекательнее, чем я даже предполагал. Ну, где бы я еще увидел, например, орден Бани или орден Подвязки, венки римлян-победителей!

Недаром мой друг юности Юра Апенченко говорил, просматривая мой Дневник: я бы умер, если бы за день делал столько, сколько Сергей. Любопытство меня ведет или долг мемуариста, захватить в свои сети побольше? К шести часам уже был на Смоленской площади, в гостинице «Золотое кольцо». Здесь 23-й Букеровский обед и Букеровская церемония. Когда сел за свой 15-й стол и всем налили по рюмке, то позволил себе произнести сепаратный, только для этого стола тост: «Что бы мы каждый по отдельности не думали об этой премии и очередном жюри, я хотел бы вспомнить о тех людях, которые нас здесь раз в год собирают. Часто это единственная возможность увидеть друг друга. Так выпьем же за здоровье этих энтузиастов».

Еще только войдя в гостиницу, внизу я встретил Александра Рукавишникову, нашего знаменитого скульптора, с которым мы встречались в комиссии по премиям Москвы. И скульптор хорош – я всегда удивлялся, каким образом он сумел пробиться, – и человек, выбравший своим знаменем справедливость и прямоту. Но еще раньше, самым первым, буквально на входе, был Захар Прилепин. Ритуально, не только от собственных чувств, но и на публику – да пусть глядят на русских и неизменно правых! – обнялись. Захар тут же, как бы при свидетелях, толпящихся вокруг, мне говорит: Сергей Николаевич, мне книжку, которую вы прислали, жена не отдала, прочла сама и сказала: «Есин – гений». Последовавшие детали не привожу. Это о моей новой книге «Опись имущества одинокого человека». Тут же, чтобы не тянуть: Захар первой премии не получил, только награда за короткий список. Дали Шарову за роман «Бегство в Египет». Слышал такое мнение, нельзя, чтобы все попадало одному. Это о Захаре Прилепине, только что получившем крупную премию за свой роман «Обитель». Да собственно при председателе жюри Арьеве, при членах жюри Денисе Драгунском и Анатолии Курчаткине – оба так существенно о себе думают – Захар премию получить и не мог. Кто был? Да, собственно, почти все, трогателен был Юзефович, вспомнивший нашу с ним встречу на совещании писателей в Оренбурге; я тогда был руководителем в его группе. А совещанием командовал Сергей Павлович Залыгин. Теперь о нем никто и не вспоминает! Видел Наташу Иванову и Сергея Чуприна, с непримиримым лицом прошел Роман Сенчин, Руслан Киреев, когда чуть выпил, вспомнил мне мою фразу. «Я тут же уйду, если в Институте будет задержка зарплаты».

Что еще совершенно необходимо зафиксировать – меню. Кормили, как всегда, прекрасно. Буду помнить от одного Букера до другого. Закуска: салат, похожий на оливье, зелень, две больших жареных креветки. Смена блюд, и еще одна закуска: два тонких, почти кружевных кусочка ростбифа на пушистом поле из рукколы. Потом пришла очередь

горячей закуски – роскошный рыбный рулет, похожий на пирожное. И конечно – горячее. Здесь всем был предоставлен выбор: медальон из телятины или рыба с сое из овощей. Я выбрал рыбу, она была прекрасно приготовлена, а в овощах числились болгарский перец, спаржа и – никакой картошки.

<...>

7 декабря, воскресенье – 8 декабря, понедельник. Два дня ничего не писал, даже Дневника, никуда не ходил, посвятил время чтению. Началось все случайно, утром лень вставать, почти на ощупь достал с полки рядом с постелью тонкую книжечку коричневатого цвета. Оказалось – старая книга Михаила Петровича Лобанова. «Страницы памятного». Почти антиквариат – 1988 год. На отдельных страницах есть даже мои пометки. Значит, когда-то прочитал. В моем возрасте всегда возникает вопрос: как прочитал. Открыл тоже произвольно и понял, что это мое чтение. Статья о творчестве Виктора Астафьева «Боль творчества и словесное самодовольство». О первичном и вторичном, давно хоженом в литературе. «Не слабеет напор индустриально-письменной продукции ничего общего не имеющей с художественной литературой. Это всажено в торжество того “творчества”, о котором еще простак Санчо Панса восклицал с искренним удивлением (хотя и произносил “пресонаж” вместо “персонаж”): “Так стало быть автор жаден до денег, до прибыли? Ну, тогда это просто чудо будет, коли он напишет удачно: ведь ему придется метать на живую нитку, как все равно портняжке перед самой Пасхой, – произведения же, написанные наспех, никогда не достигают должного совершенства”». А мы все говорим, что литература уходит, а критика несовершенна. Старее не критика, а критики. Я еще, наверное, долго буду вспоминать Михаила Петровича, в этом году ушедшего из Института. Может быть, зря я его отпустил?

Цитата из Достоевского, «Сон смешного человека». «Мне вдруг представилась одно странное сближение, что если бы я жил прежде на луне или Марсе, и сделал бы там какой-нибудь самый срамной и бесчеловечный поступок, какой только можно себе представить, и был бы там за него поруган и обесчещен так, как только можно ощутить и представить разве лишь иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на Земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с Земли на луну, было бы мне все равно или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет?»

Конечно, мне вряд ли теперь удастся дочитать книгу Лобанова, живу слишком светливой жизнью. И кто теперь книги критиков дочитывает? Бедный Михаил Петрович! Ну, наверно, помнить тебя будут твои ученики.

С самого утра сердце болело за работы семинара во вторник. Как там окажется Ярослав Васильев, который, как заочник, ходит на семинар редко, и пишет – помню его первые опыты – очень манерно. В прошлый вторник он принес мне новую работу, и долго канючил, дескать, заканчивать ли ему Институт, поставлю ли я ему зачет, или нужно уходить. Я честно думал, что эта работа не станет лучше. Васильев, молодой парень из Ленинграда, ну, прицепился к Москве, здесь работает и даже, кажется, много получает как бухгалтер. На этот раз, вспомнив мои советы, он написал о том, что знает лучше всего, о бухгалтерии, о старых и молодых тетках. Большой отрывок называется «За шкафом», убежище от начальства и жизни. Крепко, без выкрутасов, ново.

Следующий мой студент для разбора на вторник это Степан Кузнецов. Ну, это мастер заковыристого письма, формалист, западник. Четыре его рассказы читаются с напряжением, скорее это даже не рассказы, а некоторые философские эссе с постмодернистской игрой. Есть и выпендрей, уже давно прошедший в литературе, некоторые геометрические фигуры, созданный из букв. Но я, похоже, уже знаю, как его представлять экзаменационной комиссии.

Собственно, в чтении и прошел день. <...>

Утром принялся читать повесть Олеси Николаевой «Литературный негр». Оказалось, много лучше, чем я предполагал. Это сатирическая вещь о большом отрезке времени, начиная с воцарения президента Ельцина. Остро, лихо написано, с расчетом не на элитарную литературу, а на сегодняшнюю публику. Образы двух главных героинь, при некоторой психологической статичности, безусловно, удались. Много церкви, эту тему Олеся Александровна хорошо знает, занятно, что здесь иногда у матушки Олеси Александровны звучат и сатирические мотивы. Писатель всегда остается писателем и ради своих писательских целей готов на все.

Перепечатываю цитату о реставрации Кремлевского дворца. Она познавательна точно, почти так же я все воспринял, когда попал в эти отреставрированные под вкус первого президента России покои. Где-то об этом у меня написано в Дневнике. Как давно пора бы сделать общий ко всем томам словник и хороший указатель!

«Поначалу – первые месяц-другой – жизнь с Геннадием Аверьяновичем, пока он не начал своими методами ее воспитывать, внедряя реформу телесного организма покруче, чем Гайдар применял на теле России свою шоковую терапию, казалось Ольге прекрасный. Особенно она играла красками после всей суеты реставрационных работ на объекте “Корпус № 1”, где гнали уже откровенную халтуру. Лепили, лепили, лепили сплошняком медальоны, капители с разлапистыми и безвкусными акантовыми листьями, фризы с иконками. Залепили доморощенным барокко все потолки, все стены. Следом шли позолотчики и, с щедростью восточных падишахов и восточных шейхов, покрывали все золотом, чтобы смотрелось – богато! За ними скользили суровые мужчины в серых пиджаках и галстуках и присматривали. Все как-то клубилось, сталкивалось, переругивалось, материлось. Все недоумевали: зачем Ельцину молешня? Недоумевающим давали понять, что если они не заткнутся... Все это выглядело безвкусно, бутафорски броско, и в воздухе носилось какое-то дурное предчувствие, что все кончится плохо».

<...>

10 декабря, вторник. Не успел приехать в Институт, как сразу узнал, что в следующий вторник четверо моих преподавателей могут оказаться на общем собрании ПЕН-клуба. Я уже знал, что там может произойти рубка между сторонниками Улицкой и людьми Битова. Сам я не в ПЕН-клубе только потому, что не могу считать всех писателей еврейской национальности одинаково гениальными и имею наглость о тех, кто плохо пишет, говорить, что они плохо пишут, не делая скидку на их особый статус. Писатели пишущие хорошо вообще не имеют национальности. Но главное, как я понял, в следующий вторник три или четыре семинара могут не состояться. Мог ли я это, как заведующий кафедрой, допустить? Нет, ребята, я, конечно, не против, чтобы вы шли на это собрание, но сначала давайте не в час дня, как обычно, а в 10 утра, проведем – это будет исключение – семинар, а уж потом идите

по своим правозащитным делам! Внешне никто неудовольствия не выказал. Меня это даже удивило!

Зарплаты нет уже два месяца, какая-то нестыковка между министерствами произошла. Вот тебе, бабушка, и Бори Тарасова день! Кстати, уже ходят слухи о каких-то запредельных суммах, которые бродят в отчетах проверяющей наш Институт комиссии. Боюсь, что кое-что нашему героическому начальству придется вернуть в кассу Института. Надеюсь, что акт и этой комиссии, как и комиссии предыдущей, я добуду.

Семинар прошел дельно, почти всех опросил, все признавали, что рассказы Степы по языку интересны, но все скорее умничали, делали вид, будто все, что написал Степа, им не понравилось. Мне это тоже не очень нравится, но я признаю, что в качестве эксперимента это по меньшей мере интересно. Много цитат из зарубежных философов и теоретиков – это и восхищает, потому что есть кругозор, но и раздражает – не свои. Здесь начитанность явно перевешивает способности. Цитаты из текста иногда бьют и по самому автору.

Ожидал плохую реакцию на материал Ярослава, но у ребят чутье, этот удивительно простенький материалчик – признали. А как я-то уж рад! Вроде Ярослав будет продолжать свою тему бухгалтерии. Кажется, это актуально и для нас в Институте.

<...>

11 декабря, четверг. Пришлось вставать утром – сегодня в Институте научная конференция «Шекспир и мировая литература», классику исполняется 450 лет со дня его рождения. Приехал к 10-ти, но зал был еще полупустой, сидели редкие студенты, которые, как и я, пришли согласно расписанию Института – оказывается, все начнется только в 11. Пошел пить чай к Светлане Викторовне в деканат. У нее, голубушки, как и у многих в Институте, свои жалобы на жизнь. Вот, дескать, закончилась проверка, а акт проверки, наверное, как и прошлый раз, опять от коллектива спрячут. Вспомнила, как после проверки Минобра Л.М. показала абзац, касающийся деканата, закрыв листочками бумаги все, что на странице было написано над этим абзацем и под ним. Не дай бог увидеть секреты, о которых ректор старательно умалчивал! Я, кое-что слышавший о результатах сегодняшней ревизии, сдерживал себя и помалкивал. Хорошо, конечно, иметь в знакомых не только работников в министерстве, но и хороших, умеющих открыть все замки, компьютерщиков. Если результаты станут известны «народу», то вспыхнет бунт. Я их отчасти уже знаю, по крайней мере могу обнародовать мнение пожилых дам, проверявших бухгалтерию, кадры и финансы. Они считают, что наше командное ядро практически на себя тратило все деньги, которые Институт зарабатывает платным обучением, арендой и т. п. В акте, кажется, есть еще пункт о незаконных выплатах. Я подумал, что если дело дойдет до суда, то кое-кому может пригодиться пометка в его воинском билете, служба всегда дает снисхождение.

Зарплату за ноябрь еще не дают, уже два месяца не дают и грант, который, как известно, финансируется сразу за целый год. Здесь задержали студентам стипендию, и вдруг сразу в Институте нашлось два миллиона. В отличие от других времен, когда стипендия выдавалась через банковскую карту, на этот раз выдали живыми рублями через кассу.

Вдруг я подумал, что надо написать повесть, что Валя жива и наша жизнь продолжается в нашей квартире.

Открывал конференцию Б. Тарасов. Дальше я цитирую только то, что мне было интересно. Говорил о Шекспире как о знатоке тайн души

человеческой. Ну, это и мне близко, и близко Б. Тарасову, он-то уж по тайнам специалист! Мне почему-то последнее время стало его жалко, я представляю, сколько ему еще предстоит пережить. Я-то уже знаю цифры, которые или появятся в акте, или не появятся, но в реальности они существуют. Мне кажется, что опять возник тот, прежний, хотя и таинственный, но милый человек. Потом интересно говорил, как бы открывая конференцию, А.Н. Варламов. Для разгона было сказано несколько слов об упоминании Шекспира у Платонова и у некоторых других современных писателей. Но основное – это Шукшин и влияние на него Шекспира. Варламов как раз только что закончил публикацию в «Новом мире» своей очередной книги о Шукшине. Отец, враг народа, расстрелян. Гамлетовский комплекс вел Шукшина. Служил на флоте, в это время учил монолог Гамлета. Тут я вспомнил о своем романе про Веню, ведь тоже весь был построен на гамлетовской ассоциации, вспомнил о том, как в армии я тоже учил монолог Гамлета. У меня была книга перевода Лозинского с русским и английским текстом. Потом, когда я работал в «Кругозоре» и делал материал о Смоктуновском, тот как раз играл у Козинцева Гамлета, эту книгу с печатью нашей части 6852 подарил герою фильма. Как интересно все складывается в жизни! И чего, спрашивается, мне не предложили на конференции что-то сказать?

Еще до того, как началась конференция, приехал Валерий Луков, брат покойного Владимира Андреевича Лукова. Приобнялись дружески. Собственно, в списке выступающих мне были особенно интересны Валерий Луков, Олег Шайтанов и наш Джимбинов. Валерий выступал на конференции первым. «Шекспирсфера и культурные константы». Здесь был применен, разрабатывавшийся и покойным братом, тезаурусный подход как особый способ организации знаний. От своего к чужому. Прочитировал академика Степанова: концепты становятся константами. Мы на них ориентируемся. Концепты существуют долгое время и захватывают большее количество людей. В качестве примера: «Ромео и Джульетта» – некоторое представление имеют об этом все, все знают, а вот о Муссолини уже многие не имеют представления. Широта и многомерность Шекспира позволяют играть в разные времена и в разных исторических костюмах. Культ Шекспира оберегает культурную константу. Луков перечислил сегменты, аспекты этой константы: рождение, биография; материальные свидетельства: например, существование театра «Глобус». Одним из сегментов может стать и функционирование в научном тезаурусе. Надо бы список этих сегментов посмотреть в книге Луковых, кажется, книга у меня есть. Заканчивал Валерий резонным соображением, что существует не только английский и русский Шекспир, но есть еще и китайский и индийский.

Виталий Поплавский. Начал с риторики: зачем переводить то, что уже переведено. Привел пример перевода «Гамлета» Пастернаком. Тот сначала сделал дословный перевод, а потом через некоторое время сравнил его с переводом Лозинского. Одиннадцать дословных совпадений на 1000 единиц. В XX веке другой, нежели в XIX веке принцип: уход от дословности. У Пастернака в письмах есть фрагменты о переводах Радлова, Чуковского, Маршака, Лозинского. Поплавский коснулся слабых сторон подлинника, и у классиков они есть. Как переводить слабые места? Пастернак не любил «Отелло». Не улучшает, как Маршак, текст, а упрощает, высвечивает содержательную суть текста.

Игорь Шайтанов. «Шекспировские сонеты: как переводить жанр?» Шекспир у англичан совершенно иной, нежели у нас, зато у нас каждое

поколение читает нового Шекспира. Далее фраза, которая меня буквально обожгла своей истинностью. В XVI веке адекватного языка в России для перевода Шекспира просто не было. Шекспир наш современник или мы современники Шекспира?

«Сонеты» в переводе Маршака. «Блистательно» – эпитет автора доклада. Но адекватно ли? Приводит пример, когда практически «похоть» под пером Маршака превращается в «сладострастие». Маршак сместил жанр: ренессансный сонет превратил в жестокий романс. Маршак один из лучших русских афористов – это как слагаемое успеха.

Елена Черноземова. О полноте восприятия или целостности. Заповедь апостола Иоанна: не назови своего ближнего безумным. Разное безумие. Гамлет, король Лир, Офелия, Отелло... Но иной контекст: во времена Шекспира напротив Тауэра больница для душевнобольных. В ряде пьес поднимается тема сумасшествия. В этом контексте все смотрится другим.

Наталья Шлемова. Много терминов, отсылок к философии, к великим именам древности, много слова «метафизика». Из шести сидящих в моем ряду, которых я могу видеть, повернув голову, двое спят. Правда, в конце выступления вспоминает Смоктуновского. И опять я подумал, что мог бы кое-что сказать. Онтологический крах. Если бы мне кто-либо перевел, что сказала эта умная женщина в студенческой аудитории.

Александр Баранов. «Заметки о Гамлете». Четыре эпизода. Один, об убийстве Полония, мне показался интересным: путаницы в речи королевы.

Станислав Джимбинов. «Место Гамлета в творчестве Шекспира». Элиот: Гамлет – это Мона Лиза литературы. Рассказал об истории создания портрета. Улыбка – примирение с миром. Хотя изменились критерии красоты. Писал четыре года и остановился. Гамлет – в середине жизненного пути. По языку не самое яркое сочинение, «Лир» совершеннее. Гамлет первый в мировой литературе интеллигент. При этом: самое длинное произведение. Здесь определенное и яркое представление о загробной жизни. Неколебимая вера в бессмертие. Поводом к рефлексии и безумию замужество матери. Невероятная жесткость. Садистская сцена истязания матери. Фауст тоже начинается с разочарования. Всего написал 37 пьес, только одной в современной Шекспиру литературе не нашли прототипа. Элиот о большом количестве именно художественности в пьесе, где зритель буквально к финалу должен был пройти по трупам.

После Джимбинова ушел, по программе дальше говорят в основном начальники, возможно, и интересные, но по моим понятиям «нужные люди». На кафедре несколько человек рассуждают о комиссии. Комиссия собрала свои бумажки и документы и на институтской машине съехала в министерство. Наш шустрый народ внимательно следил за всеми разговорами дам. После того как они полчаса исповедовались ректору по поводу недостатков, которые выявила «комплексная проверка», у них сложилось впечатление: «Кабинетный писатель. Ничем кроме своей зарплаты и своих книг не интересуется». Когда дошло до 90 тысяч его бюджетной зарплаты, то ректор вроде бы сказал: «Я предполагал, что больше». Но дамы его сначала уязвили, сообщив, что его второй юрист получает 60 тысяч, а потом успокоили, что раз в квартал ему будет полагаться премия в размере трех окладов. Нина в деканате, ведающая всем учетом, получает 12,5 тысячи.

В «Литературной газете» прекрасное, профессиональное интервью Лени Колпакова с Павлом Гусевым и статья Вячеслава Огрызко об отношении власти и Леонова. Самое удивительное в статье – это реакция Сталина на письма писателя. Читал, анализировал, разрешал уже запрещенные пьесы, давал советы, но и сам кое-что запрещал. Все факты, оказывается, безо всяких секретов лежали на виду, секретные документы давно рассекречены, но литературоведов и писателей двигать не заставишь, значительно веселее перебирать уже собранное зерно. Интересно, воспользовался ли этими документами Захар Прилепин?

12 декабря, пятница. Неделя невероятно напряжена. Сегодня приезжает Аня из Гатчины, наверное, встретимся сегодня или завтра втроем, еще будет Катя Варкан. Утром с Катей перезвонились. Будучи близким к Битову лицом, она сказала, что основные закоперщики смены власти и направления в ПЕН-центре, и Улицкая, и Рубинштейн, и некоторые другие, сейчас за границей, что вроде бы все разрядилось и Битов будет баллотироваться один. Я напомнил Кате, что отбирать писателей для Гатчины надо придирчиво – мы транслируем в народ нашу точку зрения на литературу. Одновременно вспомнили и нашего министра. Цитирую Интернет: «Член комитета Госдумы по культуре Марина Максакова в прямом эфире радиостанции “Говорит Москва” выступила с критикой высказывания министра культуры Владимира Мединского о финансировании отечественного кино, в котором он допустил фразу “Рашка-говняшка”. Она отметила, что подобный лексикон – “неподобающий для министра культуры”. “У меня есть некое личное разочарование, я это не скрываю. Как сказал Кобзон на прошлом совещании, процитировав великих прошлых лет: “Нам не страшен министр культуры – нам страшна культура министра”, – пояснила Максакова».

13 декабря, суббота. <...>

Решил сегодня устроить день чтения, уже читал английский, впереди монография о Канте, студенты и двенадцатый номер «Нового мира». Но сначала о вчерашнем разговоре с Максимом. Он внимательно следит за отзывами на мою новую книгу, их пока нет. Только Женя Лесин написал Максиму письмишко: не напишет ли Максим какой-нибудь обзор последней литературы, куда вмонтирует и отзыв на «Опись». Отдельную рецензию он, Женя, дать не решается – у них есть правило не рецензировать книг «Эксмо». Я все-таки связываю это с некоторым противопоставлением редакции Шубиной, которая печатает книги скорее либерального лагеря, с редакцией Юли Качалкиной, у которой больше и социальной и национальной терпимости.

Ну наконец-то прочел знаменитую «Венеру в мехах» Леопольда Захер-Мазоха. Это, конечно, великая книга, потому что автор не только утвердил свою фамилию во всемирно распространенном термине, но, главное, отыскал и сформулировал нечто ранее незафиксированное в человеческой породе. Книжка вышла в 1993 году, и вряд ли кто-нибудь кроме меня брал ее в нашей институтской библиотеке. С художественной точки зрения, а особенно из нашего времени, все это достаточно убого. Наиболее часто употребляемый эпитет – дивный – «дивные формы». Это о женщине. Первая половина книги это все-таки некое исследование, это интересно, вторая – эпизоды и «случаи», уже не вызывающие эротической дрожи. Но в самом конце книги некие теоретические соображения самого автора о создании образа. Здесь точно, полно и исчерпывающе.

«...Княгиня или крестьянка, в горностае или в овчине – всегда эта женщина в мехах и с хлыстом, порабащившая мужчину, есть одновременно

мое творение и истинная сарматская женщина. Я думаю, что всякое художественное творение развивается таким образом, как эта сарматская женщина оформилась в моем воображении. С самого начала в духе каждого из нас присутствует врожденное предрасположение улавливать некий предмет, ускользающий от большинства других художников; затем к этому предрасположению присоединятся жизненные впечатления, представляющие автору живую фигуру, прототип которой уже существует в его воображении. Фигура эта его захватывает, соблазняет, пленяет, потому что она опережает его предрасположение, а также потому, что она соответствует природе художника, который затем преобразует ее и дарит ей тело и душу. Наконец, в этой реальности, переплавленной им в творение искусства, он находит проблему, которая является источником всех проистекающих отсюда впоследствии видений. Обратный путь, от проблемы к фигуре – это не путь художника».

14 декабря, воскресенье. <...> из Ирландии приезжают Сара и Стенфорд и пришлось все отменять и организовывать им встречу. Все остальные дни у них уже расписаны, при том, что и сегодня вечером они встречаются со своим посланцем. Была все-таки надежда, что к пяти все закончится, оно и закончилось, но я выпил немножко шампанского и винишка и переел. Прости, Паша, дорогой мой ученичок! За столом – прибежал для представительства еще и С.П. – возник интересный разговор. Говорили в основном по-английски, что я не понимал или о чем не догадывался, то мне переводили С.П. и Сара. Насколько быстрее понимание приходит в живом разговоре. Сара обеспокоена тем формальным и холодным отношением, которое проявляют в Институте к ирландским студентам. Это касается их бытовой жизни и, кажется, учебы. Среди жалоб требование одного из ее студентов, «голубого» по ее словам, чтобы она вписала в какой-то внутренний документ, предваряющий студенческую поездку, абзац, в котором бы говорилось о плохом отношении в России к «голубым». Чтобы все знали куда едут. Умозрительные ли это соображения, возникшие из академических наблюдений, или бедному парнишке досталось от наших «натуралов»? Опять состоялся разговор, в котором много было прекрасных интеллектуальных полетов. Стенфорд говорил, что в юности пять или шесть раз прочел «Улисса». Да, конечно, это было другое чтение, но сейчас у всех у нас нет того времени и того ощущения расстилающейся перед тобой свободы и простора, которые жили в нас раньше. По словам Сары, русское отделение у них в университете сжимается. Из наблюдений – очень много в Дублине прибалтов, – может быть, половина их переехало в Дублин? – много украинцев, но эти в основном, как у нас таджики и киргизы, на черновой строительной работе. Зашел разговор о коррупции – это интернациональная примета времени, и у нас и у них, и о падении рубля. На этот раз Сара и Стенфорд остановились у «Метрополе», фантастически дорогой гостинице. Позволить себе такие цены они смогли только потому, что рубль так подешевел.

Уже поздно, когда Стенфорд и Сара ушли, забыв фотоаппарат, убирал посуду, смотрел «Вести» на ТВ, читал книгу Карпова о Канте. Дошел до Достоевского и Толстого, их понимание и отношение стало много интереснее. Сумею ли я прочесть «Критику чистого разума», ведь времени для получения этого гранд-удовольствия остается все меньше, но сейчас тоже получаю удовольствие, и, хотя все-таки читаю с трудом, и все равно хорошо. Мозги как бы проветриваются, дышать и жить становится легче. Помню могилу Канта – большой цельный камень возле

разрушенного собора, давно было, и площадь, на которой стоял королевский замок, еще не была приведена в порядок, безобразной гостиницы, которую увидел во второй или в третий раз, еще не было, сейчас собор в центре города отреставрировали.

15 декабря, понедельник. Утро началось со звонка Станислава Куняева. Начали мирно, книги, о покойном Кузнецове, а потом о подписанном мною вместе с Фазилем Искандером и другими известными писателями письме. Дескать, того я не знаю, в это не вник. Я бы, конечно, это письмо не подписывал, но тоже были дружеские, как и в сбитой группе Переверзина–Куняева, отношения, своих надо защищать. Положение, отвечал я Куняеву, хотя и на личном уровне, я все-таки знаю достаточно хорошо. Я помню большую статью в «Литературной России» и внимательно читал все, что писала пресса. Помню историю с дачей Жукова и многое другое. Помню даже, как Переверзин учился на ВЛК. Наконец, есть и моя собственная история: когда болела Валя, я в обмен на дачу в Обнинске просил дачу в Переделкино. Дали? И меня не волнует, что тогда был Огнев, а нынче Переверзин. Все расходилось по своим. Когда Станислав Юрьевич начал говорить, что вот, дескать, они дают и как бы и другим, например, Игорю Волгину и Андрею Дементьеву, и почему ты, дескать, у меня не попросил, я вспылил: Андрею Дементьеву, у которого уже был участок в Красной Пахре и который десять лет прожил в Израиле? Мне гордость не позволяла становиться в ряд с такими просителями. Здесь я сказал, что разговор окончен и повесил трубку.

<...>

16 декабря, вторник. К семинару у меня была припасена большая цитата о создании образа из книги Леопольда Мазоха. Два материала, которые я прочел еще вчера, Влада Миронова и заочницы-пятикурсницы Юли Конроусовой, сразу же показались мне довольно удачными. У Влада некоторая чуть расхристанная современная молодежная история с убийствами, изнасилованиями и молодым победителем всего и вся. Занятная, чуть приблатненная, но и органичная и условная лексика. У Юли наоборот прекрасно выписанные сцены далекой и не нашей жизни – японские старики. Мне удалось вытащить там главную тему – тихая и покойная жизнь без любви, а в условиях традиции и долга. Спорили об этих двух материалах довольно долго и ожесточенно. Отстаивая свою идею – подобная литература не нужна, Володя Артамонов все-таки внес много полемического дыхания. Как критик сильно выросла Полина и, как всегда, готов, с конспектом и разумен был Саша Драган. После семинара Юра Суманев, который в этом году закончил Институт и получил диплом с отличием у Толкачева, мой прошлогодний выпускничок, заговорщически заманил меня на кафедру и – помнят, паршивцы, – подарили флакон какого-то дорогого одеколона.

Событием дня, конечно, стало невероятное обрушение рубля. Собственно, и день начался с того, что в некоторых обменных пунктах за один доллар стали просить 100 рублей. Сегодня же Центральный банк ответил на это катастрофическое падение поднятием ключевой ставки до 17 процентов. Вечером, да и с утра, все каналы говорили только об этом. Был проведен и некоторый анализ. Не только падение цены на нефть, которая достигла 60 долларов за баррель – такой цены не было уже лет восемь, но и огромные спекуляции в первую очередь отечественных коммерческих банков. Этим банкам выгодно под небольшие

проценты брать в Центробанке кредиты, скупать валюту, продав которую по более высокой коммерческой цене, можно класть маржу в свои карманы. Очевидно одно: за двадцать с лишним лет отечественного капитализма режим воспитал не племя банкиров, а генерацию спекулянтов. Очевидно также, что такой большой стране, как Россия, надеяться всегда необходимо только на себя. Видимо, США и Китай могли бы обходиться без России, так почему мы так зависим от Америки? О правоте и прозорливости Сталина не говорю.

Из институтских дел только небольшой разговор с А.Н. Варламовым. Я ему сказал, что акт министерской проверки в Институте уже известен и его будущий авторитет, да и его будущее в Литинституте будут зависеть от того, насколько полно и беспощадно он этот акт на собрании представит. Акт я уже видел сегодня в руках у Игоря, о моих источниках не говорю. В наше время надо не рыться по корзинам с использованной бумагой, а уметь пользоваться Интернетом и иметь добрых друзей в противоположном стане. Варламов сказал, что перечитывает, уже под другим углом зрения, мои дневники.

<...>

18 декабря, четверг. Первым еще в восьмом часу прислал эсэмэску с поздравлением Игорь. Грузчики нынче, видимо, встают первыми. Самому мне цифра исполнившихся лет кажется заоблачной. Правда, уже вечером, после семичасового непрерывного празднования позвонил Александр Иванович Горшков, человек еще в относительной силе и бодрости, по крайней мере еще пишет свои монографии, ему девяносто. Вспоминал, что в восемьдесят был еще совсем бодр. Поговорили о том, как легко и весело, несмотря на трудную жизнь девяностых, работали. Теперь – это ощущение многих в Институте: все переменялось, многое и обветшало.

Прежде чем переходить к подробному рассказу о том, как проходил день рождения – все в соответствии с традицией, даю накануне деньги, а Надежда Васильевна на кафедре всех кормит и поит, и все остаются довольными – я расскажу об одной недавней находке. Я решил посмотреть сайт Захара Прилепина и, к моему удивлению, обнаружил на нем некий материал, обращенный ко мне – опять день рождения! Но только четыре года назад. Проворонил!

СЕРГЕЮ ЕСИНУ 75 ЛЕТ

Помню, это было в середине 1990-х. Я тогда очень переживал по поводу противостояния меж писателями-либералами и писателями-патриотами. Я-то, конечно, был за красно-коричневую сволочь всей душой.

Но меня тогда несколько печалило, что среди “наших” нету писателей, скажем так, европейских. Один Лимонов. Мне казалось странным, что либеральные реформы в русской литературе не приняли в основном только те писатели, что пишут в своих сочинениях “неторопоко”, “понеже”, “поди” и “помоляся”.

Я сам вырос в деревне и могу на таком языке разговаривать. А мне хотелось, условно выражаясь, чтоб красно-коричневая сволочь могла предъявить в ответ на, скажем, Битова соразмерную фигуру.

И тут, наконец, я ознакомился с сочинениями Есина. Есин только во-вторых, как я уже выразился, “наш” – то есть гражданин, ни разу не отрекшийся от “левых” идеалов, хоть сам из семьи репрессированного, – писатель, который позволял себе публиковаться в “Нашем современнике”, когда этот журнал воспринимался как приют черносотенцев и негодаев, – и человек,

прямо заявлявший уже в начале 1990-х о том, что происходящее в России – отвратительно.

Это сейчас, повторяю, такое может всякий себе позволить – а тогда для этого мужество было нужно: отрицающий пресвятую демократию человек автоматически становился изгоем в “приличном обществе”.

Вот Есин повел себя мужественно, факт.

Ну а, во-первых, Есин – это отличная литература. Более всего, помимо классического уже “Имитатора”, я люблю романы “Сам себе хозяин” и “Затмение Марса”.

Вообще я всё или почти всё читал у Есина – он разнообразный, неровный, но это все равно мастер, каких у нас поискать. Писатель с интеллектом в России (интеллект Есина виден уже на уровне языка, оптики, писательской походки) – редкость, что ни говори.

Ну и дневники Есина – просто упоительное чтение. Безусловная вершина жанра. Они издаются часто, и если кто не читал – рекомендую.

Сергей Николаевич! Поклон Вам!

Подарок себе – ох, запоздалое спасибо тебе, Захар! – сделан, можно приступать и к самому дню. Народ двигался, отчетливо помня привычную дату, с самого утра. К сожалению, чтобы не растерять силы, я не пил. Но уже вечером дома, когда вместе с С. П. привезли ко мне домой грудку подарков, выпили бутылку шампанского и закусили замечательным украинским зельцем, вкус которого я помню еще с прошлого года. Это, конечно, Инна Андреевна и Таня Гвоздевы, в прошлом году я тоже получил еще и «мясной» подарок. <...>

<...> пришел Саша Великодный (прекрасная авторучка), Зоя Михайловна (с традиционными носками), Елена Алимовна (она всегда знала, что я люблю сладкое), которая перехватила инициативу прекрасных речей, Людмила Михайловна (традиционная бутылка хорошего вина), потом Маша Зоркая, как всегда с полезными дарами. Приехал и недолго посидел Юра Апенченко, ему только недавно поставили в глаза новые хрусталики – теперь это почти рутинная операция. Юра одна из последних ниточек, соединяющих меня с прошлым.

Невероятно внимательны были мои студенты. Для пятикурсников я уже, конечно, отсохшее дерево. Правда, позвонил Миша, бутылка с портвейном «777», которую он, пробегав в поисках чуть ли не целый день, подарил мне на семидесятипятилетие, еще стоит у меня нераспечатанной. Первой пришла Алиса Тарсеева. Ребята уже знают, что я не принимаю помпезных даров, я всегда помню об их стипендиях. Так вот, Тарсеева принесла мой трогательный, уже в рамке со стеклом портрет, сделанный углем. Всем показалось, что слишком много морщин, но мне портрет нравится – схватила! А потом пришла целая толпа на главе с Алексеем Слета и Володей Артамоновым – подарок у них был чудный – принесли фарфоровую фигурку Остапа Бендера. Знают, что я люблю и собираю. Лена Путилова подарила мне еще магнитик на холодильник из Бреста.

Самый, конечно, трогательный был Максим. Я знаю, что буквально сидит без денег, но принес роскошный букет и прекрасный дорогой фирменный торт. Аристократ всегда аристократ! Как прав был Булгаков относительно породы! Речь его была не без яда, но это была речь поэта. Я не был здесь два года, и такие перемены: новое здание, отреставрированный институт... На определенную обиду Максим имел право.

Приехал еще мой старый выпускник Антон Соловьев – его очередную великолепную фотографию я повешу дома. <...> Антон чудно

смотрелся рядом с Алисой Ганиевой, также забежавшей на кафедру. Люблю красивых людей.

К концу праздника был Тарасов, и опять – это другой человек, милый, воспитанный, очень русский. К этому времени все уже разошлись, но пришел Леня. Его эрудиция и знание людей бесконечно. Тут же прочёл четверостишие Евтушенко практически о книге Тарасова, БН об этих стихах и не ведал.

Ночь. Метро. Ощущение землячества
Чью-то книжку плечом я задел.
И в руках у студентки покачивается
Чаадаев из ЖЗЛ.

<...>

Поразговаривали уже втроем: Леня, С.П. и я – это опять тот удивительный полет интеллекта, который я так люблю. Но до этого забежала с букетом чудных сиреневых роз Соня Ланчу. Я всегда в подобных случаях думаю: ведь, может быть, из последних купила! Но не брать было нельзя, придется отдариваться. И как ей теперь, если придется, поставишь неуд!

Одновременно с моим днем рождения в Институте шли и другие, достаточно грозные события. А.Н. Варламова и главного бухгалтера вызвали по поводу недавно закончившейся проверки в Счетную палату. Они, правда, акт не подписали. В любом акте есть какие-то неточности, и слава богу, если что-то они отобьют. Сам акт ужасный, и главное в нем, это тот просвещенный цинизм, с которым «правящая верхушка» отжимала в свою пользу большинство средств, зарабатываемых Институтом. Есть ряд пунктов, где написано о незаконных и неоправданных выплатах. Кто виноват? С молодых лет я всегда полагал, что в любых недочетах подразделения виноват начальник. Вечером, уже погрузив все подарки и в том числе трогательный веник для бани, который традиционно дарит мне Светлана Викторовна, я встретился с Алексеем Николаевичем. Но ведь главный бухгалтер был тот же! А я, будучи ректором, подписывал сам все до одного финансовые документы. В этом отношении у нас БНТ был как Сердюков. Я также говорил о чувстве справедливости и внутренней глубинной обоснованности в собственном сознании любого документа, который ты подписываешь. Посоветовал съездить в общежитие и пройти по Институту, познакомиться, например, с библиотекой.

<...>

19 декабря, пятница. Сегодня днем прилетает из Парижа Татьяна, сестра, надо ехать встречать ее в «Шереметьево». <...> Выехал из дома что-то в час, а уже в шесть привез путешественницу. <...>

С Таней всласть поговорили и о России, и о Франции. Она живет рядом с Сен-Назером и видела много интересного, связанного с «Мистралями». Демонстрации местного населения сменяют одна другую: то идут русские со своими флагами и плакатами, то украинцы кричат «Путин – убийца». Татьяна очень смешно рассказывала, как во время одной из таких демонстраций в ответ на украинские камлания выкрикнула: «Путин – лучший президент!» «Тебя сейчас разорвут», – сказала ее русская подруга. «Не пугайся, полиция за нас!» Как ни странно, устав от тирании «свободы и демократии», большая часть молодежи стоит за Марин Ле Пен. Таня преподает русский язык в Нанте и рассказывает

много интересного по поводу эмигрантов. Второе поколение чеченцев теперь исключительно за Россию и тоскует по стране, которую никогда не видело. Поговорили о падении рубля и буме покупок – им сейчас охвачена Россия. Иногда мне кажется, что вся эта катавасия с рублем, его взлетами и падениями, устроена исключительно для того, чтобы в магазинах смели застаревший товар. Рубль фантастически обесценился чуть ли не до семидесяти с лишним за доллар, евро подходил к сотне. Занятную фотографию мне прислал по интернетовской почте Семен Резник. Фотография, на которой священник в полном облачении машет кропилом возле открытых панелей огромного переплетения проводов и мелких деталей. Здесь же текст: «МОСКВА, ул. Неглинная, 2 декабря 2014 г. Священник изгоняет бесов из серверов Центробанка, отвечающих за поддержание курса рубля. По словам отца Виктора, исход потусторонних сил из ЦБ РФ может повлечь за собой укрепление рубля по отношению к основным мировым валютам».

Было ли это в действительности или нет, а лишь интернетовская подначка – не знаю. Мой комментарий: «Не просите Бога о мелочах, думайте о главном».

20 декабря, суббота. Таня поехала на Ваганьковское кладбище, платить за место, я все-таки остался дома. Было решил купить машину, но ответственность все же у меня не перед рублями, а перед литературой, не поехал. Потом, амбиции у меня все же чисто крестьянские – мне нужна та же российская «Нива-Шевроле», к которой я привык и на которой я езжу уже девять лет. За завтраком Таня интересно рассказывала, как она, со своим русским менталитетом, поддразнивает молодых французов. На свой день рождения в «Русском магазине», что держит армянская семья, она купила крымское шампанское и все французские и русские гости выучили в этот вечер короткую, естественно на русском языке, максиму: «Крым – наш!» Она же рассказывала, как жадно смотрела по телевидению всю крымскую эпопею. По ее мнению, возвращение Крыма прошло виртуозно.

Днем перезванивался с Сережей Шаргуновым – возможно, день в день под рубрикой «В прошлом году» у них на сайте «Свободная пресса» пойдет мой прошлогодний Дневник. Поговорили о восприятии людей: у него и у меня общая путаница с именами и фамилиями, плохо запоминаем лица. Вероятно, это особенность писательского восприятия – своих героев-то помним, все остальное как менее существенное купировано! Я добавил в крошечный список этих недостатков еще одного персонажа и яркого носителя подобных свойств – Владимира Набокова. Он тоже – повторяюсь! – на первом занятии говорил своим студентам: места в аудитории пронумерованы, в течение года их не меняйте. Не помнил лиц.

День маялся, писал от руки пропущенные вставки в Дневник-2013, вечером смотрел ТВ. Татьяна изучала памятные места в Москве, Красную площадь, ГУМ. Нашла, что Москва, по крайней мере центр, необыкновенно ухожена и отмыта. <...>

21 декабря, воскресенье. <...>

На улице опять дождит, давление резко упало, никаких нет сил и, значит, никакой утренней зарядки. Так всю жизнь себя вела покойная Татьяна Алексеевна, мать Татьяны. Но ведь дожила до 90 лет, правда при французской медицине, у которой есть специальные клиники для старых людей.

Сновалег в постель и принялся читать прекрасную книгу, подаренную мне А.Н. Ужанковым, «Слово о Законе и Благодати и другие творения

митрополита Иллариона Киевского». Смутно помню текст по университетским годам, в отрывках из хрестоматии. Здесь другое дело, не своды или куски фундамента, здесь над Землей появляется Величественное Здание. Здесь – стиль, не наигранный пафос, первозданность и искренность веры. Очень здорово, понятно, откуда взялся русский язык и как язык в нынешнее время радиных волхвовательниц отошал. Прекрасный перевод «Слова» тоже, кажется, А. Н. Ужанкова.

Снес же Моисей с Синайской горы Закон,
А не Благодать,
Тень, а не истину.

Или:

Иудеи при свече Закона
делали свое утверждение,
христиане же при солнце Благодати
свое спасение созидают.
Так иудейство тенью и Законом утверждалось,
а не спасалось,
христиане же истиною и Благодатью
не утверждают, а спасаются.

Кажется, я все о том же. Являются ли для меня олигархи, даже те, кого суд освободил, применив закон, праведниками, а не ворами, отторгнувшими кусок хлеба у нищего.

На последней странице обложки этой книги, напечатанной у нас же, у Лешы Козлова, в издательстве «Академика», перечисление многих и многомудрых занятий Александра Николаевича: «Проректор по научной работе Литературного института им. А. М. Горького, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Университета истории культур (УНИК), Сретенской духовной семинарии (СДС), Высших богословских курсов при МДА». Не слишком ли много, чтобы выполнять свою работу и везде – с честью? Но все это в духе времени, в том числе и в духе нашего чиновничества. Не хочу, конечно, зла Александру Николаевичу, а только ищу справедливости. Но вот кусок из акта нашей последней проверки.

«Согласно приказу от 28.02.2013 № 64 в рамках исполнения НИР “Русский Север в отечественной прозе XX века, проблематика и поэзия” были установлены годовые оклады не за конкретно выполненную работу по указанной теме, а в целом на год. Так, по указанной теме исполнителем значится 1 человек – Дьячкова Е. В., однако годовые оклады установлены и директору научно-исследовательского сектора Ужанкову А. Н. и главному бухгалтеру Института Зиновьевой И. Н. В 2013 году за счет целевых средств им выплачено с начислениями соответственно – 32,8 тыс. руб. и 13,6 тыс. рублей».

Это мне напоминает знаменитую карикатуру «Один – с сошкой, семеро – с ложкой».

Но книжка Ужанкова, выпущенная у нас в Институте Лешей Козловым, вызвала у меня и другие чувства. Здесь, конечно, вполне правомочно вложены институтские деньги, но издана книга еще и «при финансовой поддержки Федерального агентства по печати и массовым

коммуникациям». Сколько раз мы говорили с Лешей о том, что он под-
аст от имени издательства документы в Агентство и на мои «Дневни-
ки», но он слишком закопался в своих не самых простых делах. Не до
меня! Ах, Леша, Леша!

Потихонечку пишу, читаю, разбираю подарки. <...>

Между всеми домашними делами прочел еще небольшой материал
к послезавтрашнему обсуждению своей студентки и еще три больших
материала на студенческий конкурс. Это семинары О. Николаевой –
Катерина Ненашева, экстатическая проза «Фантомная боль», семинар
Р. Киреева – Антон Милорадов, «Сгореть», высокого качества испове-
дально-маргинальная проза, и семинар Малягина – очень занятная, со
своим миром и видением пьеса Полины Бабушкиной «Как мы убивали
дядю Ваню». Всё запомнилось, всё крепко; колеблюсь между пьесой и
прозой Милорадова. Проза ярче, эффектнее, беспощаднее, но знаю, как
трудно в пьесе организовать округлый замкнутый мир. Что касается ху-
дожественной прозы Е. Ненашевой, то слишком большой напор на ме-
тафору, на отчаянную, всё покрывающую художественность, и почти
нет новой мысли, без которой проза мертва. Проза Ненашевой привер-
стана к июньскому номеру журнала «Литературная учеба». Номер по-
священ Шукшину. Там статья О. Николаевой «Шукшинской тропой» –
о четырех ее студентах, написавших очередной литературный мани-
фест. Я эту Шукшинскую тропу не почувствовал – Василий Макарыч
писал удивительно просто. Сам номер мне тоже не очень показался.
Зачем Алексею Варламову надо было что-то печатать о Шукшине, ког-
да через несколько месяцев «Новый мир» начал печатать его новую
о Шукшине книгу. Да и вообще, здесь, в журнале, скорее проводится
принцип нужных людей, чем подлинные опыты литературной учебы.
Впрочем, не без удовольствия прочел статью о Шукшине легендарной
Аси Берзер, узнал, что Шукшин дружил с Инной Соловьевой, и по тек-
сту наблюдал, как один автор в своих воспоминаниях противоречит
другому.

<...>

23 декабря, вторник. <...>

Кроме моих второкурсников на этот раз на семинар заглянули Глеб
Гладков, Миша Тяжев, Маша Поливанова с новым окрасом и новыми
на руках бранзулетками; были Женя Былина и Степа Кузнецов, которо-
го я беспощадно в предыдущих Дневниках называл Семеном. Прости,
Степа! Степа и Женя, подразумевая мой недавно мелькнувший день
рождения и мою приверженность к традиционному умному письму, не
без значения подарили мне, кроме прекрасного шарфа, еще и две книги:
Аркадий Драгомощенко «Устранение неизвестного» и огромный том
«Русская проза». Имена на обложке совершенно неизвестные. Значит,
как я полагаю, по мнению ребят, проза экстрасовременная, передовая,
модерновая. Наверное, что-то похожее собираются сдать мне хлопцы в
качестве дипломных работ. Учитесь, дескать, Сергей Николаевич! Как
читателя меня обнадеживает лишь «+18» на обложке. Но выпуск этого
тома русской прозы посвящен прозе дневниковой. Обмен опытом?

Но был и еще подарок – Володя Шахиджанян. Он единственный,
кто платит мне за электронную версию Дневников. Платит в высшей
степени хорошо. Не ищи «нужных людей» – дружи с юности.

Олеся Александровна подарила мне крошечного стеклянного ангела
и книжку своих стихов. Я поздравил ее с премией, хотя по опыту знаю,
премии не прибавляют читателя и его любви.

Клуб Рыжкова состоялся на роскошной площадке Геологического музея. Это самый старый после Кунсткамеры музей в России. Народа было не слишком много, но гвардия была на месте. Это, конечно, Геннадий Воронин, адмирал Касатонов, академик Месяц, Олег Толкачев, последний министр сельского хозяйства СССР Черноиванов и другие бывшие министры – на этот раз последний министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных и знаменитый летчик-испытатель Анатолий Квочур. Разговор шел за накрытым столом – как я понимаю, и роскошное мясо, и соленые грибы, и сало, и ассорти напитков: «Медовуха», «Хреноуха», разносолы, пироги, пышки – это все, видимо, из Переславля-Залеского, с фермы еще одного нашего члена клуба.

Когда я вошел, Н.И. Рыжков уже вел собрание. Сидел я от него довольно далеко, слышно было плоховато, но по обыкновению записывал. Всю политику, Украину, падение рубля пропускаю. О нашем бюджете: 62% доходы от нефти, 38% – всё остальное, промышленность, сельское хозяйство и т. д. Но в Арабских Эмиратах доходы от нефти составляют лишь 18%. Это буквально меня потрясло. Говорили о сельском хозяйстве. Вспомнили – вопросы продовольственного замещения – знаменитое высказывание Д. Медведева: «Мы можем накормить страну и половину мира». Гипотетически можем, если бы страной руководили арабские шейхи. <...>

Адмирал Касатонов рассказал, как двадцать лет назад нам удалось отстоять от захвата флот, находящийся в Севастополе, от притязаний Киева. Крым был взят нашей армией, именно она не позволила подняться антирусским силам. Войска были стянуты к Сочи, чтобы прикрывать Олимпиаду, это рядом – 22 тысячи человек. Потом эти сочинцы оказались в Крыму.

Невероятно интересно говорил академик Месяц. Это об Академии, специально кое-что пропускаю. В общемировом научном бизнесе наша наука имеет 0,8%. 1,7 миллиарда (наверное, долларов; это бюджет нашей Академии) имеет захудалый американский университет. Сейчас, как стало известно, наука будет секвестрирована еще на 10%. Институт, которым Месяц руководит, получит в следующем году на 40 миллионов рублей меньше. О некомпетентном чиновнике, который пришел руководить наукой.

Когда Месяц закончил свою речь, я спросил у него, почему так свернули Академию, кто виноват, чья была инициатива. Ответ получил.

<...>

24 декабря, среда. <...>

В Москве подморозило, резко опустилось, как и вчера, давление, довольно в плохом самочувствии пошел в МГИМО. С вечера проверял присланные мне работы, думал, что всё, но утром новая порция. Но, может, оно и к лучшему, начну с разбора домашнего задания. Так и сделал. <...> Это последнее занятие, пожелал ребятам хорошего Нового года и успехов во время сессии, и вдруг они, будто не сговариваясь, захлопали в ладоши. Я знаю, как закончить семинар на высокой торжественной ноте, после которой хочешь не хочешь захопаешь, а тут я всё сказал тихо, без пафоса, без особой печали, даже буднично, и вдруг – аплодисменты. В МГИМО ребята очень сдержанны уже в силу названия института – международные отношения! Очень тронут, очень!

Но продолжу, так сказать, международную тему.

Председатель Российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецвич предложил пересмотреть постановление Съезда народных

депутатов СССР, назвавшего Афганскую войну ущербной в моральном и политическом отношении. Давайте все-таки признаем, что советские солдаты десять лет сдерживали «расползание по миру чумы экстремизма». Сегодня, по мнению Клинецевича, который сам участвовал в боевых действиях в Афганистане, совершенно очевидно, что постановление Съезда народных депутатов СССР было принято по конъюнктурным соображениям, не имеющим никакого отношения к исторической правде.

Вечером, когда вернулся, по телевидению показали замечательную картинку: некий гражданин в роскошном бараньем тулупе, скроенном, видимо, по парижским лекалам, взасос обнимается на киевском майдане с каким-то высоким государственным чином, только что прибывшим из Америки. Тут же сообщили, что роскошный хлопец в тулупе – это управляющий директор Московской биржи! Не расслышав имени высокопоставленного бизнесмена и списка его гражданств, утром я залез в Интернет. Хорошо, что залез, мне показалось, что фамилия тулупчанина Суржик, а он оказывается Сульжик!

«Газета “Известия” в среду сообщила, что депутат-единоросс Евгений Федоров направил обращение руководителю Следственного комитета России (СКР) Александру Бастрыкину с просьбой “провести проверку по поводу возможных нарушений российского законодательства управляющим директором Московской биржи по срочным рынкам гражданином США и Украины Романом Сульжиком”. Депутат счел необходимым напомнить СКР, что топ-менеджер биржи “поддерживал сторонников вооруженного переворота на Украине”, а также предположил, что в дни паники на валютном рынке 16–17 декабря Сульжик сознательно подрывал стабильность рубля и вредил российской экономике».

В четыре часа вместе с Евгением Широковым были у Галины Михайловны Шерговой. Мне после МГИМО было несколько тяжеловато, хотелось бы попозже, но Галина Михайловна торопилась отпустить помогающую ей в быту женщину, а порядок наших встреч уже давно определен: мы – цветы и торт, а нас, как всегда, кормят обедом. Выпили даже по рюмке водки. А ведь я в нашей компании самый молодой – всего 79 лет. Время, а ушли уже в десятом часу, пролетело незаметно. <...> Г. М. очень интересно рассказывала о Литинституте и своём учителе Сельвинском. Какой огромный пласт литературы оказался вымытым при нынешнем режиме! Советский режим более расчетливо относился к литературе. И суп был хорош, и мясо с овощами, и водка, когда ты её настаиваешь на лимоне. Но надо еще обязательно добавлять столовую ложку сахара. Вспомнили о знаменитом цикле передач «Голоса нашей биографии», у истоков которого стояли Широков и Шергова. Я абсолютно уверен, что рано или поздно его снова покажут по телевидению. Разве биографию, как и жизнь, можно изменить?

25 декабря, четверг. <...> Сегодня в Институте ученый совет. <...> На повестке дня главный вопрос – проверка Минкультуры. Ректор сразу же сказал, что написал о комплексной проверке как бы под давлением самого министерства. Полагаю, что узнал многое. Как он теперь с этим грузом знания и с людьми, о которых он кое-что занятное узнал, будет работать, не очень представляю. Но всё и стерпится, надеюсь, и слюбится.

Сценарий заседания, видимо, разрабатывался и, надо сказать, был даже изящен. Начали двое упитанных и свежих молодых людей. Они организуют некий фонд, 10% прибыли от которого пойдет Институту.

Нужны, как я понял, адрес и имя института для названия фонда. Сытые и хорошо тренированные мальчики представляют управляющую компанию. Потом выяснилось, что это всё инициатива Владимира Григорьева. Со слов нового ректора. Все мои попытки выяснить, кто же будет жертвователем, меценатом, донатором, окончились неудачно. Управляющие мальчики один за другим говорили о банках, организациях, людях, которые готовы жертвовать, но ни одной фамилии, ни одного конкретно названного банка. Все, конечно, проголосовали за, демонстративно воздержался – Есин. Наверное, не доживу ни до разборки с этим будущим фондом, ни до какого-нибудь громкого судебного дела.

<...>

Что касается проверки, здесь умный ректор умыл, как говорится, руки, и говорили наши проректора. В задачу каждого входило сказать, что проверку проводили люди некомпетентные, всё напутали, всех оболгали, живем мы правдиво и честно. Ни слова о финансовых нарушениях, о зарплатах наших проректоров и главбуха. Ректор, правда, с раздражением отметил, что, дескать, акт комиссии гуляет по Институту. Но так как акт ни народу, ни ученому совету не предъявили, то я беру на себя смелость привести из него хотя бы одну цитату. Это черновик акта, если в беловом варианте будут поправки, я обязательно это отмечу.

«В нарушение указанного трудового договора ректору Института Тарасову Б. Н. неправомерно установлена стимулирующая надбавка в размере 40,0 тыс. руб. за счет собственных средств. Таким образом, ему неправомерно выплачено с начислениями 781,2 тыс. руб., в том числе в 2013 году 625,0 тыс. руб., в 2014 году – 156,2 тыс. рублей».

Бедный, как Йорик, Тарасов!

«Кроме того, в нарушение статьи 166 Трудового кодекса Российской Федерации и Положения об особенностях направления работников в командировки, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 13.10.2008 № 749, ректор Института Тарасов Б. Н. без распоряжения работодателя – Министерства образования и науки Российской Федерации или уполномоченного им лица по собственному приказу выезжал в 2013 году в командировки в Болгарию г. Варну (с 03.06.2013 по 07.06.2013) и г. Камчия (с 22.08.2013 по 29.08.2013), в Италию г. Верона (с 27.06.2014 по 29.06.2014) за счёт принимающей стороны. При этом за время нахождения в командировке ректору Института Тарасову Б. Н. неправомерно начислена и выплачена за счет средств субсидий заработная плата в сумме 17,4 тыс. руб. с начислениями».

Я всегда восторгался, когда бедный Тарасов уезжал куда-нибудь во время приемных экзаменов. Какой, думал, смельчак.

«Кроме того, ректор Института Тарасов Б. Н. по собственным приказам без согласования с Министерством образования и науки отбывал в отпуск. Так, на основании приказов от 25.06.2013 № 326 и от 05.09.2013 № 398 Тарасов Б. Н. отбывал в отпуск без согласования Министерства образования и науки Российской Федерации».

Но пора отпустить этого персонажа на покой, замаливать свои грехи. Впрочем, у кого их нет, и себя я тоже ругаю за гордыню, за правдоискательство, за беспокойство, которое доставляю другим. Займемся другими дорогими фигурами этого канцелярского балета.

«Должность главного бухгалтера в Институте занимала Зиновьева И. Н., должностной оклад которой установлен в 2013 году – 128,3 тыс. руб., в 2014 году в сумме 180 тыс. руб., с 07.10.2014 – 80,1 тыс. рублей. Главный бухгалтер Зиновьева И. Н. по совместительству на 0,5 ставки

занимала должность начальника планового отдела. В 2013 году выплаты Зиновьевой И. Н. составили 2180,7 тыс. руб., в том числе 1339,1 тыс. руб. за счет собственных средств. За 9 месяцев 2014 года выплаты составили 1535,3 тыс. руб., в том числе за счёт собственных средств 890,1 тыс. рублей».

Сумма 128,3 тыс. рублей в месяц это, как мы видим, основная зарплата комсостава, которую читатель, интересующийся высшим образованием в небольшом вузе, должен запомнить. Именно во столько оценивался при прежнем режиме труд не только главного бухгалтера, но и всех проректоров. Чего они все испугались, вдруг, как только перешли в Минкульту, снизив себе зарплату до 81 тысячи, я не знаю. И, в конце концов, бюджетные деньги. Уж если министерство хочет столько платить своим высокоинтеллектуальным работникам, это его дело. Но ведь своя рука владыка, поэтому начальники за счет денег, которые добывает весь Институт, подняли себе свое содержание. У всех дети, машины, часто внуки. Я, мелочный и завистливый человек, вслед за немолодыми и ушлыми женщинами из министерской комиссии, так сказать, по их следам и по их наметкам подсчитал, что было отломано от бюджетного пирога, а что получено от институтского приварка. На официальном языке это называется «за счет собственных средств». За 2013-й год и три месяца 2014-го. Держись, геолог! За счёт собственных средств: Тарасов – 756,4 тыс. рублей; Стояновский – 1450,4 тыс. рублей; Ужанков – 1341,1 тыс. рублей; Курышев – 1073,8 тыс. рублей; Царева – 2946 тыс. рублей; Зиновьева – 2229,2 тыс. рублей.

<...>

Поехал в банк и там свой миллион рублей, который я собрал за жизнь, переложил на другой депозит. Ну, если быть правдивым, другой миллион на старом депозите лежит у меня и в другом банке. Но не столько же, конечно, как у некоего главного бухгалтера!

Все это происходит на фоне невыплаченной за два месяца зарплаты и куда-то подевавшегося президентского гранта. Руководство, конечно, ссылается на чужие бюрократические ошибки, но я полагаю, что при наличии своры высокооплачиваемых проректоров и архиввысокооплачиваемого бухгалтера приподняться со своего высокого кресла было вполне возможно. Наш генералитет, конечно, проживет, но каково лаборантам, младшему персоналу, чуть ли не написал «бухгалтерам».

По каналу «Культура» уже почти в полночь второй день идет чудная передача Ренаты Литвиновой о нижнем женском белье. Чудо как интересно, и чудо как здорово несет себя сама Рената.

<...>

26 декабря, пятница. Утром Сергей Доренко в своей басовитой манере по радио рассказывал, чем отличается внутренняя установка нашего общества от советского. Там установка во всех классах общества была на интеллигентность, на внутренний мир. Все хотя бы хотели казаться интеллигентами. Модно было не только читать, но и говорить о литературе и искусстве. Девочка на радио, ему, Доренко, аккомпанирующая, запищала что-то о великом Илье Кабакове, который, дескать, вынужден был уехать из страны. Ну, Кабаков не великий художник, хотя его творчество имеет право на свою страницу в истории. Очень доходчиво ей Доренко разъяснил на примере: Ахматова, изданная тогда 40-тысячным тиражом, была бы в то время распродана за 20 минут. В наше время 40-тысячный тираж – это событие в издательском бизнесе.

<...>

Вечером же начал читать и дневники Эриха Голлербаха. <...> Это впечатления от жизни интеллекта, человека, посвятившего свою жизнь чтению и работе в искусстве. Понимая, что не утерплю, чтобы что-то из этой сокровищницы не выписать, лезу в конец книги за сведениями об авторе. Искусствовед, литературовед, критик, прозаик. Родился в 1895-м в Царском Селе, умер в 1942-м в Вологде, во время эвакуации из Ленинграда. В 1933-м арестован, но вскоре освобождён. Читаю в состоянии интеллектуального полёта.

28 декабря, воскресенье. <...>

Днем с упоением лежал и читал дневники Эриха Голлербаха, поражаясь интеллектуальной высоте и полетам духовной жизни автора. Здесь кроме по-настоящему самостоятельных размышлений о современной ему жизни много, как и у меня в Дневниках, цитат и ссылок. Карандашом их отмечаю, но улучшать свои тексты за счет цитат, найденных другим, не очень хочется. Выписываю только то, из принадлежащего Голлербаху, что буквально поражает меня своей точностью и похожестью на то, о чем думал и я сам. Я взял пока три цитаты; ощущение, что это мои взгляды.

Писатели люди своеобразные

«Наблюдая среду, окружающую меня в Курорте, и сравнивая ее с Коктебелем, убеждаюсь, что рабочие (особенно старшее поколение, здесь преобладающее) воспитаннее и приличнее, чем писатели. Здесь в столовой не бывает такого оглушительного гама, какой стоял в Коктебеле за каждой трапезой; тут никто не ревет во все горло стихи Маяковского и Прокофьева; тут не сплетничают, не кобелируют, по вечерам не орут под окнами хоровых песен; даже за столом сидят и едят приличнее».

О любви и близости

«Подлинно интересная близость может быть только с женщиной, которую хорошо знаешь, с которой глубоко связан. Только прочная и давняя привязанность дает живую радость полного (пусть иллюзорного, как всякая связь, поневоле заменяющая нам немислимое здесь слиянье) общения. Вспоминаю часы, попусту растроченные в теплопрохладной болтовне с разными знакомыми обоего пола: сколько безрассудной, ненужной щедрости, какое неуважение к своему времени и покою».

О подлинном в творчестве писателя

«Есть писатели с “побочным” творчеством, которое гораздо интереснее и важнее их “основного” творчества. На широкую литературную дорогу их вынесло именно “основное” – в свое время, очевидно, актуальное и даже ударившее по сердцам “с неведомой силой”. Но злоба дня всегда преходяща, а успех – вовсе не мерило качества. Проходят десятки лет, иногда даже века, и выплывает “побочное” – иногда малооцененное или даже вовсе не замеченное современниками, – и оно оказывается прекрасным и нужным. Иначе говоря, с опозданием узнается настоящее лицо писателя, обычно мало похожее на тот образ, которым он знаменит. Взамен условной схемы, мертвого трафарета, исторической маски выступают живые, конкретные черты. Маска – для “улицы”, для толпы, для энциклопедий и учебников. Лицо – для посвященных, для поклонников, избранных, знатоков».

Мне, горестному, кажется, что это написано о моих Дневниках.

29 декабря, понедельник. <...> В Институте новость – вроде бы деньги пришли, и завтра они могут оказаться на карточках наших со-

трудников. Вчера, несмотря на выходной день, ректорат работал и – по слухам, что-то делили. Я думаю, разбрасывали те 20% от президентского гранта, который распределяют в самом конце года. Это всегда очень занято, как начальство бьется между пристрастиями и объективным вкладом каждого. На всякий случай я попросил взять для меня в бухгалтерии у СЛС (счастливой любительницы сладкого) распечатку.

На кафедре Марина, которая ведет работу по добыванию биографий и библиографии у наших мастеров для книги. Она мне напомнила о недавнем дне рождения А.Е. Рекемчука. Позвонил, поздравил, а Александр Евсеевич, который постоянно держит руку на пульсе жизни, сказал мне, что в «Литературной России» опять некоторая инвектива на Литинститут. Я пообещал ему: приеду домой и найду всё в Интернете. Приехал, нашел, это Слава Огрызко, наверное, справедливо возмущается, что во время заседания в Доме Пашкова Оргкомитета по проведению Года литературы в России закрыли читальный зал отдела редких книг и рукописей. Проводил всё Нарышкин, а он – лицо «охраняемое». Это обстоятельство дало возможность Славе, как всегда, побуяннить и высказать свой взгляд на литературный процесс. В конце абзаца, который я собираюсь процитировать, есть ссылка на ректоров последнего времени, значит, возможно, и на меня. Объективность призывает, но прежде о приятном.

Пачки с тиражом Леша Козлов сложил в пустующем помещении бывшей Книжной лавки. Поэтому, чтобы книги вызволить, позвал книгопродавца – Василия Николаевича Гыдова. Вася снял помещение где-то рядом, но к нам по старой памяти залетает. Вася и помогал мне книги грузить в мою старенькую «Ниву». Так вот, Вася сказал мне, что два последних тома моих Дневников под одним номером вошли в список из лучших пятидесяти книг этого года по версии книжного приложения «Ex-libris» «Независимой газеты». Еще раньше я где-то прочел, что Андрей Аствацатуров назвал Дневник одной из десяти, по его мнению, лучших книг года. Вася, которому я оставил сто экземпляров Дневника-2012, на мой вопрос о постоянных покупателях, ответил, что они есть, постоянно меня покупают иностранные библиотеки.

Ну, вот теперь дошли и до «абзаца». Вот он, голубчик, заодно уж для будущих читателей скажу о наших писательских праздниках:

«Год литературы начинается весьма печально. Отчасти в этом виноват не кто иной, как председатель оргкомитета по проведению Года литературы, он же председатель Госдумы Сергей Нарышкин. Видимо, решив быть поближе к писателям и читателям, он на очередное заседание оргкомитета позвал народ не в парламент, а в Пашков дом. И всё бы хорошо, если б не одно “но”. Ради него 18 декабря вход в отдел рукописей, изоотдел, в другие, располагающиеся в Пашковом доме читальные залы главной библиотеки страны – я имею в виду Российскую государственную библиотеку, бывшую Ленинку, – доступ читателям был закрыт. Объяснение смехотворное: мол, Нарышкин – охраняемое лицо. Позвольте, Путин тоже охраняемое лицо. Но он сделал выводы после своего давнего и, надо сказать, неудачного посещения Пашкова дома и, когда собрался в ноябре прошлого года на Российское литературное собрание в Университет дружбы народов, то занятия для студентов отменять не стал. Люди проходили в университетские аудитории по студенческим билетам и профессорским удостоверениям.

По идее, Нарышкину абсурдность изоляции читальных залов Пашкова дома должны были объяснить руководители Ленинки. Но они,

видимо, с советских лет страшно боятся поправлять высокое начальство. Как объяснил мне новый советник руководства Ленинки Николай Сахаров, до этого почти два десятилетия просидевший в аппарате Госдумы в качестве советника сначала Геннадия Селезнева, а потом Бориса Грызлова, закрыли читальные залы для того, чтобы государственным мужам удобнее было бы вырабатывать государственную политику в области литературы. Вот такая забота, но не о читателях, а о чинушах.

А что писатели, принявшие участие в заседании оргкомитета: Татьяна Устинова, Захар Прилепин, Алексей Варламов?.. А ничего. Устинова, похоже, и не знала, что в Пашковом доме не только заседают сановные люди, но еще и работают исследователи. Но с ней всё ясно. Что взять с бывшей пиарщицы, которая тоннами клепаёт примитивные детективчики? Удивил Варламов. Он ведь не только кучу унылых романов насочинял. Он доктор наук, в свое время защитился по Пришвину, много работал в архивах и должен понимать, что значит для исследователя быть отлученным от редких книг и рукописей классиков. Но этот писатель, видимо, взывает к справедливости только тогда, когда под ударом критики оказывается важный кремлевский чиновник, поспособствовавший его новому назначению в Литинститут. В других случаях бороться за справедливость и за права читателей ему, вероятно, боязно. Ведь могут отлучить от больших постов и не избрать ректором. Но нужен ли Литинституту столь боязливый ректор? Может, пока не поздно, подобрать другие кандидатуры, отличающиеся большим профессионализмом, умеющие принимать соответственные решения и обладающие харизмой. Литинститут устал от посредственных руководителей. Он ждет ярких и смелых личностей, а не трусов».

<...>

Когда уже уезжал из Института, то на вахте мне передали письмо с новогодним поздравлением от Т.В. Дорониной. Я всегда перепечатаваю ее подобные послания, во-первых, потому что это и приятно и статусно. Сегодня я делаю то же самое, но мысли совершенно другие. Печатаю как еще и некий неподражаемый образец той духовной жизни и владения чувством и словом, которые в своем большинстве общество потеряло. Как же обмельчала наша духовная жизнь! Что сами-то мы пишем в наших эсэмэсках, что говорим по нашим мобильным телефонам! Распластываюсь перед интеллектом и духовной мощью великой актрисы.

«Дорогой Сергей Николаевич!

Пишу Вам в канун Нового года и Рождества Христова и вижу, как склоняетесь над листом очередной книги или статьи. С Новым 2015 годом, дорогой Сергей Николаевич! Считаю очень важным сказать Вам теплое слово ободрения и нежности именно в новогоднюю ночь. Всегда рада видеть Вас в театре, но эти встречи бывают такими короткими, и на душе остается невысказанное тепло.

Ценю нашу дружбу, наши общения, остроумие Ваше. Надеюсь, что Вы будете беречь своё здоровье, энергию Вашего таланта, понимание, что Вы очень дороги и нужны людям.

С Новым годом, с новым счастьем, с новыми свершеньями!»

30 декабря, вторник. <...>

Утром дочитал мемуары Эриха Голлербаха, опять делал пометки на полях, возможно, кое-что спишу в собрание цитат. Если надумаю переиздавать под каким-нибудь коммерческим брендом «Власть слова», придав тексту через заголовок типа «Как стать писателем» коммерче-

ский оттенок, то некоторые высказывания могли бы пригодиться. Вот только одно, из почти забытого Константина Паустовского.

«У меня есть одна слабость: мне хочется возможно большее число людей приохотить к писательству. Часто встречаются люди, пережившие много интереснейших вещей. Багаж прожитой жизни они таскают всюду с собой и тратят попусту, рассказывая случайным попутчикам или, что гораздо хуже, не рассказывая никому. Сожаление о зря погибающем великолепном материале преследует меня непрерывно. К таким людям я обычно пристаю с просьбой описать всё пережитое, но почти всегда наталкиваюсь на неверие с их стороны в собственные силы, на испуг и, наконец, на ироническую усмешку. Плоская мысль, что писательство – вздорное и недостойное занятие, до сих пор колом сидит в мозгах многих людей. Большинство ссылается на свое исключительное пристрастие к правдивости, полагая, что писательство – это вранье. Они не подозревают, что факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением нескольких характерных черт, освещенных слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей в сто крат ярче и доступнее, чем правдивый и до мелочей точный протокол».

<...>

31 декабря, четверг. Утром банк буквально завалил меня деньгами – видимо, Варламов потряс и нашу бухгалтерию, и министерские кадры, и все бюджетные долги пришли. Даже Ашот похвастался, что ему дали премию. Я прикинул, что этот премиальный остаток в институтском бюджете возник из-за того, что деньги перестали растворяться на верхушке айсберга. Здесь несколько составляющих: новый ректор, акт и некоторые факты в нем, о которых написала комиссия, возможно, не обошлось и без моих инвектив на ученом совете, застеснялись.

На встрече Нового года были сосед Мих. Мих., С. П. Сын С. П. Сережа, которого тоже пригласили, сказал, что как человек верующий – прости, папа, – считает, что встреча Нового года – язычество. Сейчас идет пост. Я к Новому году надел черный костюм, белую рубашку и бабочку. Прикрепил к костюму две или три большие звезды, которые мне вручали в начале перестройки, веселил себя. <...>

Было много, как обычно, телефонных звонков. Тронул звонок Саши Белова из МГИМО – звонил и поздравлял от имени группы.

По телевизору была какая-то эстрадная невнятица. Ощущение, что это класс английского языка, все или почти все пели на английском. Киркоров в фиолетовой обтяжке и с массой перьев на голове. Здесь вспомнилась Кончита Вурст.